

ЛЕХАИМ N 5 (217)

МАЙ 2010г.

ИЯР 5770г.

Возьмем, к примеру, Вашу сегодняшнюю повседневную жизнь в ее многочисленных проявлениях. Когда Вы решаете совершить какое-то действие, даже если оно требует больших денежных затрат или много энергии, Вы не можете гарантировать, что результат будет таким, на который Вы надеетесь. Скорее, Вы опираетесь на мнение других людей. Так, покупая билет, чтобы ехать куда-то, Вы не проверяете предварительно автобус или поезд, не изучаете механизм его работы: Ваш билет гарантирует Вам благополучное прибытие в место назначения. То же самое происходит не только в тех случаях, когда Вам гарантирован немедленный возврат вложенных средств (о чем Вы узнаете очень быстро), но и в тех, когда требуются годы, чтобы вернуть вложенные средства. Если Вы честно проанализируете собственные действия, то признаете, что опираетесь не только на свои знания, но и на сведения, полученные от людей, которым доверяете. Ведь у Вас нет оснований подозревать этих людей во лжи или в намерении ввести Вас в заблуждение. Мало того, чем больше людей свидетельствуют: вот это верно, вот это действует, – тем бо́льшую уверенность Вы обретае, доверившись их свидетельству.

И даже в вопросах жизни и смерти, когда Вам предстоит сложная операция (сохрани Б-г!), Вы доверяете хирургу – исходя из того, что у него есть сертификат, подтверждающий, что он учился у другого опытного хирурга десятью-двадцатью годами ранее и что он компетентный доктор. Это даже надежнее, чем получить личные свидетельства от других его пациентов о том, что их лечение прошло успешно. Доверяя такому свидетельству, Вы позволяете человеку провести очень серьезную операцию, даже если он простой смертный, даже если он сам говорит, что может ошибиться в ходе операции, хоть и провел несколько успешных операций в прошлом. Все упирается в тот факт, что Вы доверяете свидетельствам других людей. Особо важные случаи отличаются лишь тем, что Вы полагаетесь на свидетельство не одного, двух или трех человек, а на мнения и свидетельства многих людей.

Такого рода верификация распространена еще больше применительно к событиям прошлого. Сейчас уже невозможно узнать, каким образом происходили эти события. Однако ни один нормальный человек не подвергнет сомнению общую точку зрения трех-четырех историков. Даже если они не согласны друг с другом в деталях, обычно принимается точка зрения большинства, особенно если это подавляющее большинство – десять, сто или тысяча против одного.

Теперь перейдем к главной теме. То, что Тора была дарована на Синае Самим Б-гом, – вовсе не новая теория. Мы слышали об этом от родителей, наши родители – от своих и так далее, от поколения к поколению. Причем каждому последующему поколению это событие излагалось в такой же версии, с теми же подробностями, сотнями тысяч людей самого разного происхождения. С момента дарования Торы предание нигде и никогда не изменялось. Оно восходит к тому поколению сынов Израиля, которые вошли в землю Израиля с Йеошуа. Об исходе из Египта им рассказывали их родители, стоявшие на горе Синай и слышавшие Голос, который произнес: «Я Г-сподь, Б-г ваш».

Очевидно, что если бы вся эта история была обыкновенным слухом, начало которому положило одно из поколений, то сотни тысяч людей должны были тайно договориться о том, что станут одновременно распространять слух о даровании им Торы, а это невозможно. Наверняка кто-то воскликнул бы: «Что это за новая идея, почему мы никогда раньше о ней не слышали?..»

Вы можете возразить, что христиан и мусульман тоже насчитываются миллионы, и они тоже хранят свои предания.

Но это не аргумент, поскольку их предания существенно отличаются от преданий евреев. Христианское предание в конечном счете восходит к одному человеку (апостолу Шаулю^[1]) или же к десяти-двенадцати апостолам, которые утверждали, что слышали его от кого-то еще. Они не утверждали, что были лично причастны к этому «пророчеству». Иными словами, предание было сужено до одного смертного человека, который мог делать ошибки, подмены, невольно или сознательно. То же верно и применительно к мусульманам – что касается истоков их веры в Мухаммеда, вернувшегося из пустыни и сообщившего, что он видел «пророчество» и т. д.

Возможно ли для неевреев достигать такого же духовного статуса?

Известно положение Рамбама (Млахим, 8:11) о том, что «праведные из всех народов» обретут долю в грядущем мире.

Как объяснить, что неевреям не были даны такие же возможности, как евреям?

Есть несколько объяснений. Главное из них заключается в том, что никто из нас не в силах постичь, почему пути, резоны и деяния Б-жьи именно таковы, а не какие-либо иные. Здесь уместно провести аналогию с организмом человека, представляющим своего рода «микрокосм»: нога не способна обрести разум, присущий человеческому мозгу. Но и мозг не способен разделить сердечные эмоции. Другими словами, каждый орган человеческого организма имеет свое предназначение. Одни органы имеют очень сложное строение, другие – более простое, но у всех есть конкретное, точное предназначение. Только в тех случаях, когда орган выполняет свою функцию, он достигает предназначенного ему уровня совершенства.

То же самое верно и применительно к макрокосму, к миру в целом. Неодушевленные предметы выполняют предназначенные им функции – так же, как растения, животные и люди, – каждый свою. Книга Зоар объясняет (Ш, 221б), что евреи среди других народов подобны сердцу в человеческом теле. Ясно, что рука или нога не могут обрести чувства, присущие сердцу, поскольку назначение руки – писать и двигаться, ноги – ходить и т. д. Вы же не спрашиваете, почему Ваша нога не способна писать или почему сердце не способно осуществлять мыслительный процесс. Вот почему поставленный Вами вопрос неуместен. Сказанное относится и к следующему вопросу.

Кто лучше: праведный нееврей или греховный еврей?

Ответ зависит от Ваших намерений. Говорите ли Вы о неких потенциальных возможностях или о действительности? Опять-таки, сравните еврея с сердцем, мозгом, которые не исполняют своих функций. Иными словами, что лучше: больное сердце или здоровая нога?

Согласно традиции, мы живем сейчас в 5719 году с сотворения мира. Как это соотносится с «научными взглядами»?

Если кратко ответить на Ваш вопрос, то все науки (даже те, которые называются «точными») опираются на совершенно необоснованные гипотезы, – их просто подгоняют под теории. Наиболее показательны в этом смысле исследования эволюции и развития земли (космология).

Назову некоторые из таких гипотез: законы природы не менялись и оставались такими же, как сегодня; атмосферное давление, радиация, сотни и тысячи других

параметров приблизительно соответствовали нынешним и т. д. Главная из этих гипотез состоит в том, что мир не мог быть создан в завершённом виде, и его развитие началось с нескольких отдельных атомов, которым впоследствии предстояло соединиться. Это соединение должно было иметь такую же форму и скорость, как сегодня (то есть ничего не изменилось, хотя мир проходил тогда этапы становления). Потом понадобилось энное количество лет, чтобы мир развился, чтобы появились животные, люди и т. д.

Даже если отвергнуть некоторые из этих гипотез, то все выводы ученых окажутся несостоятельными. К примеру, какие разумные доводы способны убедить людей в том, что Б-г не мог создать человека сразу, а создавал сначала отдельные атомы, которые сами собой соединились?..

P. S. Еще одно доказательство необоснованности научных расчетов ученых, работающих в различных областях науки (геология, астрофизика, радиоактивные измерения и т. д.) состоит в том, что их заключения о возрасте Вселенной противоречат друг другу.

Смысл жизни

Вы пишете, что Вам не удастся найти ответы на вопросы: «В чем смысл жизни?», «Что значит быть евреем?» Вас мучают сомнения.

Вы посещали колледж и изучали науки, поэтому Вы должны знать, какой подход применяется в разрешении сложных проблем. Если мы желаем верифицировать некую систему, касательно преобладающих в ней законов и принципов, то начать надо с тех ее частей, которые легче поддаются анализу и верификации. Верифицируя, шаг за шагом, значительную часть системы, мы можем констатировать: если большая часть удовлетворяет определенным законам, то и оставшейся частью управляют те же законы. Здравый смысл подсказывает: если какой-то закон подтверждается в подавляющем числе случаев, то он верен и тогда, когда не может быть убедительно подтвержден.

Применяя этот подход к Вселенной в целом, мы все более убеждаемся, год за годом, в том, что закон и упорядоченность правят в мире, включая неодушевленную материю, – до мельчайшего атома и составляющих его частиц. Ядерные исследования обнаружили невообразимую гармонию и упорядоченность примерно в сотне элементарных частиц, известных на сегодняшний день. В столь гармоничной и упорядоченной Вселенной человек, очевидно, тоже должен соответствовать некоей цели и упорядоченности.

Делаем следующий шаг: если в природе царит такая гармония и упорядоченность, то должна быть Высшая Сила, отвечающая за нее. Можно привести аналогию: когда мы держим в руках книгу в сотни страниц, в которой изложена связная история или философская концепция, то никакая сила воображения не позволит нам предположить, что эта книга «сложилась» случайным пролитием бутылки чернил... Гораздо меньше вероятность того, что наша Вселенная, с ее бесконечным количеством атомов, молекул и элементарных частиц, столь упорядоченная и гармоничная, могла возникнуть случайно. Очевидно, есть Творец и Зодчий, Который создал и соединил различные части Вселенной в совершенном и гармоничном единстве.

Совершенно ясно, что мы не в силах охватить разумом всю эту систему, поскольку наш разум, как и наше бытие в целом, – лишь мельчайшая часть космического мироздания, ни в коей мере не сравнимая с Самим Творцом. Было бы абсурдом пытаться

постичь Творца, но еще больший абсурд – отвергать Его существование только потому, что мы не способны постичь Его. Может ли «единица» охватить бесконечное число «единиц»? Но здесь, по крайней мере, есть некая взаимосвязь, поскольку единица и бесчисленное число единиц являют собой одни и те же объекты – числа, тогда как между творением и Творцом нет никакой общности.

Проведем еще одну аналогию: в физике, химии и других науках, когда закон выводится на основе ряда экспериментов и подтверждается разными людьми, при различных показателях давления, температуры, влажности, то есть исключается возможность ошибки, побочных эффектов, такой закон принимается и становится годным даже применительно к будущему. Это научное правило считается справедливым по отношению к событиям и явлениям прошлого. Если некое событие или явление засвидетельствовано многими историками и точно описано, то никаких научных сомнений в том, что оно действительно имело место, не возникает.

Такое же историческое событие – Откровение на горе Синай. О нем есть точные свидетельства миллионов людей – мужчин, женщин и детей. Они засвидетельствовали это событие, потом точно изложили его своим детям, – и так продолжалось поколение за поколением, непрерывно, вплоть до сегодняшнего дня. В любой момент, даже во времена страшнейших погромов и физического уничтожения евреев, миллионы людей преданно хранили традицию. Хорошо известно, что никогда в еврейской истории цепь традиции от Синая до сегодняшнего дня не прерывалась. Тем самым это событие становится наиболее достоверным из всех событий человеческой истории!

Это означает, что Тора, которую мы храним и лелеем, дана самим Б-гом. Она не только указывает нам путь жизни, она и ключ к нашему бытию на все времена – поскольку вечна, как и Тот, Кто даровал ее. Это не теоретический труд, не философско-спекулятивный трактат, а практическое руководство для нашей повседневной жизни, актуальное везде и всегда, включая Америку XX века.

Здесь, в Торе – Письменном и Устном Законе, четко определена цель жизни человека на земле. Если сформулировать кратко, то жить нужно в соответствии с Торой, исполняя ее положительные заповеди и стараясь не нарушать запреты.

Тора учитывает и хрупкую природу человека, искушения и соблазны, которым он подвержен как существо из плоти и крови. Человеку трудно, почти невозможно избежать падений, и Тора советует не предаваться отчаянию, если это случилось. Всегда

есть тшува – возвращение к Б-гу, на верный путь; само падение может стать трамплином для движения вперед.

СПАСИБО ВАМ, ЛЮБИМЫЕ РОДИТЕЛИ

Аиде Эацид

Эти строки я пишу, возвратившись из необычной и очень радостной поездки. Впервые за много лет наша большая семья собралась вместе. Причина была знаменательная: мои родители отмечали пятидесятилетие своей свадьбы. По такому поводу, конечно же, решили собрать всех – детей, внуков, правнуков, живущих в самых разных странах, на разных континентах.

Конечно, за праздничным столом все поздравляли наших дорогих и любимых родителей, желали им здоровья, счастья и жизни «ад меа ве-эсрим», до 120 лет. Каждый рассказывал старшим о себе – о своей жизни, о работе, об успехах. И каждый понимал, что успехами этими в первую очередь обязан тому воспитанию, которое получил дома, еще в детстве. Мы делились воспоминаниями, говорили о том, как родительское воспитание помогает нам сейчас, в общении с собственными детьми.

Интересно, что каждый из многочисленных братьев и сестер в своих рассказах делал акцент на чем-то своем. А ведь всех нас воспитывали в одном доме, у нас общие папа и мама, и ни один из нас не мог сказать, что его как-то особо выделяли! Но это, наверное, главная идея правильного воспитания: каждый ребенок получает что-то особенное, соответствующее его характеру, его способностям и склонностям – получает именно то, что поможет ему в будущем построить свою жизнь.

Еще одна, если вдуматься, поразительная деталь: все мы занимаемся тем делом, которому посвятили жизнь наши родители. Каждый в своей стране, своими путями способствует делу распространения еврейства, помогает людям вернуться к нашей культуре, к нашим традициям, к Б-гу и заповедям. Это не такой уж распространенный случай: чаще бывает, что родители хотят видеть в детях продолжателей своего дела, но дети выбирают что-то другое. Вполне естественное желание: дети видят, какая трудная работа у отца, сколько она забирает сил, и думают, что лучше выбрать иную профессию...

Мы тоже видели, что папа с мамой взяли на себя нелегкое бремя. Мало того: когда сразу после свадьбы Ребе отправил их своими посланниками в Милан, почти все родственники думали, что у них там нет будущего. Ну как можно возродить еврейскую жизнь в Милане, какая там вообще может быть еврейская жизнь?! Действительно, родителям было очень трудно, и мы, дети, это видели. Но мы также видели, что удовлетворение от работы, осознание ее необходимости для них куда значительней любых трудностей.

Сейчас я гляжу назад, через много лет, и вижу, как мудро с нами обращались папа и мама, как они закладывали в нас те вещи, которые теперь помогают нам воспитывать собственных детей. Думаю, опыт моих родителей полезен для любой семьи.

Мои родители пережили Холокост в Европе. То, что они выжили, – само по себе чудо. Думаю, после таких переживаний у людей возникает иная шкала приоритетов. Они не обращают внимания на мелочи, видят главное в жизни. Они понимают, что человек не может предвидеть все: он должен полагаться на Б-га и всегда просить Его помочь в принятии решения. Эту жизненную основу родители закладывали в нас с раннего детства.

Еще одна важная особенность воспитания: у нас дома никогда не было давления на детей. Родители не держали нас в узде, не контролировали каждый наш шаг. Конечно, папа с мамой всегда были готовы дать совет, объяснить, почему в той или иной ситуации лучше поступать так, а не иначе. Но они с самого начала давали понять, что пусть мы еще дети, но мы люди, имеющие свободу выбора. И за свой выбор мы отвечаем сами.

Главное, что дали нам родители, чтобы научить правильному поведению, – это свой собственный пример. Ведь сколько ни говори ребенку: «Делай так!» – он все равно смотрит на тебя: делаешь ли ты сам то, что проповедуешь. Именно живой пример родителей вырабатывает у ребенка жизненные привычки, которые не оставят его и в зрелые годы. Наверное, именно глядя на папу с мамой, на их каждодневный труд, мы решили продолжить дело родителей...

Приведу несколько примеров. Уже более 35 лет мой отец каждую субботу ходит пешком помогать одной удаленной общине. Это полтора часа в один конец. То есть в субботу он не так много времени мог быть дома с детьми. Мы знали, что куда приятнее ему было бы отдохнуть с семьей. Но понимали мы и то, что ради других людей папа иногда должен жертвовать самым ценным для него. И это был важный для нас урок.

Каждое лето родители организовывали детский еврейский лагерь. Мой отец был инициатором системы «Ган-Израэль», лагерей учебы и отдыха, которые сейчас работают в десятках стран мира. Главная идея была – показать детям, что соблюдение заповедей – это не тяжкий труд, а прежде всего радость, что дети могут играть и учить Тору, играть и соблюдать мицвот. Это добавило счастья в жизнь многих детей.

Еще один пример, на сей раз из жизни семьи. Наши родители не имели обыкновения ругать детей или кричать на них. А если они выражали недовольство, то причина была, как правило, одна: когда они видели между нами разлад. Именно такая их позиция помогла нам сдружиться. И сейчас, когда мы приехали из разных стран и сидели за одним столом, мы чувствовали огромную радость от общения друг с другом и огромную благодарность родителям, которые заложили в нас эту дружбу.

И последнее – то, чего в детстве мы не понимали и осознали, лишь став взрослыми. Нередко материальное положение семьи было трудным – но родители ни словом, ни намеком не давали нам это понять. Если вдруг нам чего-то не доставалось, они никогда не говорили, что это из-за денег. Когда ребенок знает, что он не может получить чего-то, поскольку у родителей нет денег, он вырастет с идеей о том, что главное – заработать побольше. А нас с раннего детства учили, что деньги не главное, это только средство, одними деньгами счастья не добиться. Как же этот настрой помог нам во взрослой жизни!..

Вот лишь некоторые из мыслей и чувств, которые охватили меня, когда вся семья собралась за родительским столом. Хочу всем вам пожелать пережить такое в свое время – собрать семью и ощутить ту радость, тот «нахас», который я увидел на лицах моих замечательных, моих любимых родителей.

ПОЧЕМУ В ШАВУОТ ЧИТАЮТ КНИГУ РУТ

אָמִי עֵם עֵאָרֵי

Есть несколько объяснений древнего обычая, по которому во многих общинах принято читать в Шавуот свиток книги Рут. Во-первых, считается, что царь Давид, который родился и умер в Шавуот (Вавилонский Талмуд, Хагига, 12а), был правнуком праведной моавитянки. Во-вторых, события, описанные в книге Рут, разворачиваются на фоне жатвы пшеницы, а она в Земле Израиля созревает накануне Шавуот (поэтому во времена Храма евреи совершали в этот день специальное приношение – два хлеба из пшеничной муки нового урожая). Однако возможны и другие объяснения. На наш взгляд, существует глубокая внутренняя связь между Шавуот как праздником Дарования Торы и основной идеей книги Рут.

Здесь и на следующей странице фрагменты гравюр Гюстава Доре к книге Рут. 1864–1866 годы

Доктор Арье Ольман, посвятивший несколько статей преподаванию книги Рут, писал: «Перед нами не историческая хроника, перед нами литературное произведение. Перед нами новелла, и как таковую ее и нужно воспринимать. Это нравоучительная повесть».

Однако чему именно учит нас эта книга? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся непосредственно к библейскому тексту. И попробуем прочитать его с точки зрения еврейского права – в какой мере действия тех или иных героев соответствуют его предписаниям.

Книга Рут начинается с того, что муж Наоми Элимелех вместе со всей семьей перебирается из Иудеи в Моав, спасаясь от голода, свирепствовавшего в то время в Земле Израиля (см. Рут, 1:1). Впоследствии мудрецы охотно порицали Элимелеха за это решение – как один из «глав поколения», он не должен был покидать Страну Израиля, бросив своих соплеменников в беде. Однако с точки зрения буквы закона Элимелех был совершенно прав – Алаха разрешает покидать Святую землю во время сильного голода: «селиться вне Страны Израиля запрещено, кроме случаев, когда там сильный голод. Такой, что мера пшеничного зерна стоимостью в один динар будет стоить два динара. Это относится к тому случаю, когда у человека есть деньги, но продукты питания дорогие. Но если продукты питания дешевы, а у человека нет денег и нет никакой возможности

заработать и он истратил последние деньги – может выезжать в любое место, где найдет себе доход» (Вавилонский Талмуд, Бава батра, 91а; Мишне Тора, Законы о царях и войнах, 5:11-12).

После смерти мужа и сыновей Наоми вдова Элимелеха, решила вернуться в родной Бейт-Лехем вместе со своей вдовой невесткой. Однако вскоре выяснилось, что им не на что жить на родине. И тогда Рут отправилась собирать на полях колоски, забытые и оброненные жнецами. Это было вполне логично – согласно Торе, каждому земледельцу следовало оставлять опавшие колоски, дабы их могли подобрать бедные и нуждающиеся: «Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу» (Ваикра, 19:9:10). Поэтому, когда Боаз, владелец поля (оказавшийся родственником Наоми), обнаружил на своем поле не только своих работников, он ничуть не удивился и лишь поинтересовался, что это за женщина (см. Рут, 2:5).

Этот вопрос Боаза можно счесть простым любопытством. Однако не исключено, что он спрашивал о другом. По закону человек, имеющий определенный минимум средств, не вправе собирать упавшие колоски и пользоваться дарами бедняков (см. Мишна Пеа, 8:8); соответственно, Боаз хотел удостовериться, есть ли основания у этой женщины находиться на его поле. Кстати, стоит отметить, что национальность Рут в данном случае не имеет значения: по Алахе, нееврейские бедняки могут собирать упавшие колоски наравне с еврейскими (см. Мишна Гитин, 5:8).

Позволив Рут остаться на поле и собирать колоски, Боаз поступил строго по закону. Однако дальше начинаются неожиданности. Сначала он разрешил молодой вдове пить воду, принесенную для работников: «Когда захочешь пить, иди к сосудам и пей, откуда черпают слуги мои» (Рут, 2:8). А затем предложил ей поесть вместе с работавшими в поле, да еще и угостил своей собственной провизией: «И сказал ей Боаз: время обеда; приди сюда и ешь хлеб и обмакивай кусок твой в уксус. И села она возле жнецов. Он подал ей хлеба; она ела, наелась...» (Рут, 2:14). Ни один закон не предписывает подобного поведения.

Согласно Торе, бедняк может подбирать те колоски, которые жнецы случайно уронили при жатве. Однако Боазу показалось, что его работники роняют слишком мало. Поэтому он потребовал, чтобы они специально оставляли для Рут часть колосьев: «И от снопов откидывайте ей и оставляйте, пусть она подбирает» (Рут, 2:16). Это жест исключительно добровольный – Алаха, разумеется, не требует и не может требовать, чтобы земледelec сознательно работал себе в убыток.

Проведя весь день в поле, Рут вернулась домой и отдала свекрови собранное зерно, а также остатки еды, которой ее угостил Боаз (см. Рут, 2:17-18). Несомненно, это был очень достойный и человеколюбивый поступок, однако совсем необязательный с точки зрения буквы закона. Еврейское право признает различные виды родственных обязанностей, например: обязанности родителей по отношению к детям, детей по отношению к родителям, супругов по отношению друг к другу и т. д. Однако у вдовы нет никаких формальных обязательств в отношении родителей ее покойного мужа.

Рассмотрим теперь еще один эпизод – переговоры Боаза с родственником по поводу выкупа поля: «И сказал [Боаз] родственнику: Наоми, возвратившаяся с полей Моавитских, продает часть поля, принадлежащую брату нашему Элимелеху; я решился довести до ушей твоих и сказать: купи при сидящих здесь и при старейшинах народа

моего; если хочешь выкупить, выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мне, и я буду знать; ибо кроме тебя некому выкупить; а по тебе я. Тот сказал: я выкупаю. Боаз сказал: когда ты купишь поле у Наоми, то должен купить и у Рут Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его» (Рут, 4:3-5).

Что касается предложения выкупить поле, то тут Боаз действовал в полном соответствии с Алахой. Согласно Торе, желательно, чтобы наследственные наделы оставались в кругу семьи, поэтому, «если брат твой обеднеет и продаст от владения своего, то придет близкий его родственник и выкупит проданное братом его» (Ваикра, 25:25). А вот со вторым требованием Боаз – жениться на Рут, чтобы «восстановить имя умершего», – все обстоит куда сложнее. Боаз в данном случае ссылается на закон о левиратном браке из книги Дварим: «Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жены, и жить с нею» (Ваикра, 25:5). Однако, во-первых, анонимный родственник Элимелеха не был братом покойного мужа Рут. А во-вторых, законы левирата относятся только к еврейскому браку. А был ли брак Рут и Махлона таковым, точно сказать нельзя – по мнению многих комментаторов (например, Мальбима), Рут вышла замуж, но не была еврейкой. С точки зрения Алахи подобный брак считается недействительным, и Рут в этом случае никак не могла считаться вдовой еврея.

В общем, условие, поставленное Боазом, выглядит странно. И родственник, отказавшийся в такой ситуации выкупать поле, никакого закона не нарушил.

Подведем итоги. В книге Рут нет злодеев – все герои повествования действуют в строгом соответствии с буквой закона. Но есть также двое, Боаз и Рут, которые постоянно делают гораздо больше, чем предписано. И именно они становятся главными героями книги. И более того: от их брака предстоит родиться Давиду, величайшему из еврейских царей и предку грядущего Машиаха. Иными словами, через всю книгу красной

нитью проходит мысль о том, что добро и милосердие не ограничены буквой закона, ибо порой человек должен сделать нечто большее, нежели просто «исполнить правило».

В этом контексте становится вполне понятным, почему традиция предписывает читать книгу Рут именно в Шавуот. В этот день евреи получили Тору, то есть свод законов, регламентирующий то, что человек должен делать в той или иной ситуации. А книга Рут напоминает, что в иных ситуациях это требование необходимое, но недостаточное. Или, говоря языком Талмуда, что «не установлены нормы для края поля, для приношения первых плодов нового урожая, для прихода в Храм, для помощи ближнему и для изучения Торы» (Пеа, 1:1).

МОЛОЧНАЯ ТРАПЕЗА В ШАВУОТ

Àðüá Ī éüü àí

Всем известен такой обычай: в праздник Дарования Торы, Шавуот, едят молочные блюда. Если знают его не от бабушек, то от Шолом-Алейхема: «Тот, кто завел обычай в праздник пятидесятницы по утрам употреблять молочную пищу, тот, поверьте, был мудрецом. Нет лучше, нет вкусней, нет свежее и дешевле молочной еды! Правда, она тоже обходится в копеечку, все же с мясом ее не сравнить, причем мясо вам дает всего лишь мясо да кости, а в молоке – и молоко, и творог, и масло, и сметана, и сливки, и простокваша, и сыворотка! А сколько всякой всячины можно соорудить из молочных продуктов! Из мяса вы можете приготовить только бульон, гуляш, кисло-сладкое и жаркое – вот и все. А имея молоко, можно состряпать и молочную кашу, и молочную лапшу, и рис в молоке, и молочные вареники, и молочные калабушки, и молочную вермишель, не говоря уж о самом молоке. Не счесть всего, что можно сделать из творога и масла! Судите сами: тут и пельмени, и вареники, и оладушки, и пирог, и творожники, и запеканка, и налистнички, и галушки, и блинчики, и сырники, и плюшки, и блины, и ушки... Да сверх того еще такое множество всяких блюд, что всего и не вспомнишь, к примеру: ватрушки с творогом, масляная каша, рыба на масле, молочный борщ, ряженка, сливки – от такого вкусного стола никто не откажется, разве самый что ни на есть последний глупец, которого впору кормить соломой» («Молочная пища»).

Правда, герой, произносящий этот монолог, – лишь потенциальный чревоугодник: «Нашлась капля молока для заправки – ладно! А не нашлась – не беда, спасибо за то, что борщ хоть готовился в кастрюле из-под молока. Моей ватаге только дай волю, начни ее поить одним молоком, тут не то что козы – трех коз не хватит. А я, между прочим, являюсь владельцем всего лишь половины козы...»

Попробуем вкратце рассказать о многочисленных обычаях, связанных с теми аспектами праздника, что делают его, выражаясь метафорически, яркой звездой на кулинарном небосклоне еврейской жизни.

Большинство наших читателей – выходцы из ашкеназских общин Литвы, Белоруссии и Украины, где было принято выпекать конусовидный пирог в виде горы Синай и где почти повсеместно делали блинчики с творогом, свернутые как свиток Торы. В наших краях принято также делать штрудели, кныши, есть борщ без мяса со сметаной, холодный суп, «холодник», или щи.

Во многих общинах Восточной Европы выпекали и треугольные пироги, ведь, как сказано в Иерусалимском Талмуде (Шабат, гл. 8): «Тройственная Тора (Тора [“Пятикнижие”], Невиим [“Пророки”], Ктувим [“Писания”]) дана тройному народу (коаним – жрецам, потомкам Аарона, левиим – служителям Храма, израэлим – всем остальным евреям), третьим (Моше, который был третьим ребенком в семье) в третий месяц (сиван) на третий день отделения (начиная с третьего числа месяца сиван евреи приступили к подготовке Дарования Торы)».

А в Германии, например, было принято печь специальный «призовой» пирог с творогом под неожиданным названием «каулеч» (то есть кулич) для тех детей, которые ни разу не забыли отсчитать дни омера за время от Песаха до Шавуот. У выходцев из восточных общин едят соленый овечий сыр, пекут пироги с творогом и шпинатом. Интересно, что и в общине Франкфурта-на-Майне, в Германии, и в сефардских общинах Северной Африки было принято готовить специальное мясное или молочное блюдо, по форме напоминающее лестницу или пирамиду с семью ступенями – в память о семи Небесах, которые раскрыл Всевышний в час Дарования Торы.

По обычаю в Шавуот едят молочные блюда и в еврейских общинах далекого Курдистана. Тамашние евреи едят в этот день на утренней трапезе «глул» – рисовую молочную кашу, «мдира» – молочную кашу из дробленой пшеницы, «кутили» – кнедлики с масляной начинкой и «кади» – треугольные пироги с творогом. Едят утром в Шавуот молочное и в Тунисе, что странно: ведь евреи этой страны почти не готовят молочных блюд. У евреев Марокко принято сохранять с Песаха несколько мацот, их крошат, смешивают с молоком и медом и едят после молитвы, перед трапезой, дабы исполнить сказанное: «Мед и молоко под языком твоим» (Шир а-ширим, 4:11).

В Хабаде и других хасидских общинах, чтобы избежать многочисленных проблем, связанных с разделением мяса и молока, с обязанностью есть в праздники мясную пищу и с ненужными благословениями^[1], принято есть молочные продукты утром, после кидуша, и без хлеба, а полную мясную трапезу совершать ближе к вечеру.

Попытаемся выяснить происхождение этого обычая. Впервые молочную трапезу как традиционную для праздника Шавуот упоминает в своих комментариях к Шульхан аруху (Орах хаим, 494:3) великий законодатель ашкеназских общин рав Моше Иссерлес (Рама). В сефардских книгах по Алахе такой обычай не зафиксирован – и это понятно, ведь это народный обычай, не восходящий ни к Талмуду, ни к Рамбаму. Однако приводимое равом Моше Иссерлесом объяснение достойно внимания и изучения. По его мнению, таким образом мы вспоминаем о двух хлебных дарах, приносимых во время праздника Шавуот в Храм. В начале трапезы мы едим молочные продукты, а немного погодя – мясные. А это предписывает нам съесть два хлеба в течение трапезы! Ведь одну и ту же буханку хлеба в молочной и мясной трапезе использовать не разрешается.

Пусть так. Но рав Хаим Харлап, глава ешивы «Бейт звуль», резонно замечает, что таким образом можно отметить Шавуот, только если после молока непременно есть мясо: ведь именно это заставляет нас использовать две буханки хлеба во время одной

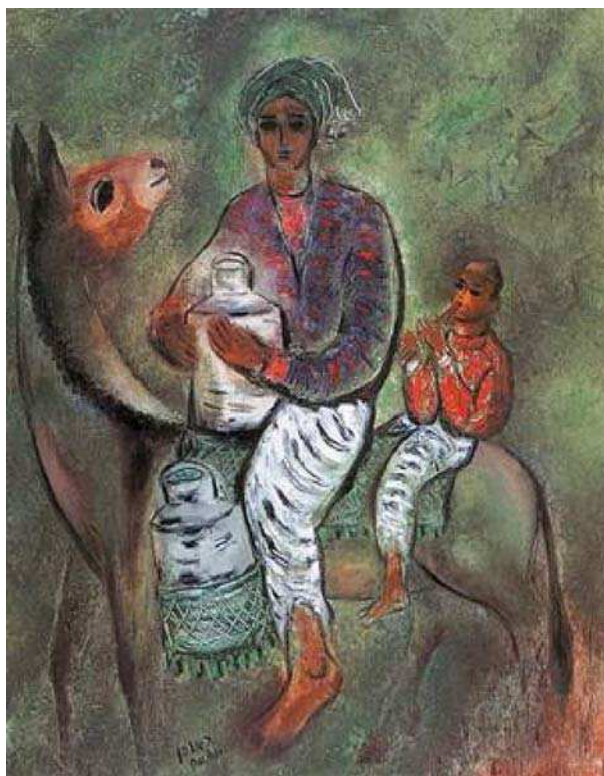
трапезы. Получается, что для соблюдения традиции было бы недостаточно лишь молочной трапезы. Однако на практике, как видим, часто бывает лишь молочная трапеза.

Кроме того, рав Моше Иссерлес объясняет этот обычай и так: праздник Шавуот – это как бы завершение Песаха, высшая точка Исхода. Точно так же, как в Песах во времена Храма ели мясо двух различных жертв – пасхальной жертвы и праздничной жертвы «хагига», в Шавуот у нас две различные трапезы – молочная и мясная.

Комментарий на Шульхан арух «Бэер эйтев» предлагает другое обоснование молочной трапезы в Шавуот. Мидраш рассказывает, что, когда Моше-рабейну поднялся на Небеса, чтобы получить Тору, ангелы стали протестовать. Они требовали, чтобы Тора осталась с ними на Небесах, объясняя это греховностью людей. Всевышний приказал Моше опровергнуть их слова. И тогда Моше ответил: «Сказано в Торе, что не следует есть молочное и мясное вместе, а вы-то нарушили это предписание, когда посещали Авраама!» (см. Берешит, 18:8). Поскольку благодаря объяснению, связанному с запретом на мясное и молочное, мы удостоились получить Тору, то и совершаем молочную трапезу в Шавуот, предполагает автор «Бэер эйтев».

Но и это объяснение грешит неполнотой. Комментарий на Тору «Даат зкеним» (на Берешит, 18:8) указывает, что упоминавшийся мидраш вступает в противоречие с иными словами наших мудрецов, говоривших, что праотец Авраам выполнял все предписания Торы. Поэтому он никак не мог подать гостям молочные продукты вместе с мясными, но сначала подал им молочные, а потом мясо. Так что, по крайней мере, согласно этому мнению, Моше не в чем было упрекнуть ангелов, и вопрос об обосновании молочной трапезы остается открытым.

Израэль Меир а-Коен Пупко, более известный как Хафец Хаим, в своем труде Мишна брура (494:12) приводит такое объяснение: когда евреи получали Тору на горе Синай, им, среди прочего, было предписано соблюдать кашрут. Это накладывало на них также обязательство соблюдать законы шхиты – кошерного убоя скота. А значит, вся их посуда задним числом стала некошерной, ведь в ней готовили некошерно заготовленное мясо! Когда же они вернулись в свои шатры после Дарования Торы, там не было ничего, что они могли бы есть, кроме молочных продуктов, поскольку приготовление мясной трапезы заняло бы слишком много времени. В память об этом мы и совершаем молочную трапезу в Шавуот. Так написано и в книге Геулат Израэль.

Впрочем, и это объяснение спорно. Вавилонский Талмуд (Шабат, 86б) утверждает, что день дарования Торы был шабатом. Зачем же тогда Мишна брура говорит, что для приготовления мясной трапезы понадобилось бы много времени? Следовало бы просто сказать, что в шабат запрещено готовить и забивать скот! Видимо, обоснование, предлагаемое в Мишна брура, связано с мнением рабби Эльзара бен Азарьи о том, что Тора была дарована не в шабат, а в пятницу (как следует из Пиркей де-рабби Элиэзер, 46).

Автор знаменитого комментария, носящего название «Маген Авраам», объясняя Шульхан арух (Орах хаим, 494), приводит интересное толкование из Зоара, основополагающей книги каббалы. Семь недель от Песаха до Шавуот, когда евреи очищались от египетской скверны перед Дарованием Торы, были для Израиля подобны семи дням очищения женщины от месячных. А ведь у кормящей матери почти никогда не бывает месячных. Поэтому молоко для Зоара – символ чистоты, отсутствия скверны, что соответствует духу праздника Шавуот.

Похожее объяснение приведено в Бней Иссахар: молоко своей белизной и чистотой напоминает о доброте и милости Всевышнего, даровавшего нам Тору.

Тора уподоблена меду и молоку, как сказано в Шир а-ширим (4:11): «Мед и молоко под языком твоим» – имеется в виду сладкая Тора в устах изучающих ее. Потому Дарование Торы должно сопровождаться молочной и медовой трапезой. Это объяснение приведено в книге Хок Яаков, где цитируется средневековый сборник обычаев «Коль бо».

Мидраш Бемидбар раба, 1:8, рассказывает, что у горы Синай есть шесть названий, и одно из них – «габнуним» (גבנונים) (Теилим, 68:17), ибо она чиста, как сыр, – «гвина» (גבינה). Поэтому мы едим сыр в Шавуот (Оцар диним у-минагим, с. 394).

Как мы помним, Моше родился 7 адара, и мать скрывала его дома три месяца. В конце концов ей пришлось положить его в плетеную корзинку и опустить в реку. Но

младенца Моше извлекла из реки дочь фараона, и, как рассказывает мидраш, он отказался сосать молоко нееврейской кормилицы. А было это через три месяца после 7 адара – то есть 6 сивана, – впоследствии именно в этот день Моше получит для народа Тору. В память об этом мы и едим в этот день молочные блюда, сказано в «Сефер матамим» (с. 30).

В дополнении «Кунтрес Ахарон» к книге «Гаамей а-минагим» ее автор, рав Авраам-Ицхак Шперлинг из Львова, приводит от имени рава Нахума-Аарона Рокеаха, который слышал это от известного каббалиста рава Шимшона из Острополя, следующее объяснение. До получения Торы евреи опасались есть молочные блюда, полагая (так сказано в Талмуде, Бехорот, б), что молоко – часть тела животного, отделенная от него еще при его жизни, и потому запрещено для любого использования всем потомкам Ноаха: ведь нельзя отрезать от живого животного кусок мяса и съесть! То, что молоко разрешено к употреблению в пищу, мы узнаём лишь из Торы, которая подчеркивает, что именно им славится Эрец-Исраэль, названная «страной, текущей молоком и медом». Только приняв Тору, мы получили разрешение есть молочные блюда.

И еще одно объяснение. Тора учит нас скромности, так что в былые времена евреи изучали ее, сидя на голой земле. Поэтому мы и едим в Шавуот молочные блюда – пищу бедных и скромных людей. Так говорил знаменитый хасидский учитель рав Пинхас из Кореца, и это мнение приводит рав Шмуэль-Пинхас Гельбард в своей энциклопедии «Оцар таамей а-минагим» (с. 305).

А вот два «текстологических» объяснения. Первые буквы слов Торы «Новое хлебное приношение Г-споду в ваш Шавуот» (Бемидбар, 28:26) на иврите образуют слово חֶלֶם – «из молока» (примечания к «Сефер а-минагим», с. 16, примеч. 49; этот «нотарикон» приведен также в Арух а-Шульхан, 494:5). И автор «Сефер матамим» (с. 30) замечает, что гематрия (численное значение) слова «молоко» חֶלֶם – сорок, а это соответствует сорока дням, проведенным Моше на горе Синай.

Можно объяснить этот обычай и из «соположения отрывков» в Торе. Сказано в книге Шмот (34:26): «Начала, первинки твоей земли приноси в Дом Г-спода, Б-га твоего», и сразу после этого говорится: «Не вари козленка в молоке матери его». Молоко стоит рядом с первинками, а ведь первинки приносят именно в праздник Шавуот (так написано в «Сефер матамим», с. 30, от имени знаменитого автора «Шней лухот а-брит»).

Обилие объяснений одного обычая зачастую свидетельствует о том, что ни одно из них нельзя считать ни основным, ни изначальным. Так что простой еврей, поедая в Шавуот блинчики с творогом, может иметь в виду только один, базисный смысл этого ритуала: потому что это очень вкусно!

[1] См.: Р. Йоси Фаркаш / Би-сдей-хемер. 1996. Вып. 5–6; Р. Йеошуа Мондшайн. Оцар минагей Хабад. Нисан–сиван. С. 307–309.

ПОЧЕМУ (НЕ) ПРАЗДНУЮТ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

יְיָ יִסְרָאֵל יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Чтобы понять отношение современных представителей традиционного («харедимного») направления в иудаизме к празднованию Дня независимости Израиля, необходимо, с одной стороны, выделить в этом направлении основные группы и течения, а с другой – проследить, хотя бы поверхностно, формирование исторически обусловленных связей религиозного еврейства с возникновением и становлением политического сионизма.

Хотя ортодоксальные евреи занимают противоположные позиции по этому вопросу, их деление на группы условно, так как внутри того или иного направления почти всегда встречаются разнообразные мнения. Итак, есть приверженцы религиозного сионизма (о его отношении ко Дню независимости см.: И. Стрешинский. Почему празднуют День независимости? Лехаим. 2010. № 4); к ним примыкают «национальные ортодоксы» (так называемые дати-леуми) и, как правило, ортодоксальные выходцы из восточных общин, занимающие сходную позицию; далее следуют харедим (дословно «Б-гобоязненные») европейского происхождения, включающие литовское (митнагеды) и хасидское направления, среди которых следует выделить любавичских хасидов (Хабад) и сатмарских хасидов; и, наконец, особняком стоят сторонники религиозно-политической группы «Нетурей карта».

Надпись на стене дома в иерусалимском квартале Меа Шеарим: «Иудаизм и сионизм диаметрально противоположны»

Подход других течений ортодоксального иудаизма

Полярные взгляды представителей ортодоксального иудаизма на празднование Дня независимости Израиля связаны с неоднозначным отношением ведущих духовных и законодательных авторитетов XIX века к движению за массовое возвращение из стран рассеяния в Эрец-Исраэль, которое постепенно набирало силу и позднее стало одним из главных направлений деятельности политического сионизма. С одной стороны, многие выдающиеся раввины Нового времени поддерживали идею репатриации, призывали к ней и даже активно содействовали заселению и освоению Страны Израиля (Виленский гаон, Хатам Софер и их ученики и последователи, рав Менахем-Мендл из Витебска, рав Авраам из Калиска и рав Исраэль из Полоцка – ученики Межеричского Магида, рав Цви-Гирш Калишер, рав Йеуда Алкалай, рав Элияу Гутмахер, рав Шмуэль Могилеввер, рав Йосеф-Бер Соловейчик, рав Ицхак-Элханан Спектор, рав Мордехай Эльясберг, рав Нафтали Цви-Йеуда Берлин [Нецив], рав Ицхак-Яков Рейнес, рав Шмуэль-Яков Рабинович и др.). С другой стороны, подавляющее большинство раввинов не поддержали сионистское движение, в руководстве которого преобладали атеистические политики либерального и социалистического направлений. За короткое время они сменили деятелей старого типа, которые остались верны еврейской традиции или хотя бы относились к ней с уважением. Кроме того, в среде ортодоксальных евреев господствовал подход, при котором главными считались дела общины (традиционное образование, поддержка неимущих и т. д.), а любые попытки самостоятельного возрождения еврейской государственности в Эрец-Исраэль и использования иврита как языка повседневной жизни, – святотатством.

«Агудат Исраэль». Литовское и хасидское направления

Движение «Агудат Исраэль», со временем ставшее политической партией, было основано в 1912 году группами ортодоксальных евреев из Германии, Австро-Венгрии и Российской империи. Стоит отметить, что среди участников учредительной конференции были и делегаты 10-го Сионистского конгресса в Базеле, вышедшие из состава Сионистской организации в знак протеста, когда конгресс принял решение включить вопросы образования и культуры в свою программу, несмотря на возражения религиозных депутатов из движения «Мизрахи».

Уже тогда отношение членов «Агудат Исраэль» к заселению Эрец-Исраэль было двойственным: меньшая часть выступала в поддержку взглядов рава Ицхака Бройера, считавшего «подготовку народа Израиля и страны Израиля к воссоединению под властью Всевышнего» важнейшим делом религиозного еврейства. Остальные же – представители немецких и венгерских ортодоксальных кругов, большинство последователей видного просветителя германского еврейства раввина Ш.-Р. Гирша, значительная часть литовской ортодоксии и хасидов Восточной Европы – видели свою главную цель в укреплении ортодоксальных общин в странах проживания и противодействии всему, что вступало в противоречие с их традиционным еврейским укладом или грозило его изменить: имелся в виду религиозный реформизм, ассимиляторское «просветительство», социалистические идеи, сионизм.

Большая часть раввинов как хасидского, так и литовского направления не приняли ни сионистского движения, ни его главных идей. Тем более что с конца XIX века в этом движении все активнее участвовали социалисты разного толка, порвавшие с еврейской традицией.

Но, например, рав Исраэль-Меир а-Коен (Хафец Хаим), один из видных деятелей «Агудат Исраэль», резко осуждая секулярный сионизм и образ жизни нового

ишува, особенно систему светского образования, приветствовал идею заселения Эрец-Исраэль, видя в возвращении евреев на свою землю начало процесса Избавления, за которым последуют приход Машиаха и восстановление Иерусалимского Храма. Хафец Хаим даже издал капитальный труд, посвященный разбору предписаний (алахот), относящихся к Храму и жертвоприношениям.

Большинство духовных руководителей хасидизма крайне отрицательно отнеслись к возрождению языка иврит, к приезду евреев в Эрец-Исраэль и ко всем остальным сионистским идеям. Они считали, что как использование «лешон а-кодеш» («святого языка», иврита) в будничных целях и его неизбежное засорение заимствованиями и неологизмами, так и массовое возвращение на Землю Израиля, ее политическое и общественное обустройство вне контекста иудаизма – это осквернение Имени Всевышнего и Святой земли. Этому они противопоставляли углубленное изучение Торы и строгое соблюдение заповедей. Так, рав Иссахар Тайхтель, занимавший подобную позицию до начала второй мировой войны, писал в 1936 году, что подлинное строительство Эрец-Исраэль должно быть духовным, а не материальным и что заселение Страны Израиля до прихода Машиаха – это «дело [рук] Амалека», духовного антипода народа Израиля, которое задерживает Избавление. Тем не менее некоторые из духовных руководителей хасидизма поддерживали частные инициативы по строительству и обустройству страны, особенно если это касалось Иерусалима и других святых мест. Так, рав Хаим-Эльзар Шапира, глава хасидов Мункача и непримиримый противник сионизма, выделил средства на строительство жилого квартала в Иерусалиме.

Позднее, с середины 30-х годов, после прихода нацистов к власти в Германии, отношение «Агудат Исраэль» к переселению евреев в Эрец-Исраэль в целом изменилось. Постепенно произошел переход к более прагматичной политике: активному участию в жизни ишува, сотрудничеству с другими еврейскими, в частности сионистскими, организациями. Между двумя войнами немалое число хасидов приехало в Палестину, и многие из них приняли деятельное участие в основании городов Бней-Брака, Кфар-Хасидим и других, в организации учебных заведений и т. д. Среди их лидеров особенно известны Гурский ребе, рав Авраам-Мордехай Алтер, один из основателей «Агудат Исраэль», и рав Хаим-Меир Йехиэль Шапира из Дрогобыча, самый близкий к сионистским идеям среди хасидских ребе.

В 1937 году состоялся съезд «Агудат Исраэль», на котором обсуждался вопрос о том, дать ли согласие на образование еврейского государства (это было реакцией на опубликованный в Англии отчет комиссии лорда Пиля). Рав Хаим-Озер Гродзенский, духовный руководитель литовского еврейства в довоенные годы и один из основателей «Агудат Исраэль», написал по этому поводу: «Даже если такое государство будет образовано, оно будет не еврейским государством, а государством, правительство которого состоит из евреев». В единогласно принятом решении было сказано: «...еврейское государство, не основанное на Торе, – это отрицание еврейства; оно противоречит сущности нашего народа и подрывает основы его существования».

Подобно своему учителю раву Хаиму-Озеру Гродзенскому, рав Авраам-Йешаяу Карелиц (Хазон-Иш) резко критиковал сионистское движение, но при этом придерживался прагматичного подхода к происходящему в Эрец-Исраэль. Переехав туда в 1933 году, он вскоре стал признанным духовным лидером ашкеназских ортодоксальных кругов. Хазон-Иш способствовал развитию сети ешив и других учебных заведений, а также школ для девочек «Бейт Яаков»; при этом он разрешил использовать иврит в учебных заведениях «Агудат Исраэль» и включил ряд светских предметов в программу обучения. Во многом солидаризируясь с «Нетурей карта» (о них далее) и даже возлагая на

сионистов духовную ответственность за Холокост, Хазон-Иш требовал, однако, чтобы его последователи принимали участие в жизни государства, в том числе и в выборах. Вот как он объяснял свою позицию: «Если в лесу на меня нападает разбойник и угрожает мне своим оружием, а я вступаю с ним в разговор, с тем, чтобы он оставил меня в живых, – разве [это означает, что] я признаю его? По-простому, он остается все тем же разбойником». Кстати, закрепление Бен-Гурионом ряда важных элементов еврейской традиции в жизни государства (соблюдение субботы и кашрута в государственных учреждениях и армии, заключение браков и др.) – в немалой степени заслуга Хазон-Иша.

Хотя из-за войны и произошли некоторые изменения во взглядах хасидской ортодоксии, все же большинство придерживается в той или иной мере прежних позиций «Агудат Исраэль», Хабада или даже Сатмарского ребе. Тем не менее подпись представителя гурских хасидов, члена «Агудат Исраэль» рава Ицхака-Меира Левина, стоит под Декларацией независимости Израиля.

Можно без преувеличения сказать, что почти никто из сторонников «Агудат Исраэль» в наше время не празднует День независимости и не читает в этот день Алель, подборку псалмов, обычно читаемых в дни еврейских праздников и в начале нового месяца, и не производит некоторых других изменений в порядке молитвы, установленных Главным раввином Государства Израиль.

Начальная школа движения Хабад в Израиле

Любавичские хасиды – ХАБАД

Те, кто знает о разностороннем и значительном вкладе, который вносит движение Хабад в жизнь евреев Израиля, наверное, удивятся, услышав об отношении Любавичских Ребе к сионизму, провозглашению Государства Израиль и празднованию Дня независимости.

Хотя еще в начале XIX века в Эрец-Исраэль последователями рава Дов-Бера, второго Ребе Хабада, была создана община хабадников в Хевроне (1820 год), которая внесла существенный вклад в развитие еврейского населения города, а внук Цемах Цедека, рав Шломо-Залман, ребе из Копуста (Копыщ), поддержал деятельность движения «Ховевей Цион» в России, общее отношение к сионистскому движению было отрицательным. Пятый Ребе, рав Шолом-Дов-Бер (Рашаб), в частности, дал такую оценку идее сионистов: «Мы не имеем права выходить из изгнания силой», так как «это против нашей истинной надежды» – прихода Машиаха и избавления с помощью самого

Всевышнего. Он же сказал, что если сионисты захватят власть в Эрец-Исраэль, раскрытие Машиаха отодвинется на пятьдесят лет.

После войны за независимость и провозглашения Государства Израиль отношение Хабада претерпело некоторые изменения в смысле большей готовности к сотрудничеству, но, по сути, оставалось прежним по ряду принципиальных вопросов.

Седьмой Любавичский Ребе, рав Менахем-Мендл Шнеерсон, в своих выступлениях, письмах и т. д. никогда не использовал слов «Государство Израиль», только Эрец-Исраэль (Страна Израиля), считал, что еврейский народ по-прежнему пребывает в галуте (изгнании), а Израиль – его часть. Ребе выступал против прямого участия представителей движения Хабад в политической жизни Израиля и даже как-то сказал, что День независимости следовало бы отмечать не по еврейскому календарю (5 ияра), а по обычному (14 мая), ибо тогда все знали бы, что это [по сути] нееврейское государство.

В разговоре с братьями Шлозингер, которые издавали книги Хабада и желали включить День независимости Израиля в календарь, Ребе подтвердил решение своего помощника, рава Ходакова, удалившего эти слова, сказав: «Это не было началом Избавления!.. Это не было днем спасения и освобождения для евреев!» И хотя братья Шлозингер пытались убедить Ребе оставить упоминание об этом дне, настаивая на том, что, даже если и не было настоящего спасения для [всего] еврейского народа, все же это день праздника, символизирующий спасение многих евреев и т. д., Ребе твердо стоял на своем: «Это не только не начало Избавления, и это не только не день праздника и спасения для евреев и пр., – напротив, тем самым задержали Избавление на десятки лет».

В 1955 году преподаватель, видимо, работавший в одном из учебных заведений Хабада в Израиле, обратился к Любавичскому Ребе с вопросом о том, как вести себя с учащимися: вообще не упоминать о Дне независимости или кратко сказать о событиях семилетней давности, когда Всевышний сжалился над нами и спас от напавших на нас арабов? В ответ Ребе написал, что событие, касающееся стольких евреев, особенно если видно, что Всевышний «чудесным образом отдал многочисленных в руки немногих, должно пробудить [желание] с еще большей силой служить Ему, и не следует совершенно обращать внимания на тот факт, что имеются те, кто ведет себя по-другому [в этот день]».

Стоит отметить, что отношение Ребе к евреям, живущим в Израиле, было очень дружественным: он проявлял к ним живой интерес, поддерживал, давал советы. При этом не имело значения, кто к нему обращался, хасид из Кфар-Хабада или израильский политик. После Шестидневной войны к Ребе обращались и встречались с ним многие известные политики, включая Шарона, Кацава, Нетаньяху и др. Хорошо осведомленный о том, что происходило тогда в Израиле, Ребе, общаясь с ними, постоянно указывал на то, как важна бескомпромиссная позиция для переговоров с арабами. В отношении земель, самых важных для истории еврейского народа и отошедших в ту пору к Израилю, он придерживался жесткого и совершенно определенного мнения: необходимо все эти земли заселять евреями и не делать никаких уступок, не идти даже на самые малые компромиссы – но это уже отдельная тема. Обеспечение и укрепление безопасности еврейской общины на Святой земле, безотносительно к тому, каких взглядов придерживаются проживающие на ней евреи и к тому, как они соблюдают заповеди, было постоянной заботой Любавичского Ребе, свято исполнявшего заповедь о любви к евреям, «аават Исраэль».

Члены общины «Нетурей карта» выступают против сионизма и защищают палестинцев во время демонстрации на Трафальгарской площади в Лондоне. 30 июля 2006 года

Сатмарские хасиды

Это одно из наиболее молодых по времени возникновения и самых крупных ныне хасидских направлений было создано равом Йозелем Тейтельбоймом вскоре после окончания второй мировой войны. Уже с конца 20-х годов, когда его избрали главой раввинского суда города Сату-Марэ (Сатмар), он вел резкую полемику по разным вопросам, как с сионистскими кругами, так и с другими хасидскими дворами, с его точки зрения, более лояльными к сионизму.

Известно, что рав Йозель запретил своим хасидам переселяться в Палестину до прихода Машиаха, а с началом военных действий на Восточном фронте успокаивал их, говоря, что им ничего не грозит. Поэтому никто не пытался бежать или скрываться, и почти вся его община погибла от рук нацистов. Сам рав Йозель остался в живых, уехав на «поезде спасения». Эта акция была подготовлена видным сионистским деятелем Кастнером, передавшим Адольфу Эйхману «выкуп» – огромную сумму в долларах.

Еще в 20-х годах тех, кто придерживался сионистских взглядов, включая верующих евреев, рав Йозель называл «кофрим» («богоотступниками»), «миним» («еретиками» – так в свое время называли первых христиан), злодеями и распутными людьми и требовал, чтобы на них наложили «херем» («отлучение от общины»). При этом он ссылаясь на Рамбама, который писал о том, что «от доносчиков и еретиков следует отдаляться больше, чем от идолопоклонников».

В конце 30-х рав Йозель выступил с резкой критикой «Агудат Исраэль» из-за их решения поддержать создание еврейского государства, если оно будет основано на Торе. Рав Йозель утверждал, что это им не удастся, поскольку цель сионистов – искоренение веры в Б-га, а если бы у них была возможность, они не оставили бы [в живых] ни одного верующего. Тогда же он отверг идею использовать Эрец-Исраэль как убежище для евреев Европы, над которыми нависла опасность, отметив, что действия сионистов привели к обратному – «к усилению гнева и ярости [арабов]», погубившими это место как место спасения (он имел в виду беспорядки, устроенные арабами в 1936–1938 годах).

Сатмарский ребе обосновывал свою позицию тем, что сионистское движение, а потом и провозглашение Государства Израиль до прихода Машиаха нарушают «три заветия», упоминаемые в Вавилонском Талмуде (Ктубот, 111а); их толкование основано на мидраше: «Сказал рав Йоси бе-Рабби Ханина: Три этих заветия – зачем?^[1] Одно –

чтобы не поднимались евреи стеной из изгнания, одно – что заклил Святой, Благословен Он, евреев, чтобы они не восставали против народов мира, и еще одно, что заклил Святой, Благословен Он, народы, чтобы не поработать евреев слишком сильно...

Сказал рав Леви: Шесть этих клятв – зачем?[\[2\]](#) Три – как мы уже сказали [выше], еще три, чтобы не открывать [время] конца изгнания, чтобы не отдалять конец изгнания (или не подталкивать его – даже чрезмерными молитвами [Раши]) и чтобы не открывать миру тайны Торы.

“Газелями и ланями степными”, – сказал рав Эльзар, – сказал Святой, Благословен Он, евреям: Если вы выполняете клятву – хорошо, а если нет – тогда Я делаю разрешенной вашу плоть как [плоть] газелей и степных ланей».

Вот одно из основных положений рава Йоэля: сионистское движение задерживает Избавление народа Израиля и ведет к несчастьям и бедам, включая и масштаб Катастрофы европейского еврейства. Наше время – это период перед приходом Машиаха; сионизм же – посланное нам Всевышним испытание, которое большая часть народа не выдержала. Еврей, который признает Государство Израиль или сотрудничает с ним, – вероотступник, предавший всю Тору.

Сатмарские хасиды оказывают в Израиле финансовую поддержку различным учебным заведениям, которые отказываются получать помощь государства, в том числе членам общины «Нетурей карта». Рав Йоэль одно время даже считался их духовным руководителем. Но, в отличие от лидеров «Нетурей карта», он в свое время отказался встречаться с Арафатом.

«Нетурей карта»

Эта небольшая община, насчитывающая несколько десятков семей, главным образом потомков евреев из «старого ишува» (то есть живших на Земле Израиля до начала сионистского заселения), вышла в 1935 году из движения «Агудат Исраэль», поскольку не желала вступать в какие-либо контакты, тем более сотрудничать, с Еврейским агентством и другими сионистскими учреждениями и организациями подмандатной Палестины.

Члены общины «Нетурей карта» приравнивают создание Государства Израиль к богоотступничеству и поэтому не признают ни самого государства, ни его учреждений и организаций. Это выражается, в частности, в том, что члены общины отказываются от израильских удостоверений личности, не пользуются израильскими деньгами, не признают как светских судов, так и Главного раввина, бойкотируют муниципальные и парламентские выборы и т. д.

Члены общины «Нетурей карта» всегда были последовательны в своей антисионистской деятельности и радикальных действиях. Так, на исходе 30-х годов они активно выступали против уплаты добровольного налога на оборону еврейского населения, в конце периода британского мандата резко возражали против идеи создания государства и ратовали за интернационализацию Иерусалима, а с момента образования Государства Израиль стали «игнорировать» его. После учреждения Организации освобождения Палестины (1964 год) члены общины «Нетурей карта» поддержали ее деятельность и установили контакты с ее лидерами. Когда же под влиянием «пропаганды за мир», развернувшейся после подписания договора в Осло, связи с ООП перестали шокировать многих евреев, представители общины начали оказывать поддержку «Хамас»,

иранскому президенту Ахмадинежаду и принимать участие в антиизраильских международных конференциях, нередко носящих антисемитский характер.

Члены общины «Нетурей карта» отмечают День независимости Израиля как траурную дату.

* * *

Представители разных кругов ортодоксального иудаизма придерживаются различных, зачастую противоположных взглядов по отношению к созданию и существованию Государства Израиль.

Даже большинство тех, кто отмечает День независимости чтением подборки благодарственных псалмов Алель, не склонны отождествлять государство с правительством, далеко не всегда состоящим из праведных евреев. Они обосновывают это тем, что после чудесного спасения даже гораздо меньшего масштаба принято благодарить Всевышнего. Так, в ряде общин Европы после избавления от кровавого навета или другой напасти были установлены дни, отмечаемые чтением псалмов Алеля и праздничными трапезами. А царь Хизкияу, по словам наших мудрецов, даже был сурово наказан: он не стал Машиахом, поскольку, после того как за одну ночь погибла вся армия Санхерива, не возблагодарил Б-га за оказанное чудо в отличие от Моше, который после чудесного перехода через море воспел благодарственную песнь.

Доводы же противников подобного подхода подробно изложены выше. Стоит, однако, отметить, что в первые годы после провозглашения Государства Израиль многие ортодоксальные евреи сознавали неординарность этого события после страшных событий Катастрофы и относились к нему иначе. Так, в 1949 году, в первую годовщину независимости, в ешиве «Клецк» (в г. Реховот) была проведена праздничная вечерняя молитва, и после праздничной трапезы глава ешивы рав Цви-Йегуда Мельцер сказал учащимся: «Назавтра будем читать после молитвы праздничные псалмы Алель с благословением» (как в праздники).

[1] В Шир а-ширим трижды повторено «Заклинаю вас, девушки Иерусалима, газелями и ланями степными: Не будите, не тревожьте любовь, пока она не проснется».

[2] В каждом из трех повторяющихся стихов из Шир а-ширим сказано: «Не будите, не тревожьте».

ФИЛОСОФИЯ И АЛАХА В ТВОРЧЕСТВЕ МАЙМОНИДА: ВНУТРЕННЕЕ ЕДИНСТВО ПОЗНАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ

Ī eōāēē Ōīāēāād

Окончание. Начало в № 4, 2010

3. Любовь, соединяющая знание и действие

Каким же образом заповеди-императивы следуют из заповеди-истины? В сочинениях Маймонида можно найти несколько подходов к этому вопросу, отражающих различные аспекты единой многоплановой концепции.

В первую очередь заметим, что с логической точки зрения заключение «от сущего к должному» незаконно[1]. Говоря словами Маймонида, умение различать истину и ложь не может само по себе привести к познанию добра и зла[2]. Однако, как мы видели, говоря о познании Б-га в связи с первой заповедью, Маймонид говорит об истине-бытии, а не об истине высказывания. Следствие бытия-истины не равнозначно следствию истинного высказывания. Вслед за провозглашением Б-га как истины Маймонид говорит:

Этот Некто, непреложно Сущий, – Б-г мира, Г-сподин всей земли. И Он вращает небесную сферу силой, которой нет конца и края, силой непрерывной.

Первый Сущий, бытие-истина, выступает здесь как Перводвигатель, порождая в первую очередь движение небесной сферы, а затем и всего мира. Маймонид использует принятые в его время космологические представления для создания модели, которая описывает и человеческое поведение. Круговое движение небесных сфер не устремлено к какой-либо пространственной цели; согласно Маймониду, оно направляется влечением сфер к своей Первопричине. Не слепая сила, подобная той, что движет стихиями подлунного мира, толкает к наиболее полному осуществлению этого космического эроса; небесные сферы созерцают Первопричину и стремятся уподобиться ей.

Как Первый Сущий, будучи предметом любви, порождает движение мира, так и первая заповедь порождает остальные заповеди-императивы. Как совершенное движение небесных сфер не имеет пространственной цели, так и человеческие действия достигают совершенства, лишь когда они лишены внешней цели, когда их цель заключена в них самих. Это называется исполнением заповедей «ради них самих». Когда благо и истина рассматриваются как противоположные категории, благо определяется как путь, ведущий к цели[3], а истина – как путь, сам по себе являющийся целью. Таким образом, заповеданные деяния, совершаемые в расчете на награду – материальную или духовную, – могут быть названы благом (для исполняющего их), а заповеди, исполняемые ради них самих, – истиной.

«Б-г создал два больших светила: большее светило, чтобы управлять днем, и меньшее светило, чтобы управлять ночью, – и звезды». Иллюстрация к Берешит, глава I, 16–17. Испания, Сориа. 1300 год

10.3. (2) Тот, кто служит из любви, занимается Торой и заповедями и следует путями мудрости не по какой-то внешней причине, не из боязни несчастий и не ради того, чтобы унаследовать добро, а поступает по истине, потому что она истина, и в конце настигнет его благо [4](#).

10.4. Это чрезвычайно возвышенная ступень, которой не всякий мудрец удостоивается. Это ступень нашего праотца Авраама, которого Святой, Благословен Он, назвал «любящим Меня», ибо он служил только из любви. И это ступень, которую заповедал нам Святой, Благословен Он, через Моше, как сказано: «Люби Г-спода, Б-га твоего...» (Дварим, 6:5). Когда любит Г-спода достойной любовью, все заповеди непременно исполняются из любви.

10.5. (3) Что же такое достойная любовь? Это значит полюбить Г-спода великой, крепкой любовью, настолько, чтобы любовь к Г-споду овладела душой, чтобы был человек постоянно сосредоточен на ней, как [те,] кто болен любовью, чей разум не способен освободиться от любви к женщине, по которой они сходят с ума – лежа, стоя, во время еды и питья. Любовь к Господу в сердце возлюбивших Его будет сильнее этой, они сосредоточены на ней постоянно, как заповедано, «всем сердцем и всею душою» (Дварим, 6:5), и это то, о чем иносказательно говорит Шломо: «Ибо я больна любовью» (Шир а-ширим, 2:5), и вся Шир а-ширим – аллегория на эту тему (Законы раскаяния, гл. 10).

И подобно этому, нет иной цели в отношении к истине, кроме познания ее истинности, заповеди же – истина, и потому цель – поступать в соответствии с ними (комментарий к Мишне, Сангедрин, 10:1).

Исполнение заповедей «ради них самих» Маймонид называет служением из любви, потому что в этом случае действия человека проистекают из любви, порождаемой созерцанием Б-га. Роль любви как связующего звена между познанием Б-га и остальными заповедями отражена в структуре «Мишне Тора». В первой главе «Фундаментальных законов Торы» рассматривается заповедь знания Б-га, во второй главе – любовь к Б-гу. Кроме того, «Знание» – это название всей первой книги кодекса. Приведенное выше рассуждение о любви содержится в последней главе, служащей связующим звеном между «Знанием» и следующей книгой, которая так и называется – «Любовь».

В приведенном пассаже затрагивается еще один аспект связи знания и любви. В акте познания человеческий разум соединяется с Б-гом, однако телесная природа человека

раз за разом прерывает это единение. Только любовь, порождаемая разумом, охватывает всего человека, подчиняет все телесные силы и приближает его к идеалу непрерывного созерцания Б-га, которому не могут помешать никакие телесные препятствия. На высокой степени постижения и любви все дела и пути человека в этом мире становятся путями познания Б-га и любви к Нему. Об этом говорит книга Мишлей (3:6): «Во всех путях твоих познавай Его», этому учат мудрецы: «Да будут все твои дела во имя Небес» (Авот, 2:12)[\[5\]](#).

4. От знания к действию через исторический опыт

Возможен и другой подход к вопросу о том, каким образом заповедь познания Б-га порождает остальные заповеди, – подход, рассматривающий это знание в исторической перспективе.

В комментарии к десятой главе трактата Сангедрин Маймонид сформулировал так называемые «тринадцать принципов веры». В кратком изложении эти принципы таковы: 1) существование Творца; 2) Его единство; 3) отрицание Его телесности в Нем; 4) Его предвечность; 5) убежденность, что Он – Тот, Кому подобает служить; 6) пророчество; 7) пророчество Моше; 8) происхождение Торы с небес; 9) убежденность, что Тора не будет отменена; 10) убежденность, что Б-г знает дела людей; 11) убежденность, что Он вознаграждает за исполнение заповедей и карает за их нарушение; 12) приход Машиаха; 13) воскрешение мертвых.

Первые четыре принципа – чисто теологические, они описывают Б-га и Его атрибуты. Все остальные принципы касаются отношений Б-га и человека. Пятый принцип отличается от всех остальных: это не теологическое утверждение, а императив, утверждение о должном, а не о сущем, бывшем или будущем. Именно этот принцип служит связующим звеном между чистой теологией и теологической антропологией. Еще более любопытен контекст, в котором тот же принцип появляется в третьей главе «Законов раскаяния». Здесь Маймонид перечисляет те же принципы, что и в комментарии к Мишне, но только в негативной форме, классифицируя еретиков согласно тому, какой из этих принципов они отрицают.

Авраам, смотрящий на звезды. Гравюра из книги Чарльза Фостера «Библейские истории». Конец XIX века

3.14. (6) *И вот те, кому нет доли в Мире грядущем, вот те, кто будет отсечен, пропадет, осужден на веки вечные за величие беззаконий своих и грехов своих: безбожник; еретик; отрицающий Тору; отрицающий воскресение мертвых; отрицающий приход Избавителя...*

3.15. (7) *Пятеро называются безбожниками: тот, кто утверждает, что не существует Б-га и нет Правящего миром; тот, кто говорит, что есть Правящий миром, но их два или больше; тот, кто говорит, что есть один Владыка мира, но Он телесен или наделен обликом; и еще тот, кто говорит, что Он не единственный Первосущий и Создатель всего; и еще тот, кто служит [иному божеству], чтобы оно стало посредником между ним и Владыкой миров. Каждый из этих пятерых – безбожник.*

3.16. (8) *Трое называются еретиками: тот, кто говорит, что нет никакого пророчества и нет никакого знания, которое поступает от Творца в сердце [\[6\]](#) человеческого; и тот, кто отрицает пророчество учителя нашего Моше; и тот, кто говорит, что Творец не знает деяний человеческих. Каждый из этих троих – еретик.*

3.17. *Трое называются отрицающими Тору: тот, кто говорит, что Тора не от Г-спода, даже если утверждает, что один стих, даже одно слово Моше добавил от себя, называется отрицающим Тору; и тот, кто отрицает ее толкование, а именно Устную Тору и ее передачу, как, например, Цадок и Байтос; и тот, кто говорит, что Творец заменил эту заповедь другой заповедью и что уже отвергнута эта Тора, хотя поначалу*

она была от Г-спода, например христиане и потомки Агари. Каждый из этих троих – отрицает Тору.

Служение иному божеству причислено здесь к той же категории, что и отрицание основных теологических принципов. При этом Маймонид подчеркивает и здесь, и в других местах, что такое служение не обязательно связано с отрицанием Б-га, или каким-либо ограничением Его власти, или приписыванием объекту поклонения каких-либо Б-жественных атрибутов. Речь идет о чистом акте поклонения, направленном на что-либо помимо Б-га. Такое понимание «идолопоклонства» делает особенно загадочным его упоминание в категории теологических принципов.

Объяснение можно найти в первой главе «Законов об идолопоклонстве» четвертого раздела книги «Знание». В этой главе, которая служит введением к изложению конкретных законов об идолопоклонстве, перед читателем разворачивается широкая историческая панорама – перипетии драматической судьбы «идеи Б-га» в обществе, утери и обретения человечеством знания о Б-ге. И в идолопоклонстве, и в служении Б-гу заложен импульс, который запускает определенные социально-исторические процессы. Именно это обстоятельство определяет особый статус запрета идолопоклонства и заповеди Б-гопочитания – статус связующего звена между теологией и алахой[7].

Описывая возникновение идолопоклонства, Маймонид подчеркивает, что в его исходных формах объекту культа не приписывается никаких Б-жественных атрибутов; единство и единственность Б-га никак не затрагиваются; заблуждение касается частного вопроса о форме Б-гопочитания[8].

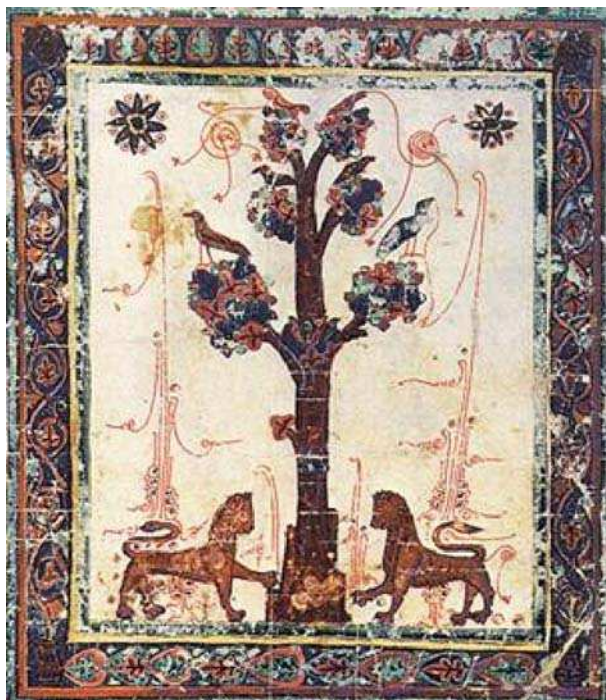
1.1. В дни Эноша [9] люди впали в великое заблуждение – мудрецы того поколения потеряли разум, и в их число входил сам Энош. Вот в чем было их заблуждение: они решили, что раз Г-сподь создал звезды и небесные сферы для управления миром, и поместил их в небесах, и наделил их почетом, и это верные слуги Его, приближенные к Нему, то достойно их восхвалять, и возвеличивать, и воздавать им почести. И это якобы соответствует желанию Г-спода, Благословен Он, – возвеличивать и воздавать честь своим приближенным, ибо желает Царь, чтобы почитали его слуг и придворных, что умножает славу самого Царя.

1.2. Как только в их сердцах зародилась эта мысль, начали они строить звездам храмы и приносить им жертвы, восхвалять и возвеличивать их словами, простираясь ниц пред ними – все это с целью исполнить желание Создателя, согласно их порочным представлениям. А это и есть корень язычества.

1.3. И так утверждают язычники, знающие суть идолопоклонства. Они не утверждают, что нет Б-га, а есть только эта звезда...

Далее Маймонид показывает неизбежную трансформацию культа, связанную с его передачей во времени и распространением вширь. Ошибочное умозаключение мудрецов порождает «по прошествии многих дней» сознательный обман, подкрепляемый ссылкой на откровение; в качестве непреложной истины он начинает внедряться в массы, приобретая все более конкретную, фиксированную форму. В массовом сознании объект культа начинает постепенно приобретать все большую жизненность, самостоятельность и активность: он «может приносить благо и причинять вред», он посылает людям пророков. Представление о столь активно вмешивающейся в человеческую жизнь высшей силе полностью овладевает массовым сознанием, неизбежно вытесняя идею Б-га. Можно сказать, что объект воображения/поклонения закономерно становится (мифологическим)

субъектом истории[10]. Действующая здесь закономерность может быть сформулирована в общем виде: в сфере социально-исторического бытия воображаемое представление вытесняет интеллектуальное понятие, не подкрепленное воображением[11].

Древо жизни. Иллюстрация из Библии. Рим. 1287 год

1.4. (2) По прошествии многих дней появились среди людей лжепророки и стали говорить, что Г-сподь приказал им передать людям: «Служите некоей звезде или всем звездам, приносите ей жертвы и возлияния так-то и так-то, постройте ей храм, сделайте идола, чтобы поклоняться ей, – весь народ, и женщины, и дети, и все простые люди». И показывали людям некий образ, выдуманный ими самими, и говорили: «Вот образ данной звезды, который мне поведали в пророчестве».

1.5. Так начали создавать изображения – в храмах, под деревьями, на вершинах гор и на холмах, собираться там и поклоняться им. Народу же внушали, что это изображение может принести зло или благо и следует ему служить и бояться его. Служители культа убеждали их: умножайте служение – будете иметь успех; делайте так-то и так-то и не делайте так-то и так-то.

1.6. Потом пришли другие обманщики и стали говорить, что сама звезда – или сфера, или ангел – говорила с ними и сказала: «Служите мне таким-то образом!» И поведала им способ служения: как нужно делать и как не нужно. И распространилось это по всему миру – служить идолам самыми различными способами, приносить им жертвы и поклоняться им.

1.7. И по прошествии многих дней стерлось великое и страшное Имя[12] из уст всего сущего, и забыли Его; и все люди земли, и женщины, и дети знали только изображение из дерева или камня и капище, построенное человеком, – то, чему они с детства были приучены поклоняться и служить и чем привыкли клясться.

1.8. И даже мудрейшие из них – например, жрецы и им подобные – воображали, что нет Б-га, кроме звезд и сфер, в честь которых были созданы эти

изображения. А Господина миров [13](#) [никто] не знал и не ведал о Его существовании, кроме нескольких человек во всем мире – Ханоха, Метушелаха, Ноаха, Шема и Эвера. Так существовал мир до тех пор, пока не родился столп человечества, праотец наш Авраам, мир с ним.

История Авраама в интерпретации Маймонида учит нас тому, что человеческий разум способен преодолеть самые неблагоприятные социально-исторические условия и вновь обрести понятие о Б-ге. Однако Авраам не ограничивается этим постижением; оценив негативную динамику идолопоклонства, он понимает, что необходимо противопоставить ей позитивную динамику служения Б-гу. После Авраама Б-г становится не только понятием интеллекта, но и объектом культа, притягивающим к себе устремления воображения и эмоциональные импульсы. Далее Маймонид объясняет, как созданный Авраамом механизм обеспечивает не только передачу знания о Б-ге от поколения к поколению, но и распространение и возрастание этого знания, в результате чего «появился в мире народ, знающий Б-га»[14](#).

1.9. (3) Будучи только отнят от груди, этот исполин начал духовные изыскания и, пока еще был мал, размышлял денно и нощно, поражаясь: как возможно, что эта сфера постоянно находится в движении и у нее нет Движителя? Кто же ее двигает, ведь не может быть, чтобы она двигала сама себя? И не было у него учителя, и никто не подсказал ему ничего; наоборот, он был затерян в Уре Халдейском, среди глупых идолопоклонников.

1.10. И отец его и мать были идолопоклонниками, и он служил идолам вместе с ними. Но в сердце своем продолжал искать истину, пока твердый разум не вывел его на правильную дорогу. И понял он, что есть единый Б-г, Который вращает небесную сферу, Который создал все, и нет в мире другого Б-га, кроме Него.

1.11. Он понял, что все люди ошибаются, и ввело их в заблуждение то, что стали они служить звездам и изображениям, пока не забыли истину...

1.12. Как только понял и узнал истину, стал... учить народ, что единственный, Кому стоит служить, – это Г-сподь мира, и Ему нужно поклоняться, и приносить жертвы, и возлиять вино, чтобы узнали о Нем будущие поколения; и следует уничтожить и разбить все образы, чтобы народ не впал в заблуждение...

Авраам не ограничивается личным познанием Б-га, но принимает на себя ответственность за судьбы Б-гопознания в истории, ответственность за спасение идеи Б-га от забвения; он открывает «служение Б-гу» как средство, обеспечивающее передачу памяти о Б-ге от поколения к поколению. Его труд приводит к возникновению «народа, знающего Б-га».

1.13. ...И стал он во весь голос обращаться к народу и учить, что есть единый Б-г для всего мира и [только] Ему стоит служить. Так он ходил из города в город, из страны в страну, собирал народ, обращался к нему, пока не пришел в страну Ханаан, продолжая взывать, как сказано: «И воззвал там Именем Б-га, Г-спода мира» (Берешит, 21:33).

1.14. Люди собирались вокруг него [и слушали] его речи и задавали вопросы, и он учил каждого сообразно его пониманию, пока не возвращал на путь истины; и вскоре уже с ним шли тысячи людей, и их называют «люди дома Авраамова». И посеял он в их сердцах эту великую истину, и написал о ней книги. И научил ей Ицхака, сына своего, и

Ицхак стал обучать и обращать людей к ней. А Ицхак поведал ее Якову и поручил ему обучать других, и тот стал обучать и обращать на путь истины всех примкнувших к нему...

1.16. И усиливалось это движение среди потомков Якова и примкнувших к ним, и появился в мире народ, знающий Б-га...

На уровне индивидуума культ, поклонение Б-гу есть нечто внешнее по отношению к знанию Б-га. Индивидуум может знать Б-га, но не служить ему; может служить Б-гу, но не знать Его. Более того, Маймонид в любой форме поклонения Б-гу, помимо интеллектуального созерцания, видит уступку человеческой ограниченности, поскольку Б-г может быть воспринят только интеллектом[15].

Когда же речь идет о народе, именно культ конституирует его в качестве носителя Б-гопознания. «Народ, знающий Б-га» – это не сообщество индивидуумов, которые знают Б-га, но сообщество, в котором действует механизм культивирования и передачи знания Б-га из поколения в поколение. Этим механизмом, как показывает Маймонид, является именно поклонение Б-гу[16]. Заповедь, предписывающая поклонение Б-гу и запрещающая идолопоклонство, согласно Маймониду, есть квинтэссенция всех заповедей[17]. Именно эта заповедь устанавливает связь между интеллектуальным познанием Б-га и человеческой историей. Данное обстоятельство объясняет место принципа, запрещающего идолопоклонство, в списке тринадцати принципов Маймонида, где он приведен после принципов, описывающих Б-га, и перед принципами, описывающими отношения Б-га и человека. Можно сказать, что первые четыре принципа описывают непосредственные отношения между Б-гом и Б-жественным-в-человеке (интеллектом)[18], а остальные – отношения между Б-гом и человечностью, опосредованные Б-жественным-в-человеке.

Утверждение Маймонида, что смысл заповедей сводится к предотвращению идолопоклонства, вызывало немало возражений. Особенно резкую полемику вызвал частный случай этого тезиса, касающийся жертвоприношений[19]. Предполагалось, что объяснения, привязывающие заповеди к конкретному историческому контексту (к противостоянию язычеству), противоречат вневременной значимости заповедей. Однако, если оставить в стороне объяснения смысла отдельных заповедей, предложенные Маймонидом в «Море невухим», можно видеть в идолопоклонстве не изолированный исторический феномен или пройденный этап эволюции религии, но импульс, заложенный в самой природе человека как социального существа; поэтому поклонение Б-гу всегда будет необходимым продолжением Б-гопознания.

Маймонид заканчивает первую главу «Законов об идолопоклонстве» пассажем, раскрывающим новый поворот в истории Б-гопознания. Что произошло при встрече сынов Израиля с Египтом? Почему созданный Авраамом механизм оказался недостаточным? Маймонид не дает прямого ответа на этот вопрос, но можно найти намек в самой ситуации пребывания сынов Израиля в Египте. Авраам понял, что познание Б-га обречено на забвение без культурного механизма, поддерживающего его. Основанный им путь служения Маймонид описывает как дерево, которое посадил Авраам. Однако дерево не вечно, и хотя срок жизни культурного механизма несравним с веком человеческим, на смену росту и расцвету приходят увядание и гибель. Смерть культуры – это ассимиляция, поглощение культурой окружающего большинства. В Египте созданный Авраамом народ оказался именно перед этой угрозой.

...пока после долгого проживания в Египте не научились сыны Израиля у египтян и не вернулись к идолопоклонству, подобно тем; и только колено Леви устояло в выполнении завета праотцев и никогда не поклонялось идолам.

1.17. Еще немного – и погибли бы ростки, посаженные Авраамом; и вернулись бы сыновья Якова к заблуждениям других народов и к их мерзостям.

В трудах Маймонида Авраам предстает человеком, познавшим Б-га путем интеллектуального созерцания. Маймонид не упоминает об откровении, данном Аврааму. Во всей истории Авраама действует не Б-г, но человек, взыскующий Б-га[20]. Путь служения Б-гу, основанный Авраамом, опирается на познание Б-га и осмысление исторического опыта. В противоположность этому на следующем этапе, когда все человеческие усилия стоят на грани краха, Б-г становится главным действующим лицом. Только здесь – задним числом и мимоходом – вводятся в повествование центральные темы библейского рассказа об Аврааме: откровение, завет и обетование. Согласно парадоксальному определению Маймонида, Моше – отец всех пророков, и тех, кто был прежде него, и тех, кто придет в будущем[21]. Пророчество и посланничество, избрание и имя «Израиль», полученное народом, появляются именно в этой точке истории.

Моше говорит с народом. Фрагмент гравюры из книги Чарльза Фостера «Библейские истории». Конец XIX века

И только из любви Г-спода к нам, а также ради клятвы, данной Им праотцу Аврааму, поставил Он Моше, учителя нашего и учителя всех пророков[22], и дал ему миссию.

1.18. И вследствие того, что Моше, учитель наш, получил пророчество и Г-сподь избрал народ Израиля в наследие Свое, – увенчал Он их заповедями, и сообщил им путь служения Ему, и сказал, как следует относиться к идолопоклонству и к тем, кто пребывает в заблуждении.

Таким образом, первый этап истории «народа, знающего Б-га», связан с Авраамом и представляет собой человеческую попытку утвердить познание Б-га в истории.

Любопытно проследить, как отражаются в «Фундаментальных законах Торы» две рассмотренные темы – переход от познания к поклонению и возникновение Израиля в контексте истории Б-гопознания.

Первый раздел «Мишне Тора» состоит из десяти глав и посвящен десяти заповедям[23], которые перечисляются в подзаголовке раздела.

1. Знать, что существует Б-г.
2. Не допускать мысли, что существует божество кроме Всевышнего.
3. Признавать Его единство.
4. Любить Его.
5. Бояться Его.
6. Освящать Имя Его.
7. Не приводить к поношению Имени Его.
8. Не уничтожать предметы, на которых наречено Имя великое.
9. Слушаться пророков, говорящих Именем Его.
10. Не испытывать его[24].

Маймонид искусно сочетает порядок изложения, заданный заповедями, со структурой теологического трактата, заданной иерархией сущего. Первая глава говорит о Б-ге и Его атрибутах и вместе с тем – о первых трех заповедях. В главах со второй по четвертую говорится о заповедях любви и страха Б-жьего, при этом вторая глава посвящена ангелам, третья – небесным сферам, четвертая – подлунному миру. Этот нисходящий порядок дополняется восходящим порядком повествования внутри четвертой главы: в начале ее говорится о четырех стихиях, затем о неживой природе, затем о живой природе и, наконец, о человеке, наделенном способностью интеллектуального созерцания, благодаря которой он замыкает круг сущего и возвращается к Б-гу. В первых четырех главах речь идет о Б-ге и космосе; там же говорится и о человеке, о его особом месте в космосе. Однако о социуме, об истории и о человеке как социальном существе здесь не сказано ни слова. Точно так же в этих главах не говорится об Израиле[25]. Маймонид намеренно избегает упоминания об Израиле и, даже цитируя знаменитую формулу «Слушай, Израиль, Г-сподь – Б-г наш, Г-сподь один», опускает первые два слова (1:7). Первое значимое упоминание Израиля в «Мишне Тора» мы встречаем в начале пятой главы:

5.1. *Всему дому Израиля дана заповедь освящать Имя великое, описанное выше, как сказано: «И Я стану освящен среди сынов Израиля» (Ваикра, 22:32). А также следует остерегаться осквернять Имя Его, как сказано: «И не оскверняйте Имени Моего святого» (Ваикра, 22:32). Как именно? Если язычник будет заставлять еврея нарушить одну из заповедей Торы, угрожая убить, – пусть нарушит и не погибнет, как сказано о заповедях: «...которые человек будет исполнять и жить ими» (Ваикра, 18:5) [26]. «И жить ими», – но не умрет из-за них. И если умер и не нарушил – то он в ответе за душу свою.*

5.2. *О чем идет речь? Обо всех заповедях за исключением идолопоклонства, запрещенных половых связей и убийства. Но эти три заповеди, – если скажут ему: «Нарушь одну из них или будешь убит!», – то пусть погибнет, но не нарушит. О чем идет речь? [О случаях,] когда инородец преследует собственную выгоду, например, заставляет строить себе дом в субботу, или варить ему пищу, или заставляет женщину возлечь с ним и тому подобное. Когда же он стремится лишь заставить еврея нарушить заповедь, то, если дело происходит не публично и не в присутствии десяти евреев, – пусть нарушит и не погибнет; а если заставляет нарушить [заповедь] в присутствии десяти евреев, – пусть погибнет, но не нарушит, даже если нарушит [он] заставляет одну из остальных заповедей.*

5.3. *Все сказанное действительно не в час религиозных гонений. В час религиозных гонений, когда царь-супостат, такой, как Невухаднецар и ему подобные, издает указ, запрещающий евреям их религию или одну из заповедей, – пусть погибнет, но не нарушит даже одну из остальных заповедей, неважно, заставляют его сделать это в присутствии десяти евреев или только при инородцах.*

Итак, Израиль упоминается впервые в «Мишне Тора» в связи с заповедью освящения Имени Б-жьего, в ситуации противостояния язычникам, которые силой пытаются заставить Израиль отступить от своего пути. В первой главе «Законов об идолопоклонстве» мы видели, что служение Б-гу, начатое Авраамом, призвано было противостоять стихии забвения, действующей в истории. Израиль как народ появляется на исторической сцене в результате Б-жественного вмешательства в тот критический момент, когда путь Авраама оказывается на грани крушения в ситуации египетского рабства. Таким образом, оба текста говорят об особой роли Израиля и его избранничестве – об обязанности хранить память о Б-ге и противостоять историческим силам забвения, когда обычные культурные механизмы, порожденные человеком, оказываются бессильными.

Первая фраза пятой главы («заповедано освящать это великое Имя») отсылает нас к первым четырем главам, где нет упоминания об Израиле. Знание о Б-ге, которое Израиль хранит, универсально и может быть обретено всяким человеком путем интеллектуального созерцания. Избрание же Израиля связано с возложенной на него ответственностью за исторические судьбы этого знания.

Выражение «это... Имя» заслуживает особого внимания. С одной стороны, в еврейской традиции а-Шем («Имя») служит обозначением Самого Б-га, выступая в качестве замены Его непронизносимого Имени. По-видимому, именно таков основной смысл выражения а-Шем а-зе («это... Имя») в первой фразе пятой главы [27], поскольку прежде речь шла только о Б-ге, а не об Имени Б-жьем. И все же упоминание здесь Имени весьма значимо, поскольку «освящение Имени» есть акт борьбы за присутствие Б-га в обществе и истории, присутствие, выражаемое Именем Б-жьим. В цитированной выше первой главе «Законов об идолопоклонстве» Маймонид говорит о забвении Б-га,

вызванном распространением идолопоклонства, в таких словах: «Стерлось великое и страшное Имя из уст всего сущего, и забыли Его». В следующей, шестой, главе тема Имени приобретает самые что ни на есть конкретные очертания: речь идет о вещественных знаках памяти о Б-ге и служения Ему в человеческом мире.

Всякий, кто уничтожает одно из святых и чистых Имен, которыми наречен Святой, Благословен Он, подлежит наказанию согласно Торе, ибо сказано по поводу идолов: «И истребите имя их из того места. Но не делайте так Г-споду, Б-гу вашему».

(Дварим, 12:3-4.)

Обратившись к приводимому выше списку заповедей, рассматриваемых в «Фундаментальных законах Торы», мы увидим, что в первой пятерке заповедей упоминается Б-г (или местоимение, указывающее на Него), а во второй пятерке – Имя Б-га[28]. С библейских времен Имя Б-жье играет большую роль в еврейских религиозных представлениях. Во многих концепциях Имя выступает как гипостазированный атрибут или сила Б-га, опосредующая отношения Б-га с миром и с человеком, присутствие Б-га в мире, в Храме и в ритуале. Эта концепция особенно характерна для мистических учений, где Имя Б-жье зачастую отождествляется со Шхиной. Маймонид не разделяет мистических представлений об Имени[29], однако особенности употребления этого слова в «Фундаментальных законах Торы» наводят на мысль, что Имя Б-жье воплощает для него присутствие Б-га в обществе и истории.

Деление заповедей «Фундаментальных законов Торы» на те, что относятся непосредственно к Б-гу, и те, что относятся к Его Имени, соответствует делению этого раздела на четыре главы, посвященные теологии и космологии, и шесть глав, посвященных истории, а также делению тринадцати принципов веры на четыре теологических и девять исторических положений. Во всех случаях связующим звеном между теологией и историей служит принцип поклонения Б-гу и запрет идолопоклонства.

5. Историческая миссия Израиля и универсализм

Рассмотренное выше наблюдение относительно универсального характера первых четырех глав «Фундаментальных законов Торы» поможет нам предложить ответ на один вопрос, породивший немало споров на протяжении столетий. В последнем разделе «Мишне Тора», в «Законах о царях» (8:11), Маймонид пишет:

Каждый, кто принял на себя семь заповедей и пунктуально их выполняет, относится к праведникам народов мира, и есть ему доля в Мире грядущем; но только если принял он их и выполняет потому, что так повелел Всевышний в Торе, сообщив нам через Моше, учителя нашего, что потомки Ноаха прежде получили эти заповеди. Но тот, кто выполняет эти законы лишь потому, что считает их разумными, не называется гер-тошав [30] и не является праведником народов мира, и не причисляется к их мудрецам.

Известный еврейский философ-просветитель Мозес Мендельсон, отстаивая принцип веротерпимости, утверждал, что в отличие от христианства иудаизм не обуславливает «спасение души» исповеданием определенной исторической религии. Для спасения достаточна естественная религия, открытая разуму любого человека. Законы сынов Ноаха Мендельсон рассматривал как принятую в иудаизме формулировку естественной религии. Позиция Маймонида, выраженная в приведенном пассаже, явно

противоречила подобным утверждениям, и Мендельсон вступил по этому поводу в переписку со знаменитым рабби Яковом Эмденом[31].

Не только Мендельсону казалось странным, что соблюдение законов Ноаха приносит удел в Грядущем мире лишь тому, кто знает о Моше и принимает его авторитет. И пусть даже тот, кто следует естественной религии на основании собственного разума, не заслуживает статуса праведника народов мира, – но за что лишают его звания мудреца народов мира? С некоторого времени эта последняя проблема считается решенной, поскольку были обнаружены достаточно авторитетные варианты текста, где рассматриваемый фрагмент завершается словами: «...не является праведником народов мира, но причисляется к их мудрецам»[32].

Все эти рассуждения основаны на предположении, что Маймонид говорит о двух путях обретения удела в Грядущем мире – о пути Израиля, связанном с принятием тринадцати принципов веры (Законы раскаяния, 3:5), и о пути общечеловеческом, связанном с принятием семи заповедей сынов Ноаха. Однако существует еще один путь, ведущий к этой цели, и Маймонид пишет о нем в четвертой главе «Фундаментальных законов Торы»:

4.14. (8) Душа любой плоти – это ее идея, данная ей Б-гом. И высокий разум, присущий душе человека, – это идея человека, чей разум безупречен. Об этой идее сказано в Торе: «Сделаем человека по образу и по подобию Нашему» (Берешит, 1:26). Иными словами, формой существования человека должно быть знание и постижение понятий, лишенных материальной составляющей, пока [сам человек] не уподобится им...

4.16. (9) Форма этой души не состоит из четырех элементов, а потому на них не распадается. Она не является свойством души, дарующей жизнь, и не нуждается в ней, как душа, дарующая жизнь, нуждается в теле, но дана Г-сподом, с небес. Поэтому когда распадется тело, состоящее из элементов, и исчезнет душа, дарующая жизнь, которая существует только вместе с телом и нуждается в теле для всех своих действий, эта идея не исчезнет, потому что в своих действиях она от души, дарующей жизнь, не зависит. Она знает и постигает понятия, отделенные от материи; она знает Творца всего и останется во веки веков. Об этом в мудрости своей сказал Шломо: «И прах вернется в землю, которой был прежде, а дух вернется к Б-гу, который его дал» (Коелет, 12:7).

Вечное пребывание духа в созерцании Творца – таков Грядущий мир в понимании Маймонида[33]. Человек достигает этого состояния с помощью интеллектуального созерцания, которое восходит от постижения материальных форм к формам, отделенным от материи. Здесь действует важнейший для Маймонида метафизический принцип – отождествление познающего интеллекта с нематериальным объектом познания. Именно этот путь является, согласно Маймониду, столбовой дорогой в Грядущий мир, и именно он покоится на прочных основаниях в его философской системе. Обретение Грядущего мира в этом случае обусловлено только полнотой интеллектуального постижения.

Кроме того, Маймонид указывает еще одну возможность обретения удела в Грядущем мире: участие в умме, основанной пророком. Принадлежность к сообществу, которое хранит и передает знания о Б-ге[34], оказывается, согласно Маймониду, достаточным условием для обретения удела в Грядущем мире. Метафизические основания для такого заключения далеко не столь ясны, как в предыдущем случае[35]. В случае «философского пути» в Грядущий мир познание Б-га и духовных реальностей

конституирует духовный статус человека, в силу которого он принадлежит этому миру. Признание же (не постижение!) тринадцати принципов веры отнюдь не конституирует духовный статус человека. Оно служит лишь пропуском в народ Израиля как умму, основанную Моше. Точно так же принятие семи заповедей служит входным билетом в умму сынов Ноаха, основанную Ноахом и санкционированную Моше[36]. Основанная пророком умма есть воплотившееся в историческое измерение знание Б-га, открывшееся пророку, и тот, кто в ней участвует, приобщается к этому знанию[37].

Согласно предложенной здесь интерпретации, предпочтительной оказывается традиционная версия текста Маймонида: «...тот, кто выполняет эти законы лишь потому, что считает их разумными, не называется гер-тошав, и не является праведником народов мира, и не причисляется к их мудрецам». У Маймонида нет никаких оснований называть мудрецом того, кто дошел своим умом до общепринятых нравственных суждений[38]. Маймонид говорит здесь следующее: человек, который принимает на себя заповеди Ноаха на основании собственного разума, не обретает удела в Грядущем мире, поскольку не становится членом уммы, основанной Ноахом и санкционированной Моше. Кроме того, его уровень постижения недостаточен, чтобы приобщиться к интеллектуальному созерцанию Б-жественной реальности.

Таким образом, те, кто искал у Маймонида универсалистскую «естественную религию», должны были обращаться к четвертой главе «Фундаментальных законов Торы», а не к восьмой главе «Законов о царях», хотя предлагаемый там сугубо элитарный путь спасения едва ли отвечал чаяниям еврейских просветителей и гуманистов.

Я надеюсь, что приведенные здесь примеры убедят читателя в том, что взаимодействие между философией и откровением, между священным текстом и разумом, между познанием и служением лежит в сердце религиозной мысли Маймонида. Взаимодействие это не сводится к простым формулам; оно раскрывается во всей своей полноте при внимательном чтении «Мишне Тора» в сопоставлении с другими сочинениями Маймонида.

[1] С особой четкостью этот тезис сформулирован Дэвидом Юмом («Трактат о человеческой природе», III, 1.1), поэтому его иногда называют «гильотиной Юма». У Канта это положение выражается в идущем от Аристотеля разграничении теоретического и практического разума. Джордж Эдвард Мур характеризует попытку определить благо в объективных категориях как *naturalistic fallacy* (*Principia Ethica*, § 10.1. Cambridge, 1903, p. 9–10).

[2] Во второй главе «Море невухим», посвященной грехопадению Адама, Маймонид оспаривает тезис о том, что Адам приобрел способность разумного постижения, только нарушив Б-жье повеление. Маймонид утверждает, что Адам обладал полнотой интеллектуального постижения, проявляющегося в различении истины и лжи, до грехопадения. Нарушив заповедь, он приобрел лишь способность судить о добре и зле в рамках общепринятых представлений, присущих человеку как социальному существу.

[3] , Море невухим, ч. 3, гл. 13.

[4] Согласно разъяснениям Маймонида (Законы раскаяния, гл. 9), награда за исполняемые заповеди, о которой говорят Тора и традиция, называется благом, поскольку дает возможность служить Б-гу и познавать Его. Таким образом, и здесь благом называется не цель, а средство для достижения цели. Следует отметить, что в своем понимании блага Маймонид расходится с философской традицией, определяющей благо как цель, как «то, ради чего все делается» (ср. Аристотель, «Никомахова этика», I, 1, 1094a).

[5] Ср.: Море невухим, ч. 3, гл. 51.

[6] Маймонид, как большинство античных и средневековых философов (и в соответствии с библейской традицией), считает сердце органом интеллекта.

[7] Ср. разъяснение пятого принципа веры в комментарии к Мишне (Сангедрин, 10:1, гл. «Хелек»).

[8] Маймонид вновь подчеркивает этот момент в начале второй главы «Законов об идолопоклонстве»:

Главное в заповеди об идолопоклонстве – запрет служить любому из созданий, будь то ангел, или сфера, или планета, или одна из четырех стихий, или нечто такое, что из них создано. Даже если служащий им знает, что Г-сподь – это Б-г, а служит созданию по той же причине, по которой служили им вначале Энош и люди его поколения, все равно он идолопоклонник.

[9] Энош, сын Сифа, внук Адама; см.: Берешит, 4:26.

[10] Ср. формулу Маркса («К критике гегелевской философии права»): «Теория, овладевшая массами, становится материальной силой».

[11] Ср.: М. Шнейдер, комментарий к «Море невухим», ч. 1, гл. 2, примеч. 16 и 26 к гл. 2 (по изд.: Моше бен Маймон [Маймонид]. Путеводитель растерянных / Перевод и комментарии М.А. Шнейдера. М.–Иерусалим, 2000).

[12] Или «великого и грозного Б-га», если а-Шем здесь служит обозначением Б-га. См. ниже.

[13] Цур а-оламим, ср.: Шмот, 26:4. Обычный перевод в библейском контексте: «твердая вечная». В послебиблейский период слово «олам» (библ. «вечность») приобретает значение «мир», «вселенная». Кроме того, в талмудической и средневековой литературе Б-жественный эпитет «цур» («скала», «оплот», «твердыня») часто толкуется как «Творец» (сближение с «йоцер»), «художник» («цаяр»), «наделяющий формой» (от слова «цура»). Наш перевод учитывает интерпретацию этого термина Маймонидом в 16-й главе первой части «Море невухим».

[14] См. также наш комментарий к «Море невухим», примеч. 29 и 35 к гл. 36 (по изд.: «Путеводитель растерянных», с. 191–195).

[15] Ср.: «Путеводитель растерянных», ч. 1, гл. 59: «Наилучшее из сказанного на эту тему – слова Псалмов: “Молчание – Тебе хвала” <...> самое достойное – это молчать, ограничиваясь интеллектуальным постижением, как повелели совершенные, сказав: “Размышляйте в сердце своем на ложе своем и безмолвствуйте. Села”».

[16] «Воззрения, не подкрепленные действиями, которые утверждают их и делают известными среди людей, становясь примером для подражания в народе, – не продлят своего существования» («Путеводитель растерянных», ч. 2, 31; ср. ч. 3, 38).

[17] «Запрет поклоняться идолам равносителен всем остальным законам Торы, вместе взятым, как сказано: “А если впадете в заблуждение и не будете выполнять все заповеди, о которых говорил Г-сподь Моше, все, что заповедал Г-сподь вам через Моше...”» (Бемидбар, 15:22-23); из традиции известно, что Писание говорит об идолопоклонстве. То есть тот, кто поклоняется идолам, отрицает всю Тору целиком, и всех пророков, и содержание миссии всех пророков, от Адама и до конца света, как сказано: “...со дня, когда приказал Г-сподь, и далее, на все поколения ваши” (Бемидбар, 15:22-23). А тот, кто не поклоняется идолам, признает тем самым всю Тору целиком [и всех пророков, и содержание миссии всех пророков, от Адама и до конца света], и это основа всех заповедей» (Законы об идолопоклонстве, 2:4).

[18] Согласно Маймониду (Фундаментальные законы Торы, 4:8; Море невухим, ч. 1, гл. 1), интеллект – это образ Б-жий в человеке.

[19] См., например, комментарий Нахманида к Ваикра, 1:9.

[20] Упомянув мимоходом о чудесном спасении Авраама, Маймонид не говорит: «Б-г сотворил чудо», но: «Произошло чудо, и он спасся».

[21] Формула «Моше – отец пророков» встречается в мидраше (Тана де-бей Элияу, Псикта де-рав Кагана).

[22] Можно перевести (ценой некоторого насилия над синтаксисом) иначе: «...сделал Моше, учителя нашего, господином всех пророков»; или: «...сделал Моше учителем нашим и господином всех пророков». Фраза появляется в Шмуэль I, 12:6. Вне зависимости от того, какой смысл имеет это выражение в книге Шмуэля, Маймонид использует его, чтобы подчеркнуть интенсивность Б-жественного вмешательства в

естественный ход событий. Ср. интерпретацию стиха «Прежде, нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» в «Море невухим», ч. 2, гл. 36.

[23] Во избежание недоразумений подчеркнем, что между главами и заповедями нет однозначного соответствия.

[24] Некоторые переводчики считают, что местоимение в этой фразе относится к Б-гу. Однако формулировка заповеди в 10:11 не оставляет сомнения в том, что местоимение относится к пророку – «не испытывать пророка, говорящего от Его имени».

[25] В рамках обращения к читателю в эпилоге четвертой главы появляется выражение «великие во Израиле», относящееся к мудрецам Мишны, что отнюдь не нарушает картину маркированного отсутствия упоминаний об Израиле в первых четырех главах и первого значимого упоминания этого имени в начале пятой главы.

[26] Стоит обратить внимание на различие между пониманием этого стиха в библейском контексте и талмудической интерпретацией, которой следует Маймонид. В Торе речь идет об имманентной святости Б-га, которая проявляется в рамках ритуала, когда он совершается без нарушений: «И не оскверняйте Имени Моего святого, дабы Я был святым среди сынов Израилевых. Я Г-сподь, Освящающий вас». Талмудическое толкование, которому следует Маймонид, говорит об акте освящения Имени, совершаемом человеком.

[27] Ср.: 2:2. О значениях слова «Имя» см. также: Море невухим, ч. 1, гл. 64.

[28] По поводу десятой заповеди списка см. примеч. 24 выше.

[29] Критику магических и мистических концепций, связанных с Именами Б-жьими, см. в Море невухим, ч. 1, гл. 61–64.

[30] Гер-тошав – пришелец, получивший права жительства среди сынов Израиля. Это понятие возникло в Талмуде в связи с тем, что некоторые стихи Торы относят к геру все ритуальные законы Торы (например, Шмот, 12:49), а некоторые – не относят (например, Дварим, 14:21). Для разрешения противоречия Талмуд вводит две категории: гер-цедек – прозелит в обычном смысле слова, обязанный соблюдать весь Закон, и гер-тошав – тот, кто принял на себя семь заповедей сынов Ноаха.

[31] До Мендельсона этот же текст критиковал Спиноза (Богословско-политический трактат, гл. 5 // Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 86), после него – защищал Герман Кoen (Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums, 2. Aufl., Frankfurt am Main, 1929. Kap. 15, §39ff, p. 385ff; ср. там же: гл. 8, §§16–20).

[32] См.: «Респонсы рабби Моше Аль-Ашкара», с. 117. Из обширной литературы, посвященной этому вопросу, отметим Eugene Korn. Gentiles, the world to come, and Judaism: the odyssey of a rabbinic text. / In: Modern Judaism, 14, 3 (1994), p. 265–287. Герман Кoen, ссылаясь на указанное разночтение, предлагает свой вариант, не имеющий подтверждения в истории текста: «...не считается прозелитом-жителем, но принадлежит к числу праведников народов мира и к числу их мудрецов». Рабби Авраам-Ицхак Кук тоже принимает версию «...не принадлежит к числу праведников народов мира, но к числу их мудрецов»; он объясняет ее так: «По мнению Маймонида, обладание уделом в Грядущем мире – это весьма незначительное достижение. Разумеется, это великое благо, но коль скоро им обладают даже грешники и невежды из Израиля, оно не может быть значительной ступенью духовного совершенства. Маймонид же считал, что интеллектуальное постижение способствует духовному совершенству гораздо больше, нежели праведное поведение. Поэтому он установил, что “удел в Грядущем мире” соответствует достоинству праведников народов мира, которые не преуспели в интеллектуальном постижении, но приняли веру в простоте сердечного чувства и поступали справедливо, приняв на веру, что заповеди их даны им от Б-га. Тот же, кто удостоился постичь семь заповедей сынов Ноаха путем размышления, поистине наделен мудрым сердцем и полон разумения. Он принадлежит к числу мудрецов народов мира, а ступень мудрости велика чрезвычайно. И не нужно говорить о том, что у него есть удел в Грядущем мире, поскольку он пребывает на ступени святости, которая должна быть высказана с полнотой, далеко превосходящей то, что выражено фразой “удел в Грядущем мире”» («Письма рабби Авраама-Ицхака а-Коена Кука», I, 69).

[33] Законы раскаяния, 8:2: «“В Мире грядущем не едят, не пьют и не совокупляются, но праведники сидят, и венцы на главах их, и наслаждаются сиянием Б-жественного присутствия” <...> сказанное “и венцы на головах их”: то есть постигнутые ими знания, благодаря которым они удостоились Мира грядущего, остаются с ними <...> А что сказали: “наслаждаются сиянием Б-жественного присутствия”, – так

это о том, что они познают и постигают истинную сущность Святого, Благословен Он, постигают то, чего не знали, пока пребывали в грубом, низменном теле».

См. также комментарий к Мишне, Сангедрин, 10:1: «Выражение “с венцами на головах” означает пребывание души в пребывании предмета ее познания, когда она и он составляют единое целое». Маймонид интерпретирует слова Талмуда в духе философского учения об интеллекте: «голова» означает потенциальный интеллект человека, «венец» – приобретенный интеллект, «сияние Шхины» – эманацию активного интеллекта.

[34] Ср. выше о «народе, знающем Б-га».

[35] Возможно, Маймонид опирается на те же соображения, на которые опирался ценимый им философ Аль-Фараби в «Трактате о взглядах жителей совершенного города» (Al-Farabi on the Perfect State: Abu Nasr al-Farabi's «the Principles of the Views of the Citizens of the Best State» / Richard Walzer [Ed.]. Oxford, 1985; Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 326–330). Аль-Фараби рассуждает здесь о том, что души жителей «добродетельного города» (аналоги используемых нами понятий «народ, знающий Б-га» или «умма, основанная пророком») составляют единую душу.

[36] Как мы видели выше, Моше считается отцом пророков, предшествовавших ему и следовавших ему. В силу этого заветы, заключенные праведниками древности, Ноем и патриархами, утверждаются навечно только пророчеством Моше.

[37] Возможно, выражение «удел в Грядущем мире» указывает на то, что человек получает права на Грядущий мир, будучи частицей целого. Проследив употребление этого выражения в Мишне Тора, можно прийти к заключению, что Маймонид говорит об «уделе в Грядущем мире», когда речь идет о «минимуме», необходимом для спасения (ср. в примеч. 32 выше замечание р. А.-И. Кука о том, что «удел в Грядущем мире» определяет сравнительно невысокую духовную ступень). В других случаях Маймонид говорит о «жизни Грядущего мира», например: «[Законы о разрешенном и запрещенном] – это великое благо, дарованное Святым, Благословен Он, для устройства этого мира, дабы [люди] унаследовали жизнь Грядущего мира» (Фундаментальные законы Торы, 4:20); «Отец дал ему жизнь этого мира, а наставник, научивший его мудрости, дал ему вечную жизнь» (Законы об изучении Торы, 5:1); «Святой, Благословен Он, дал нам эту Тору, древо жизни. И всякий, кто исполняет все написанное в ней и [знает Его] совершенным твердым знанием, удостоится через нее Жизни грядущей» (Законы раскаяния, 9:4).

[38] Маймонид неоднократно говорит о том, что общепринятые суждения не принадлежат к сфере умопостигаемого и способность воспринимать не является свойством интеллекта, см.: Море невухим, ч. 1, гл. 2 (с. 71, примеч. 32 и 33 в «Путеводителе растерянных»), гл. 73 (с. 439, примеч. 105). Ср. примеч. 2 выше.

ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ

Солдатские дневники

יְהוּדֵי אֶרֶץ עֵשֶׂה

Название статьи как будто отсылает к известному (впрочем, скорее малоизвестному) журналу с таким же названием, выходившему недолгое время в начале первой мировой войны. Журнал рассказывал о подвигах евреев – солдат русской армии. Офицеров-евреев в то время не могло быть по определению. Еврейская общественность была озабочена тем, что воинская доблесть евреев недооценивается, а то и остается вовсе неизвестной широкой публике. Прошло четверть века. Во время второй мировой войны в Красной Армии сражалось примерно такое же число евреев, как и в армии императорской России – более 400 тыс. человек. Теперь среди них были и тысячи офицеров, и без малого три сотни генералов и адмиралов. И вновь еврейская общественность – теперь уже советская – была озабочена тем, что подвиги евреев на фронтах Великой Отечественной остаются неизвестными или малоизвестными. Об этом говорил на пленуме Еврейского антифашистского комитета в марте 1943 года Илья Эренбург:

Борис Комский. Алленштейн, Восточная Пруссия. 1945 год

Фотография предоставлена Blavatnik Archive Foundation

Для того чтобы еврей-бойцы и командиры могли и дальше спокойно делать свое дело, мы обязаны рассказать о том, как евреи воюют на фронте. Не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела – чем скорее уничтожить фашизм. Для этой цели мы обязаны создать книгу и в ней убедительно рассказать об участии евреев в войне. Одной статистики мало. Нужны живые рассказы, живые портреты. Нужен сборник о евреях-героях, участниках Великой Отечественной войны. Необходимо рассказать правду, чистую правду. И этого будет вполне достаточно[1].

Не будем рассуждать о том, что такое «чистая правда», особенно если речь идет о войне. Заметим лишь, что львиная доля книг и статей, посвященных участию евреев в войне, рассказывает о героях и подвигах. Этому же – героям и подвигам – посвящена большая часть публикаций об участии в войне других народов СССР. Дело, разумеется, нужное и благородное.

На войне, однако, не только совершают подвиги. Более того, на войне не только убивают и умирают. На войне играют в карты, пьют, поют, завидуют, любят, воруют. В общем, живут. Конечно, говоря о войне, мы не избежим размышлений о смерти. Попробуем, однако, поговорить о другом – о жизни на войне. При всей огромной литературе о войне, об этом – о жизни на войне, в особенности о жизни «рядового Ивана» (или Абрама) – написано менее всего[2]. Лишь в недавнее время появились первые работы о человеке на войне, появилась даже специальная отрасль – военно-историческая антропология[3]. Но все это лишь начало пути.

Вопрос вопросов: где взять сведения о жизни «рядового Абрама» (условный «Абрам» мог быть, конечно, сержантом или младшим офицером) на фронте, о его быте, настроениях, чувствах? Ответ как будто ясен: следует обратиться к источникам личного происхождения – дневникам, письмам, воспоминаниям. Здесь-то и начинается проблема. Дневники на войне вести запрещалось, письма цензуровались. Впоследствии память о войне тщательно унифицировалась. Огромное количество мемуаров (помните знаменитую серию «Военные мемуары»?) было издано военачальниками различных рангов. Тексты, разумеется, тщательно редактировались и согласовывались, да и писались, как правило, не самими генералами и маршалами, а «литературными неграми» (в большинстве своем совершенно бездарными).

«Военные мемуары стали чем-то вроде замогильных записок, сочиняемых генералами-штаббрианами, – писал бывший командир пулеметной роты Зиновий Черниловский, – тогда как солдаты – Некрасов или Быков – сосредоточились на художественном видении войны. Где, мол, тот командир роты, который отважится показать эту величайшую из войн как ее участник. Просто и буднично, то есть не как “человек с ружьем”, а много проще и обыденней, в духе известной французской поговорки: на войне как на войне...»[4]

Ситуация начала меняться в перестроечные годы, а в постсоветской России произошла настоящая «источниковая революция». Число текстов о войне стало возрастать в геометрической прогрессии, степень их откровенности – тоже. Вышли десятки, если не сотни, мемуарных книг. Энтузиастами военной истории были записаны тысячи рассказов ветеранов. Оказалось, что некоторые рядовые великой войны вели дневники, несмотря ни на какие запреты. А также писали воспоминания о своем военном опыте, не рассчитывая на публикацию. Писали для детей, внуков, «в стол» – для истории. Иногда побудительным мотивом написания текстов была официальная ложь о войне и соучастие в этой лжи «назначенных» ветеранов.

«Ни в одной стране нет таких замечательных ветеранов, как в нашем родном и любимом СССР», – писал Василь Быков. Они «не только не способствуют выявлению правды и справедливости войны, но наоборот – больше всех озабочены ныне, как бы спрятать правду, заменить ее пропагандистским мифологизированием, где они герои и ничего другого. Они вжились в этот надутый образ и не дадут его разрушить»[5].

Характерно, что письмо Быкова Н.Н. Никулину, автору замечательных «Воспоминаний о войне», написанных в середине 1970-х, опубликованных в 2008-м, датировано 1996 годом. Для Быкова СССР – если говорить об отношении к войне – продолжал существовать.

Конечно, к воспоминаниям, написанным 40, а то и 50 лет после описываемых событий, как и к устной истории (интервью), надо относиться с большой осторожностью. Дело не только в слабости человеческой памяти. Пишут и рассказывают уже другие люди,

совсем не такие, какими они были во время войны. Жизненный опыт, окружающая обстановка, прочитанные книги и увиденные фильмы, десятилетия пропаганды – все это не может не отразиться на содержании написанных или наговоренных текстов. Иногда ветераны, сами того не замечая, вставляют в свои рассказы какие-то сюжеты из просмотренных фильмов, иногда полемизируют с прочитанным или увиденным. Не вдаваясь в детали источниковедческого анализа, заметим, что использовать эти «новые мемуары» можно, но верить всему «на слово» не приходится.

Среди авторов «новых мемуаров» немало евреев. Воспоминания ветеранов-евреев выходят не только в бывшем СССР. Книги отдельных авторов или сборники воспоминаний печатались в Ванкувере, Тель-Авиве, Нетании, Детройте, Пало-Альто и других местах, куда судьба занесла ветеранов, уехавших из бывшего СССР. Записаны сотни интервью ветеранов-евреев. Архив Блаватника (Blavatnik Archive Foundation) в Нью-Йорке специально занимается интервьюированием евреев-ветеранов, живущих в разных странах. К настоящему времени сотрудниками архива записано уже более 800 интервью. Немало рассказов ветеранов-евреев можно найти на сайте «Я помню» (www.iremember.ru).

Однако же самыми ценными – и самыми редкими – «источниками личного происхождения» о войне остаются дневники. Среди авторов немногих дошедших до нас дневников на удивление много евреев. Статистически это вполне объяснимо. В Красной Армии и Военно-морском флоте в годы войны служили, по разным данным, от 430 до 450 тыс. евреев. 142 500 из них погибли[6]. Согласно данным переписи 1939 года, евреи составляли 1,78% населения СССР. В то же время они составляли 15,5% всех советских граждан с высшим образованием (в абсолютных цифрах [171 000] они уступали только русским [620 209], опережая украинцев [147 645]). 26,5% евреев имели среднее образование[7]. Эти категории и составляли большую часть контингента евреев-красноармейцев. Понятно, что ведут дневники, как правило, люди образованные.

Повторим еще раз, что вести дневники на фронте запрещалось. Комиссар роты, которой командовал Черниловский, увидев у него записную книжку, отобрал ее и бросил в печурку: «Помни, комроты, товарищ Сталин приказал: всех, кто будет вести дневники, – расстреливать». «Не знаю, был ли такой приказ, но дневников я больше не вел. Как и все», – писал Черниловский более полувека спустя[8].

Однако же нет таких приказов, которые бы в СССР – в данном случае, к счастью для историков, – не нарушались. Марк Шумелишский вел записи на отдельных листках, иногда не проставляя даты. Он понимал, что записывать свои впечатления, а в особенности мнения опасно. «Очень многое из того, что хотелось бы записать и осмыслить потом на конкретных примерах, нельзя <...> все записывать нельзя. Запись, попавшая гадине, может причинить зло». Дело не в том, что Шумелишский опасался доноса. Он боялся, что враг может использовать его критические записи в своих целях. Критика, считал он, для будущего. «Это как бы потенциальная критика»[9].

Напротив, сержант, затем лейтенант Владимир Гельфанд вел дневник совершенно открыто и читал иногда фрагменты из него своим товарищам. Его непосредственный начальник даже советовал ему использовать простой карандаш для записей, нежели химический – для лучшей сохранности[10]. В другой раз Гельфанд получил инструкции от политрука:

Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил случайно увиденные в дневнике разные глупости, я пишу теперь так, как подсказал мне политрук. Он говорит, что в дневнике надо писать только о работе роты, о ходе боев, об умелом руководстве ротной команды, о беседах с воинами, проводимых политруком, о выступлениях по поводу его бесед красноармейцев и т. д. Так именно я и буду писать впредь[\[11\]](#).

Через два дня в дневнике появляется еще более удивительная запись:

Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями?[\[12\]](#)

Можно было бы подумать, что у Гельфанда что-то случилось с головой, однако причину резкого изменения содержания и тональности дневника проясняет запись, сделанная им две недели спустя:

Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от политрука, когда-то указавшего мне, как писать дневник и что писать в нем![\[13\]](#)

Надо ли говорить, что Гельфанд вновь стал записывать «глупости» (иногда – без кавычек), которые и составляют на самом деле главную ценность этого обширного текста.

Почему красноармейцы вели дневники? Большинство «писателей» были не без литературных претензий и, возможно, намеревались использовать дневники при подготовке будущих книг: выпускники средней школы Владимир Гельфанд и Борис Комский сочиняли стихи и мечтали о литературной карьере. «Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь», – записал Гельфанд 6 июня 1942 года. Рядовой Давид Кауфман был студентом московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), готовился стать профессиональным литератором и уже опубликовал первое стихотворение в «толстом» журнале. Впоследствии Кауфман напишет одно из самых известных стихотворений о войне: «Сороковые, роковые...» Думаю, литературный псевдоним автора этих строк напоминать не надо.

Инженер Марк Шумелишский «снова и снова» задавал себе вопрос: «“На кой черт я все время пытаюсь вести какие-то записи?” Все время преследует идея собрать материал и со временем написать хорошую правдивую книгу, которая отобразила бы истинные настроения определенных групп людей в тылу в это великое время. Книгу, конечно, можно будет написать много лет спустя, когда все будет пережито, передумано и оценено. Но сейчас необходимо записывать много мелочей»[\[14\]](#).

Сержант Павел Элькинсон начал вести дневник по совершенно конкретной причине. 28 августа 1944 года он записал:

Вот и сейчас 3 часа день
наслухом, хорошему, дождю
правда не. Силу на день
и пишу эти строки. Наверно
вспоминается все жизнь и
спаса к мату сегодня могу
~~сказать~~ ~~сказать~~ Там в Фоссе
думают все время все это
Мать победы, все разучит
победу. Думает ли кто как он
дойдет, конечно не все.
Правда и нам сегодня выдал
спирту и вина от хушани
качало и поварно. Наверно и
кто из хушани живущих в
Фоссе хушан так как мы.
Но все это кому негодно
Лес, спроси отца и развес
только и массажи и по
не лучше покажи и барни
сейчас и у него видать
всюду поднимающийся из
лес дым. Томе аресты.
На улице никто не
показывает. Отсюда с дур
видать далеко. Вот по ви
ке опять француз, давший
лес, за них бдаль

Страница из дневника Павла Элькинсона. Фрагмент записи от 1 мая 1945 года

Сержант Павел Элькинсон. 1945 год.

Наконец долгожданный день полного изгнания немцев с нашей земли на нашем участке фронта настал. Вот он Прут, вот она граница. Всего 6 дней прошло с того времени, как мы наступаем, а как много сделано. Полностью очищена Бессарабия. Заключен мир с Румынией. Завтра перейдем границу. Разве думал я когда-нибудь, что придется побывать за границей. Оказывается, пришлось. Как хочется запомнить все увиденное и коротко записать. Ведь такое в жизни случается всего один раз...[\[15\]](#)

Элькинсону, служившему разведчиком в артиллерии, довелось изрядно «попутешествовать» по Европе: с августа 1944 по май 1945 года он побывал в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

Работая над настоящей статьей, я сознательно стремился ограничить круг источников дневниками; «чистоту жанра» удастся сохранить не во всех случаях, но все же в основе – впечатления участников войны, записанные ими тогда же, в тот же день или несколько дней спустя после происходивших событий. Мною привлечен также «дневник задним числом» сержанта, впоследствии математика Виктора Залгаллера. В 1972 году, передавая внуку свои письма времен войны (сохраненные его матерью), Залгаллер написал к ним комментарий, проставляя нередко числа и восстанавливая по памяти вычеркнутое цензурой или не написанное в свое время по соображениям цензуры внутренней. Эти воспоминания-комментарий, разумеется, не предназначались для тогдашней печати. Автор нашел для них точное название: «Быт войны»[\[16\]](#). Залгаллер как будто предвосхитил увлечение российских историков «историей повседневности», начавшееся два десятилетия спустя.

Насколько репрезентативны эти тексты? Можно ли судить о военном опыте сотен тысяч евреев-красноармейцев на основании нескольких дневников? Это опять-таки вечный вопрос для историков. Сколько источников надо проанализировать, чтобы утверждать: это – типично, а это – нет? Очевидно, что эти несколько текстов не отражают опыта всех евреев – бойцов Красной Армии. В то же время, на наш взгляд, бесспорно, что несколько молодых людей, ставшие волею судеб участниками великой войны и зафиксировавшие тогда же свой опыт на бумаге, так сказать, «социологически» подобны многим своим сверстникам. Все они, как и почти половина советских евреев накануне войны, – жители крупных городов (Москвы, Ленинграда, Киева, Запорожья, Днепропетровска). Все – выпускники десятилетки, студенты или выпускники вузов. Что тоже довольно типично. В 1939 году в СССР насчитывалось 98 216 студентов-евреев (11,1% от общего числа студентов), причем в Москве евреи составляли 17,1% всех студентов, в Ленинграде – 19%, Харькове – 24,6%, Киеве – 35,6%, Одессе – 45,8%[\[17\]](#). При определенной типичности боевой и жизненный путь каждого из авторов дневников, конечно, уникален. И интересен сам по себе.

Все они были стопроцентными советскими патриотами. Те, кто постарше, пошли добровольцами в народное ополчение или в армию. Выпускников школ, также стремившихся поскорее повоевать, как правило, призывали в положенные сроки.

Виктор Залгаллер, студент механико-математического факультета Ленинградского университета, в декабре 1940 года по комсомольскому призыву перешел в Ленинградский же авиационный институт. Смысл «призыва» был ясен: вероятность войны была уже выше вероятности, и военно-воздушные силы нуждались в специалистах. Однако повоевать в авиации Залгаллеру не пришлось: вскоре после начала войны он записался в артиллерийское училище, а 4 июля 1941 года, на следующий день после

выступления по радио И.В. Сталина, пошел в народное ополчение. Он был не одинок: из авиационного института ушло в ополчение 400 человек.

Вот картинка, отложившаяся в его памяти: «Идем строем в штатском. По тротуару идут жены. В строю из газетного кулька ем вкусную свежую сметану»[\[18\]](#).

Рассуждая задним числом, глупость начальства, позволившего отправиться на фронт рядовыми четырьмя сотнями будущих специалистов по авиационному делу, трудно переоценить. Особенно зная чудовищный уровень потерь советской авиации, свыше половины которых пришлось на так называемые «небоевые потери»[\[19\]](#). Конечно, 400 человек вряд ли в корне изменили бы ее судьбу, но наверняка они были не единственными, использованными по меньшей мере неэффективно. Товарищ Залгаллера Петр Костелянец пошел все-таки в артиллерийское училище, резонно заметив, что воевать надо уметь. Залгаллеру идти в училище показалось трусостью.

Угодил потенциальный специалист по авиационному делу в артиллерию, затем стал связистом.

Один из самых показательных случаев истинного советского патриотизма – история Марка Шумелишского. В 1941 году ему исполнился 31 год. Это был человек, «сделавший себя сам». В 1922 году, в 12-летнем возрасте, начал работать, так как мать лишилась заработка и семья голодала. Служил более 12 лет в Госбанке – курьером, конторщиком, счетоводом, бухгалтером, экономистом. В школе не учился, занимался самообразованием. В 1932 году поступил на вечернее отделение МВТУ им. Н.Э. Баумана, затем перешел на дневное и в 1938-м получил диплом инженера-механика. В этом же году начал работать на московском заводе «Компрессор». В первый год войны был мастером, заместителем начальника цеха, изготовлявшего рамы направляющих для ракетных установок, известных под названием «катюша»[\[20\]](#).

Казалось бы, человек занимался предельно важным для армии делом и был, конечно, освобожден от призыва. К тому же у него была сильная близорукость. Однако Шумелишский рвался на фронт и неоднократно ходил в военкомат, настаивая, чтобы его призвали. Подчеркну, что это было отнюдь не в первые дни войны, когда многие наивные энтузиасты боялись «не успеть» на войну.

После очередной неудачной попытки уйти в армию, 11 октября 1941 года, Шумелишский записал: «Вообще, на человека, изъявляющего желание идти в армию при наличии возможности этого избежать, смотрят как на идиота, даже в военкомате»[\[21\]](#).

В мае 1942 года Шумелишский все-таки добился своего и ушел добровольцем в армию.

Чем же отличалась «война Абрама» от «войны Ивана»? В главном – ничем. Смерть не отличала эллина от иудея. Если, конечно, иудей не оказывался в плену.

Пообещав говорить о жизни, начну со смерти. Ибо жизнь на войне всегда проходила под ее знаком. Смерть на войне бывала разная. Редко – героическая, чаще – будничная, иногда – глупая. И всегда отвратительная. В ней не было, как это нередко можно увидеть в современных фильмах о войне, никакой «эстетики».

«Первые позиции, – вспоминает о дне 14 июля 1941 года Виктор Залгаллер. – Недалеко дурно пахнет. Кружатся мухи. Из земли торчат нос и губы плохо зарытого

трупа. И нос и губы черные. Жарко. Обстрел. Что-то прилетело и закачалось на ветке – кусок человеческого кишечника».

Борис Комский начал свою войну в июле 1943 года. Его и его товарищей по Орловскому пехотному училищу (находившемуся в то время в Чимкенте) накануне выпускных экзаменов бросили на Курскую дугу[22]. Комский был сначала минометчиком, а после того, как его миномет был уничтожен попаданием немецкого снаряда, оказался в пехоте. Лапидарные записи Комского, сделанные в июле-августе 1943 года, в разгар одного из самых кровавых сражений в мировой истории, по существу – хроника гибели его взвода, да и полка в целом.

22 июля:

Заняли огневую в глубокой ложине. Выпустили уже по десятку мин. Немец все время лупит по нам из артиллерии. Саша Оглоблин ранен в голову. Ушел в санбат. Вчера убили начштаба полка. За день мой миномет выпустил 45 мин. Это пока рекорд. Только что принесли тело сожженного заживо мл[адшего] л[ейтенан]та, попавшего в окружение с 12 ранеными.

23 июля:

Сегодня – тяжелый день. За него немец далеко оторвался и, видимо, окопался и подтянул силенки. Прошли километров 15. Он все время лупит из артиллерии и минометов. Наша рота на марше только потеряла 3 человека – 1 убит.

26 июля:

Впереди важная ж. д. станция в 12 км от Орла. Мы должны ее взять. Батальон сильно поредел. Осталось не больше 2 взводов. Комбату оторвало обе ноги, и он умер. Начштаба ранен. Под вечер старшины несли в термосах обед на передовую. Один из них играл на губной гармошке, другой сокрушался, что скоро надо нести ужин. Обоих убило[23].

Поредевший полк свели в один батальон. Однако просуществовал он недолго:

3 августа:

Тяжелый день. Старшина Тыркалев, провоевавший два года, подорвался на минах. Рекомендовал меня в партию, а вчера написал мне боевую характеристику на медаль «За отвагу». Трое ранены. Пьяный комбат кап[итан] Форнель без артподготовки повел под бешеный огонь батальон, от батальона остались рожки да ножки, а ведь это уже сводный батальон со всего полка. Сам Форнель убит.

6 августа Комскому, как выяснится вскоре, повезло – его ранили. Задним числом он записал обстоятельства боя в районе какой-то сожженной дотла деревни на Орловщине:

Один за одним выбывают люди. Наши опять остались где-то сзади. Ошков пополз к ним, обещал вернуться за нами: нас человек 5. По моему пулемету бьют немецкие пулеметы. Они нас видят, только пошевелились – очередь. Мой второй номер Гриншпун

тяжело ранен в ногу. Заговорил «ванюша»^[24], Гриншпуна выносить некому и некуда. Ошкова нет. Я на минуту приподнялся, вижу – наши пошли ложиной слева, метрах в 700 от меня, добраться к ним крайне трудно: рожь кончилась. Все же приказал двум оставшимся ползком на палатке тащить Гриншпуна, а сам хотел поползти к нашим. И тут пришла и моя очередь: осколок мины стукнул в правую руку, санитар перевязал. Я спокойно, даже без усиленного сердцебиения, ожидал конца, спокойно отнесся к ранению и видел, как осколок вырвал клок мяса вместе с гимнастеркой. Я пополз рожью назад. Он все лупит по мне из пулемета, даже на колени стать нельзя. Кое-как добрался за обратный скат и пошел во весь рост... К вечеру добрался до санроты.

Комский оказался в госпитале. И здесь узнал о гибели всех своих товарищей:

19 августа

Тяжелый день. Пришел ко мне Годик Кравец, которого тоже привезли в наш госпиталь. Его ранило в ногу осколком 9 августа, через 3 дня после меня. Это был роковой день для нашей роты. По прихоти начштаба батальона, полного дурака, начали «улучшать» позиции и нарвались на заград[ительный] огонь немецких минометов. Убиты Яша Малиев, Исламов, Ошков, Михайлов, мл[адший] лейтенант Кушнерев. Из роты осталось 5 человек, из нашего взвода – никого. Это известие страшно подействовало на меня. Главное дело – Яша Малиев, дорогой товарищ, золотой парень. А вечером дивизии вывели на отдых и формировку. Сколько голов положено понапрасну из-за косности командиров.

Битва на Курской дуге была, конечно, мясорубкой. Однако Красная Армия продолжала нести тяжелые потери и в дальнейшем. Противник упорно сражался до конца. Особенно тяжелые бои шли в Венгрии. Павел Элькинсон записал 11 ноября 1944 года:

Идут очень жестокие бои. Что ни день, то труднее. Враг не сдает без боя ни метра своей земли. Почти каждый день теряем лучших своих людей. 4/XI первые ночью вошли в г. Цеглед. Здесь убило нашего нач[альника] разведки. Что значит судьба человека. Ведь всего 1 минута, как я стоял с ним вместе. Я только отошел, как около него разорвалась мина.

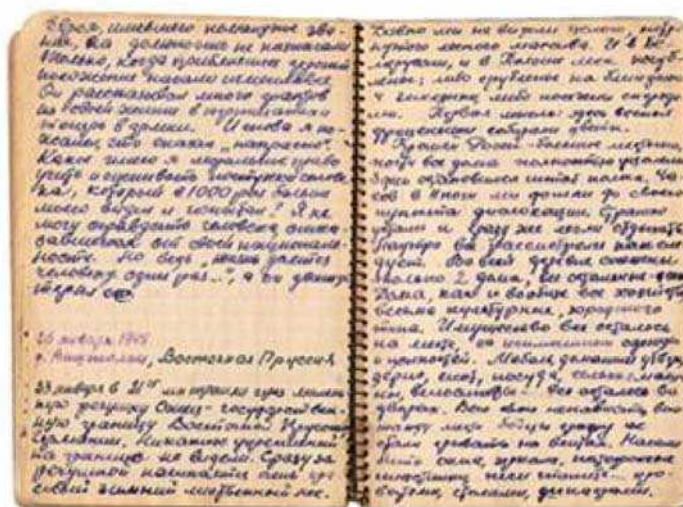
Смерть могла поджидать и тогда, когда противник как будто не оказывал серьезного сопротивления. Три человека из части Элькинсона погибли, прикоснувшись к проволоке, протянутой вдоль берега Дуная, по которой противник пустил ток высокого напряжения (23 ноября 1944 года).

Часть Элькинсона двигалась по направлению к Будапешту. «Место красивое, курортное. Много садов, виноградников. Пьем вино и идем дальше», – записывает от 24 ноября.

Однако идиллия продолжалась недолго. На следующий день в дневнике сержанта Элькинсона, судя по коротким записям, не склонного к унынию и рефлексии, появляется, едва ли не в первый раз, нотка отчаяния:

Снова разгорелся сильный, жестокий бой. Когда этому будет конец. Проклятый фриц не хочет отступать. Весь день, не переставая, бомбят самолеты. Это не очень-то и приятная штука. К исходу дня пошли на нас танки. Погода плохая, туманная, так что подошли они к нам метров на 350, тогда их только заметили. С трудом отогнали их. Опять сегодня одного убило, двоих ранило. Какие должны быть нервы, чтобы смотреть и

испытывать это каждый день и непрерывно третий год. Так в голове невольно и ходит: когда же твоя очередь?

Последние страницы дневника
Бориса Комского.

Фотография предоставлена Blavatnik Archive Foundation

Наши герои, в отличие от бабелевского «альтер эго» – Лютова, овладели «простейшим умением – умением убить человека». На войне убийство – это как бы и не убийство, а работа. К тому же если не ты его, то он тебя. И все-таки... иногда, читая дневники или воспоминания, как будто ощущаешь, что от этой работы солдатам не по себе. Точнее, как будто бойцы не могут забыть, что немцы – тоже люди. Хотя и опыт войны, и пропагандисты говорили об обратном. Напомню эренбургское «мы поняли: немцы не люди»^[25].

Иногда немцы – это какие-то фигурки вдалеке:

На горке нагло появились два немца с небольшим минометом, пробуют стрелять в нас. Но мы пристреливаем их залпом из карабинов.

(Залгаллер, 4 сентября 1941 года.)

Иногда того, кого ранили или убивали, видели в лицо. Так случилось с Борисом Комским в бою 5 августа 1943 года:

Пошли в атаку. Немцы побежали. Наш взвод вырвался вперед – во взводе 8 человек. Прошли деревню. Немцы отступают по ржи. Наши бегут за ним. Я присел на колени, выстрелил из винтовки. Один фриц упал. Лиуюю. Бегу вперед. Вижу – двое отстали. Командую своим: окружать. Один поднял руки. Бегу ко второму, нагнал, оказывается – тот, в кого я стрелял: ранен в голову. Сует мне в руки индивидуальный пакет. Не перевязал. Здоровый фриц с орденом и орденой лентой. Снял автомат, обыскал. Кто-то кричит: «Снимай часы – чего смотришь». И верно – думаю; снял.

Эти часы еще очень пригодятся сержанту Комскому. И вовсе не для того, чтобы следить за временем.

Павел Элькинсон записывает 11 ноября 1944 года: «Хлопнул сегодня еще одного. Это 4-й. Жалости никакой».

Залгаллер, хладнокровно «пристреливавший» немецких минометчиков, 20 июля 1942 года слышит по радио переговоры наших танкистов, их дыхание.

В памяти остались страшные слова:

– Тут двое сдаются.

– Некогда, дави.

И я слышу, как дышит водитель танка, убивая людей.

Не немцев – людей.

В 1945 году в предместье Данцига тот же Залгаллер видит лежащего у перекрестка раненого немецкого солдата:

Лица нет, дышит сквозь кровавую пену. Кажется, в доме рядом есть люди, только бояться выйти. Стучу рукояткой пистолета. Говорю, чтобы перевязали раненого.

Что ему этот раненый немец? Ему, видевшему трупы умерших от голода в блокадном Ленинграде и людей, жаривших котлеты из человечины и не стеснявшихся этого? Почему сержант Элькинсон записал, что не испытал никакой жалости к убитому им немцу? Почему он вообще упомянул о жалости, как будто должен был все же ее испытывать? Особенно учитывая, что вся его семья, за исключением брата (служившего в армии и тяжело раненого в первые дни войны), была расстреляна немцами в Запорожье.

Похоже, что человеческое не так легко вытравливается. Даже в нечеловеческих обстоятельствах.

Введение к истории о жизни на войне обернулось рассказом о смерти. Ну что ж, о жизни – в следующей статье.

[1] Эйникайт. 15 марта 1943 г. Цит. по: Свердлов Ф.Д. Энциклопедия еврейского героизма. М., 2002. С. 10.

[2] Одна из немногих толковых книг на эту тему написана британским историком Кэтрин Мерридейл: Catherine Merridale. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York, 2006.

[3] См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

[4] Черниловский З.М. Записки командира роты. М., 2002. С. 83.

[5] Василь Быков – Н.Н. Никулину, 25.03.96 // Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 236.

[6] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 121; Свердлов Ф.Д. С. 11–12. Общие потери еврейского населения (считая тех, кто проживал на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах) составили 2733 тыс. человек, или 55% всего еврейского населения СССР на июнь 1941 года. Это составляет более 10% всех людских потерь СССР в период Великой Отечественной войны. См.: Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных

границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 152 (табл. 9).

[7] Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 125; Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. С. 288.

[8] Черниловский З.М. С. 16.

[9] Шумелишский М.Г. Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

[10] В.Н. Гельфанд. Дневники 1941–1946, запись от 28.06.1942 // http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html (далее – Гельфанд).

[11] Там же. Запись от 10.09.1942.

[12] Там же. Запись от 12.09.1942.

[13] Там же. Запись от 27.09.1942.

[14] Шумелишский М.Г. С. 19. Запись сделана в марте 1942 года.

[15] Элькинсон П. Дневник – Blavatnik Archive, New York. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Архиву Блаватника и его руководителю Юлии Червинской за предоставленные в мое распоряжение сканированные экземпляры дневников П.А. Элькинсона и Б.Г. Комского. Оба дневника планируются полностью опубликовать в 6-м томе «Архива еврейской истории».

[16] Залгаллер В. Быт войны // Вестник (Балтимор). 2001. №11 (270). 2001. 22 мая – <http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/zalgaller.htm> (далее – Залгаллер).

[17] Altshuler M. P. 34–35, 120, 308.

[18] Здесь и далее воспоминания В.А. Залгаллера цитируются по указанному выше изданию.

[19] Всего за годы войны более 43 тыс. самолетов было потеряно в ходе боевых действий; еще 45 тыс. боевых машин вышли из строя в результате аварий и других чрезвычайных происшествий. См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 479–480 (табл. 186), 482–483 (табл. 187, 188).

[20] Шумелишский М. С. 5.

[21] Там же. С. 16.

[22] Интервью Б.Г. Комского Леониду Рейнесу. Львов, 27 июня 2009 года. Текст интервью предоставлен Архивом Блаватника.

[23] Здесь и далее дневник Б.Г. Комского цитируется по копии (скану), предоставленной Архивом Блаватника.

[24] «Ванюша» – разговорное название германского реактивного миномета «Nebelwerfer».

[25] Эренбург И. Убей // Красная Звезда. 1942. 24 июля.

ЕВРЕИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Áàí èèë Dîi àí íáñèé

Между 1940 и 1943 годами Северная Африка – как естественное продолжение Западной Европы на юг – оказалась театром военных действий. Часть ее длительное время была оккупирована гитлеровской армией; другая часть находилась под контролем Италии, страны – союзницы нацистской Германии, с 1938 года проводившей антиеврейскую политику. Алжир и большая часть Марокко были под контролем режима Виши, сотрудничавшего с нацистами. Все это не могло не отразиться на судьбе североафриканского еврейства, но уместно ли говорить о Холокосте в Северной Африке?

Безусловно, нет. На фоне той трагедии, которая во время второй мировой войны постигла евреев в не столь далекой Европе, Северная Африка представляется тихой гаванью. Как таковую ее воспринимали и европейские евреи, и поэтому в 1941–1942 годах многие тысячи беженцев оказались в Касабланке, Оране, Алжире и в оккупированном испанцами Танжере.

Еврейская, в особенности израильская, историография 1960–1980-х годов имела тенденцию подчеркивать единство истории еврейского народа по странам и континентам, и, следуя этой тенденции, историки проводили параллели между тем, что происходило в оккупированной нацистами Польше и в оккупированном итало-немецкой армией Тунисе. Такие параллели вполне законны: в Тунисе (а также в Алжире и Марокко) тоже действовали антиеврейские законы и военные приказы, имелись концентрационные лагеря для евреев и т. п. Однако налицо важнейшее отличие Северной Африки от Европы: здесь, даже в Тунисе, не проводился геноцид еврейского народа. В 1945 году – году капитуляции Германии – в Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии проживали около 500 000 евреев; за время войны еврейское население этих стран даже несколько увеличилось.

Итак, Холокоста, то есть нацистского геноцида евреев – такого, какой был в Европе, – в Северной Африке не было. Тем не менее для евреев стран Магриба, как называют этот регион арабы, вторая мировая война не прошла незамеченной. Не все евреи – как беженцы, так и местные уроженцы – пережили ее. Тунис в первой половине 1943 года отнюдь не был безопасной для евреев территорией, а евреям Марокко и Алжира под властью Виши – после десятков лет насаждения французских либеральных принципов – пришлось столкнуться с расовыми законами, социальной дискриминацией, а порой и с антисемитскими эксцессами.

Маршал Анри Филипп Петен.

Июнь 1940 года

1.

Накануне войны самым большим еврейским населением обладал султанат Марокко. В зоне французского протектората (в так называемом Французском Марокко), по переписи 1936 года, было около 161 000 «туземных» евреев (т. е. подданных султана) и 12 000 евреев – французских граждан. К моменту капитуляции французской армии в июне 1940 года и перехода Французского Марокко под власть коллаборационистского режима Виши, с учетом естественного прироста, а также притока беженцев из Европы – многие из которых рассчитывали на Марокко как на перевалочный пункт на пути в Америку – здесь проживало приблизительно 200 000 евреев.

Другим протекторатом Франции был Тунис. Перепись населения, проведенная здесь в 1936 году, показала около 60 000 евреев. Кроме того, из 95 000 тунисских итальянцев, учтенных переписью, от 5000 до 6000 составляли также евреи. Последние отличались итальянским патриотизмом, и некоторые даже симпатизировали фашистскому движению. Введение расовых законов против евреев в фашистской Италии в 1938–1939 годах охладило многих из них, однако лишь небольшая их часть пожелали принять французское гражданство. Фашистская Италия делала ставку на «своих» евреев – как-никак, они укрепляли итальянское меньшинство в Тунисе в противовес привилегированному французскому. В 1942–1943 годах, в период итало-немецкой оккупации, парадоксальным образом именно итальянские военные власти в Тунисе защищали своих евреев не только от немцев, но и от французов режима Виши. Вместе с евреями – гражданами Франции и других стран – в Тунисе в 1940 году было около 90 000 евреев.

Во французской колонии Алжир Декрет Кремье от 1870 года даровал французское гражданство всем евреям страны, независимо от их происхождения. Так

Франция получила в Алжире заметное меньшинство, горячо поддерживавшее колониальный режим; но при этом между арабами-мусульманами и евреями был вбит клин. Декретом Кремье были возмущены не только арабы, но и многочисленные французские поселенцы в Алжире – ведь Республика приравнила туземцев-евреев к ним, расовым французам! Европейская (преимущественно французская) община Алжира, насчитывавшая к началу войны почти миллион человек, стала питательной средой для всевозможных ультраконсервативных и фашистских движений. Антисемитизм был едва ли не главным кредо этих движений.

Первую перепись евреев в Алжире провели власти режима Виши в 1941 году; она показала 117 646 евреев.

Были или не были гражданами Третьей Республики евреи Северной Африки, но они – и в Алжире, и в протекторатах – тянулись к французской культуре, доверяли либеральной свободолубивой Франции, видели в ней свою защитницу. Тем более что отношение к ним со стороны мусульман, а в Алжире – и со стороны европейских поселенцев – ухудшалось.

Отношения между евреями и мусульманами в странах Магриба никогда не были идиллическими, а когда этот регион стал частью французской колониальной империи – совсем испортились: в Северной Африке распространялся антисемитизм. В Алжире в конце XIX века прошли погромы: в 1881–1883 и в 1897–1898 годах; в последней погромной волне, произошедшей на фоне дела Дрейфуса, приняли участие не только арабы, но и французские поселенцы. В 1910–1930-х годах антисемитизм был на подъеме. Усиление нацизма в Германии совпало с волной антиеврейских беспорядков в Магрибе: в июле 1932 года – в Сфаксе (Тунис), весной 1933 года – в Рабате и Касабланке, а также в столице Испанского Марокко Тетуане и в свободном городе Танжере. В августе 1934 года разразился погром в Константине (Алжир), 23 еврея были убиты и 38 – ранены. Арабское восстание в Палестине в 1936–1939 годах вызвало подъем солидарности в арабском мире; митинги протеста против «политики британского империализма в Палестине» сопровождались криками «Смерть евреям!» и порой заканчивались избиениями евреев и порчей их собственности.

Два фактора со всей очевидностью способствовали росту антисемитизма в Магрибе: кроме еврейской колонизации в Земле Израиля, сыграло свою роль и европейское, особенно нацистское, влияние. После начала мятежа Франко в Испании в 1936 году нацисты начали наводнять Магриб листовками, призывающими к погромам; радиостанции в Берлине и Штутгарте вели пропаганду на арабском и берберских языках. Вели пропаганду и итальянцы: итальянское радио вещало, что евреи Северной Африки – это агенты французского колониализма, подобно тому как евреи в Палестине – агенты британского империализма.

Ошибочно, однако, считать, что сионизм и европейская пропаганда были единственными или главными причинами роста антисемитизма в Магрибе. Более важным фактором был подъем арабского национализма, начавшийся в конце XIX века. Национализм неотделим от ненависти к чужакам, кто бы они ни были. Французская колонизация обострила националистические чувства арабов.

2.

Начало второй мировой войны в 1939 году привело к усилению профранцузских чувств в среде евреев Северной Африки, но также и к росту

антисемитизма в среде европейских поселенцев и арабов. По мере отступления французской армии в мае–июне 1940 года антиеврейские настроения усиливались. Копируя нацистскую меру, паша Сале, города-спутника Рабата, запретил евреям нанимать мусульманскую прислугу. Участились налеты французских и арабских легионеров, мобилизованных во французскую армию, на еврейские кварталы в Марокко; в Фесе во время такого налета один еврей был убит и шестеро ранены. В Тунисе распространялись брошюры с призывами убивать евреев; имели место разграбления еврейских магазинов. В Алжире, где французская власть была неколебима, ситуация оставалась более спокойной.

Правительство маршала Петена, подписавшее 22 июня 1940 года капитуляцию Франции, провозгласило «национальную революцию»; неотъемлемой ее частью была ликвидация эмансипации евреев, проведенной еще в 1790–1791 годах. Из курортного городка Виши, куда правительство Франции перебралось в разгар войны, оно начало издавать один за другим антиеврейские декреты.

7 октября 1940 года был отменен Декрет Кремье («Конец семидесятилетнего скандала!») – такими словами приветствовал решение режима Виши Шарль Моррас, идеолог французских ультраправых). Более 100 000 алжирских евреев – большинство из них уже родились французскими гражданами – потеряли свое гражданство. Французское гражданство сохранялось только за ветеранами 1914–1918 и 1940 годов (но не за их вдовами и детьми и не за ветеранами войны 1926 года в Марокко), за кавалерами ордена Почетного легиона и обладателями некоторых военных наград. При этом евреям не восстанавливалась прежняя юридическая автономия, которая была гарантирована мусульманам.

Только на следующий день, 8 октября, на Северную Африку был распространен Статут о евреях. Обе версии вишистского Статута о евреях – первая, от 3 октября 1940, и более строгая вторая, от 2 июня 1941 года, – в Алжире были введены без изменений. В частности, в Алжире действовало расовое определение еврея, скроенное приблизительно по образцу нацистского нюрнбергского определения 1935 года. В протекторатах же статуты были юридически адаптированы к местному закону. Для туземных евреев была учтена их религиозная принадлежность: евреи, перешедшие в ислам или христианство, уже не считались евреями. На лиц немарокканского и нетунисского происхождения распространялось расовое определение еврея. Султан Марокко Мухаммед V и бей Туниса Ахмад были вынуждены подтвердить вишистский статут соответствующими указами.

Дальнейшие меры против евреев в Северной Африке повторяли соответствующие меры в метрополии. Евреи были сняты с административных постов, уволены из армии и из школ, кроме специфически еврейских. В Алжире евреи были изгнаны из сфер финансов и печати, из страхового дела, из книгоиздательства и кино. В Марокко также евреи были уволены из сферы кино – вплоть до кассиров в кинотеатрах. По всей французской Северной Африке евреям были запрещены многие виды торговли – их список все время расширялся. Была введена процентная норма для адвокатов, врачей и иных специалистов. Впрочем, в Тунисе для врачей была установлена 5%-ная норма, а не 2%-ная, как во Франции. С 1941–1942 учебного года была введена 3%-ная норма для студентов в Алжире. Здесь же была введена 14%-ная норма для евреев – учащихся старших школ (кроме еврейских), а с 1942–1943 учебного года – 7%-ная норма. Евреи были исключены из детских и молодежных организаций.

Как и во Франции, была проведена «ариизация» собственности. Закон Виши от 22 июля 1941 года об изъятии еврейской собственности – промышленной, коммерческой, земельной, мастерских, недвижимости (кроме личных квартир) – был распространен на

Алжир в ноябре 1941 года. В Марокко и Тунисе «ариизация» шла медленно: против «ариизации» возражали итальянские военные власти. Немудрено: в руках пяти с лишним тысяч тунисских «ливорнези», большинство из которых были подданными Италии, находилась половина всей еврейской собственности Туниса. В Тунисе бейский указ затруднил евреям приобретение земли и предприятий розничной торговли. С марта 1942 года на еврейские предприятия назначались нееврей-«опекуны». В Марокко антиеврейские меры включали указ визиря от декабря 1941 года, запрещающий евреям селиться в мусульманских кварталах, и указ, разрешающий промышленно-торговым ассоциациям исключать евреев из своих рядов.

Антиеврейские меры 1940–1942 годов в Северной Африке, проводимые французскими колониальными властями и местной властью в протекторатах, по-разному воспринимались здешними евреями. Болезненнее всего они были для офранцузенных евреев Алжира, Касабланки, портовых городов Туниса, для которых Франция была синонимом свободы, равенства и братства. Большинство евреев Алжира посылали своих детей в общефранцузские школы; школы Всемирного еврейского альянса здесь, в отличие от Марокко, были непопулярны. Введение процентной нормы в нееврейских школах было катастрофой для еврейской общины Алжира. Менее болезненны эти меры были для евреев, дистанцировавшихся от европейской культуры (в основном, в провинциальном Марокко).

Евреи Северной Африки склонны были приписывать антиеврейские меры режима Виши принуждению, оказанному победителями на французов. В действительности же эти меры были инициативой правительства Виши – немцы никогда не требовали от Петена распространить антиеврейские законы на Африку. В протесте, направленном алжирскими евреями маршалу Петену после введения Статута о евреях, говорилось: «В своем сердце мы остаемся французами. Да здравствует Франция! Да здравствует французский Алжир!»

Особое место в событиях 1940–1942 годов занимает судьба евреев-беженцев и интернированных в Северной Африке.

Первыми интернированными в Северной Африке были члены Иностранного легиона, демобилизованные после капитуляции Франции. Большинство из них – те, у кого не имелось контракта на работу, – были отправлены в лагеря в Сахаре, рабочие или нерабочие. В Марокко и Алжире к ноябрю 1942 года было около 30 лагерей, самые большие из них – Ин-Фут и Сиди аль-Аяши в Марокко и Хаджерат М'Гиль и Джельфа в Алжире.

В некоторых лагерях, расположенных вдоль строящейся Транссахарской железной дороги (престижный проект режима Виши, который так и не был реализован) на востоке Марокко, уже находилось около 2000 рабочих-«добровольцев» – беженцев из Европы. Чтобы избежать ареста, эти несчастные согласились завербоваться на строительство, и им даже выплачивалась мизерная зарплата. В результате они оказались за колючей проволокой, подчиненные воинской дисциплине и охраняемые солдатами – сенегальцами, арабскими «гумье», а иногда и бывшими бойцами Иностранного легиона, но «арийцами». Положение их мало отличалось от положения интернированных – часто в тех же лагерях.

Вскоре сахарские лагеря наполнились новыми интернированными: беженцами, надеявшимися отплыть из Касабланки в Америку и не сумевшими это сделать; пассажирами пароходов «Монте Визу» и «Альсина», не доплывших до Америки и

вернувшихся в Касабланку; заключенными из лагерей в Южной Франции, переведенными сюда властями Виши; а также местными евреями, арестованными по подозрению в коммунизме или голлизме или за участие в черном рынке. Через лагеря Марокко и Алжира прошло около 10 000 иностранных евреев, «добровольцев» и заключенных, и какое-то число местных евреев (точное количество последних неизвестно)[1].

В рабочих лагерях был десятичасовой рабочий день; иногда место работы было удалено от лагеря, и до него надо было идти час или два. Вода была плохая, и ее было мало. Часто применялись наказания: лишение пищи; избиения; «львиная клетка» 2 x 2 м, где наказанный стоял на солнце привязанный к столбу; унижительные тяжелые бессмысленные работы; «могила» – яма, где наказанный мог провести от нескольких суток до месяца. В некоторых лагерях случались эпидемии тифа. Заключенные нередко умирали.

**Шабат в синагоге на Джербе.
Тунис. 1930-е годы**

3.

8–11 ноября 1942 года союзники высадились в Алжире и Марокко. Немедленно в Тунис вошли итало-немецкие войска. С 9 ноября 1942 по апрель–май 1943 года Тунис был под итало-немецкой оккупацией; хотя зона оккупации составляла не более одной трети территории Туниса, но именно в ней оказались основные еврейские общины страны: города Тунис, Сус, Сфакс и остров Джерба.

Власть над евреями Туниса была поделена между несколькими институтами. Наиболее реальной властью было командование немецкой армии в Тунисе: так, дальнейшие мобилизации евреев страны на фортификационные и другие работы были инициативой вермахта. Власть итальянцев была также ощутима. Формально сохранялась и власть французских властей (генерального резидента правительства Виши), а также тунисского бея. Одновременно с армией в Тунис прибыли и СС в лице оберштурмбанфюрера Вальтера Рауффа и его команды.

Команда Рауффа имела свою предысторию. В июле 1942 года, когда Африканский корпус генерала Эрвина Роммеля приблизился к Александрии и немцы уверились в победе, в СС была сформирована айнзацкоманда «Египет» под началом Вальтера Рауффа. Айнзацкоманде «Египет» предстояло, следуя за войсками Роммеля, вступить в Палестину и приступить там к «решению еврейского вопроса». Сам Рауфф уже имел опыт массовых убийств: в 1941-м он надзирал за деятельностью «душегубок» в СССР и в Сербии, что и предрешило его назначение на пост начальника айнзацкоманды «Египет».

В сентябре 1942 года, когда оккупация Египта сорвалась, команда Рауффа была отозвана в Берлин, а в ноябре послана в Тунис, где была увеличена до 100 человек. В Тунисе Рауфф получил должность начальника СД и включился в «решение еврейского вопроса» в стране[2].

23 ноября 1942 года СД арестовала несколько ведущих членов еврейской общины города Туниса, включая ее председателя Моиза Боржеля. Французский генеральный резидент направил протест немцам: по соглашению, такие аресты могла производить только французская полиция. Немцы освободили арестованных через несколько дней, но при этом Боржелю было приказано дважды в день являться в комендатуру СД «за получением инструкций».

В воскресенье 6 декабря Рауфф вызвал в комендатуру Боржеля и главного раввина столицы Хаима Беллаиша и объявил им, что ввиду нехватки рабочей силы командующий силами Оси в Северной Африке приказал мобилизовать евреев. Рауфф объявил также, что руководство еврейской общины распускается и вместо него будет создан «Комитет по набору рабочей силы». В качестве предварительной меры он потребовал у раввина Беллаиша подать назавтра список из 2000 евреев, которых направят на рытье окопов и другие земляные работы. Рауфф объявил потрясенным визитерам, что, по его мнению, в будущем 4000–5000 рабочих-евреев будет достаточно и что община отвечает за их доставку на место работы, а также снабжает их рабочим инструментом и пропитанием; все мобилизованные должны носить нашивку в виде звезды Давида. При неподаче списка, пригрозил Рауфф, прямо на улице будут взяты 10 000 евреев.

Беллаиш и Боржель не сумели в короткие сроки сделать все, что было приказано: 9 декабря, в день, когда начинались работы, явились только 128 человек. Разъяренный Рауфф поставил пришедших на колени и пообещал их расстрелять. Затем он приказал своим людям забрать всех евреев, находившихся в Большой синагоге, в школе Альянса и просто в еврейском квартале. Всех собранных под конвоем погнали на работы. Кроме этого, СД взяли 100 заложников из числа наиболее заметных членов еврейской общины. Рауфф кричал Беллаишу и другим: «Еврейские собаки! Свиньи! Я уже разделался с евреями в Польше и России! Я вам покажу, как это делается!»[3]

Фактически под вывеской «Комитета по набору рабочей силы» (он же – «Комитет 8 декабря») создавался юденрат; его председателем был Боржель, а главой Бюро рекрутирования в его рамках стал Поль Гез. Комитет немедленно приобрел отрицательные черты, присущие европейским еврейским советам нацистской эры. Кроме доставки на место работ и снабжения рабочих, на Комитет была навешена обязанность разыскивать уклоняющихся и бежавших с работ. Для этого в Комитете была сформирована группа «налетчиков». Поль Гез стал объектом всеобщей ненависти евреев. Другим источником ненависти евреев к Комитету стал его «классовый подход». Боржель, Гез и другие лидеры не только устроили на службу в Комитет собственных сыновей, родственников, друзей (служба в Комитете освобождала от работ), но и старались

«рекрутировать» мужчин из бедных семей, а состоятельные семьи облагать вместо этого налогом. В СД посыпались доносы на «буржуйских сынков», уклоняющихся от принудительного труда. Немцы достигли своей цели: конфликт в общине был посеян.

Всего через принудительные работы, в значительной мере – через лагеря, прошли около 5000 евреев столицы и несколько сотен – с острова Джерба и из второстепенных городов. Только в районе города Туниса было 30 лагерей, самый большой из них – при военном порте Бизерта. В Бизерте в начале 1943 года находилось более тысячи узников и был установлен 14-часовой рабочий день. Порт нещадно бомбили союзники, и некоторые евреи погибли при налетах. С другой стороны, только в Бизерте были бараки для проживания рабочих, в остальных «лагерях» рабочие-евреи спали под открытым небом. Одежды и обуви не хватало, многие работали босиком. Немецкие охранники избивали евреев, иногда убивали – за провинности или просто для развлечения; итальянская охрана относилась к евреям лучше.

Когда в январе–феврале 1943 года усилились союзнические бомбардировки, дисциплина в среде лагерной охраны упала и начались побеги узников. К концу марта в итальянском секторе из 930 рабочих осталось только 160. Бежали и из лагерей немецкой зоны. В бессилии справиться с этим, СД в феврале наложила на общину города Туниса штраф в размере 3 млн франков и пропорциональные штрафы – на общины в Сусе, Сфаксе, Габесе и на Джербе. Более того, лагерная охрана начала «продавать» свободу узникам за деньги и ценности. Зная об этом, Комитет по набору рабочей силы создал фонд из алкогольных напитков, ювелирных и шелковых изделий и т. п. Представители нордической расы оказались падкими на взятки: за несколько бутылок коньяка Комитет мог, например, выкупить у охраны и отправить домой заболевших из среднего рабочего лагеря.

Процветал грабеж. Немцы собирали с еврейских общин мебель, одеяла, полотенца, часы, белье и т. п. Накануне отступления из Суса немецкое командование потребовало у евреев ювелирные изделия: очевидно было, что сбор идет не для «рейха», а для себя. Имел место и «частный» грабеж, несмотря на угрозу наказания; грабителей-немцев часто сопровождали арабы или европейцы.

Между тем союзники наступали. 10 апреля 1943 года был освобожден Сфакс, 12 апреля – Сус; 7 мая союзные войска вошли в города Тунис и Бизерту.

За время итало-немецкой оккупации в Тунисе погибло около 100 евреев. Часть из них умерли в лагерях от болезней, другие были убиты охраной; многие погибли при налетах союзников (так, в Сусе евреям, работавшим в порту, было приказано продолжать работу и во время налетов). В феврале и марте, в ходе операций против антифашистского подполья, немцы арестовали и вывезли в лагеря в Европе семерых евреев.

Как мы видим, события в Тунисе начали развиваться по европейскому образцу, однако первые антиеврейские меры нацистов не переросли в депортации евреев в лагеря уничтожения или в массовые расстрелы. Геноцид евреев Северной Африки был возможен, но не состоялся, и причина не в том, что у нацистов поменялись планы или что программа «окончательного решения» распространялась только на европейские страны. Причины были скорее практические. Северная Африка, и прежде всего Тунис, была обещана Италии и должна была стать частью ее средиземноморской империи. Между тем Италия 1940 – начала 1943 года, до ее попытки выхода из войны, возражала против немецкого метода «решения еврейского вопроса». Далее, Тунис был театром военных действий весь период с ноября 1942 по май 1943 года, и вермахт обладал там гораздо большим весом и

силой, чем СС, чьи «операции» могли помешать военным операциям. Но даже если бы немцы решили не считаться со своим союзником, а СС взяли бы верх над армией, перед ними встали бы технические трудности. Вывозить десятки тысяч евреев в европейские лагеря по морю было дорого, а главное – опасно; на то, чтобы строить лагеря уничтожения в Африке, у немцев уже не было ни времени, ни сил. Наконец, евреев французской Северной Африки спасла и относительная кратковременность немецкого контроля.

4.

Долгожданное освобождение Северной Африки американско-английскими войсками устранило угрозу геноцида, нависшую, по меньшей мере, над евреями Туниса, но, парадоксальным образом, почти ничего не изменило в положении евреев французской Северной Африки.

Американский контроль в Марокко и Алжире после ноября 1942 года был далеко не полный. На местах оставалась прежняя петеновская администрация; в провинции, вдали от побережья, куда войска союзников не дошли, все продолжалось по-старому. Но даже в больших приморских центрах американцы старались не вмешиваться во «внутренние французские дела» – ведь они должны были показать французам, что они пришли не как оккупанты, а как освободители.

В крупных городах Марокко первой реакцией французских властей на американскую высадку было закрытие еврейских кварталов. В Рабате 8 ноября полиция оцепила еврейский квартал и не снимала оцепление несколько недель. Закрыты были еврейские кварталы также в Фесе и Мекнесе. Алжирские власти после высадки американцев предупредили евреев, чтобы они не выказывали по этому поводу слишком бурной радости. В Касабланке полиция арестовывала евреев, общавшихся с американскими солдатами на улицах.

«Легионеры», члены созданных режимом Петена военизированных организаций, фашистская «Парти популер» чувствовали себя безнаказанно в «освобожденной» Африке. 15 ноября 1942 года, сразу после окончания американского военного парада в Касабланке, они устроили налет на еврейский квартал; была осквернена синагога и избито несколько человек. В провинции инциденты не утихали.

Хуже всего было то, что никто – ни старые колониальные власти, ни новый комиссар французской Северной Африки генерал Жиро, ни сами американцы – не собирався восстанавливать поправную справедливость, то есть отменять расовые законы режима Виши, возвращать евреям отобранную собственность и освобождать узников лагерей. Американцы ограничились тем, что освободили всех американских и британских граждан. Лишь в январе 1943 года была создана комиссия по освобождению из лагерей. На освобождение всех прочих узников – политических заключенных и евреев-беженцев из Европы – ушло четыре месяца.

Только 18 марта 1943 года, через пять месяцев после освобождения, генерал Жиро под давлением американцев и самого де Голля подписал декрет об отмене антиеврейских законов Виши в Алжире. Одновременно он, однако, издал декрет, вторично отменяющий Декрет Кремье: антисемит в сердце, Анри Жиро не желал видеть алжирских евреев гражданами Франции. Возможно, он также не хотел раздражать арабов, составлявших значительную часть подчиненных ему сил «Сражающейся Франции» в Северной Африке.

Борьба за возобновление Декрета Кремье длилась до конца 1943 года. Наконец 20 октября 1943 года это произошло. Главный раввин Алжира Морис Айзенбет в письме де Голлю благодарил его за восстановление прав и достоинства алжирских евреев.

[1] Michel Abitbol. The Jews of North Africa during the Second World War. Detroit, 1989. P. 92–93.

[2] Klaus-Michael Mallmann, Martin Cuipers. «Elimination of the Jewish National Home in Palestine»: The Einsatzkommando of the Panzer Army Africa, 1942 // Yad Vashem Studies. 35 (1). 2007. P. 111–141.

[3] Michel Abitbol. P. 124.

ОТ КРИТИКИ КАНТА К «СОЮЗУ ДОБРА И БЛАГОДЕНСТВИЯ»

Города и персонажи раннего еврейского Просвещения

עֵינֵי אֲדוֹרְתֵינֵנוּ

Окончание. Начало в № 4, 2010

6.

Маркус Герц не стал крупным самостоятельным мыслителем, но его роль в распространении в берлинских кругах кантовской философии очевидна. Обладая философской ясностью ума, он умел разъяснить глубокие идеи своих учителей и коллег и сделать их общедоступными.

Совершенно иным по складу характера и по перипетиям судьбы был другой последователь кантовского учения – неистовый Соломон Маймон (1753–1800)[\[1\]](#). Этот выходец из литовского еврейского местечка Несвижа прожил недолгую, но весьма бурную жизнь, успев оставить после себя как многочисленные негативные о себе впечатления в среде людей близко его знавших, так и ряд текстов, внесших его имя в анналы не только еврейской, но и мировой философской мысли[\[2\]](#).

Жизнь этого человека некоторыми обстоятельствами напоминает судьбу Спинозы и Мендельсона. Еще в юные годы Соломон, как и Мендельсон в свое время, познакомился с сочинением крупнейшего еврейского философа Средневековья Моисея Маймонида «Море невухим» («Путеводитель растерянных»). Эта книга перевернула сознание молодого ешиботника, и, отождествляя себя с автором, он принял имя Маймон.

Обладая изумительными способностями к абстрактным рассуждениям, уникальной памятью и неистовой жаждой знаний, Соломон Маймон, несмотря на все перспективы стать выдающимся раввином, посвящал значительную часть времени изучению дисциплин, далеких от талмудической учености. Община с опаской наблюдала за этими его исканиями, и вскоре Соломон, как в свое время Барух Спиноза, оказался практически в полной изоляции от соплеменников. Женившись в одиннадцать лет[\[3\]](#), а в четырнадцать – родив сына, он все-таки покинул дом и семью и отправился в Кенигсберг, чтобы обучиться медицине, а на самом деле – чтобы утолить свою жажду к наукам и личной свободе.

Для стремящихся к образованию евреев из польских и литовских местечек Кенигсберг, называемый на идише «Гиншпериг», и в более поздние времена был «фантастическим городом», где, по общему мнению, царил дух свободомыслия и куда устремлялись евреи из черты оседлости, чтобы получить образование и через него – доступ к достижениям европейской культуры[\[4\]](#).

В «Автобиографии» Маймон описывает себя на момент прибытия в столицу Восточной Пруссии весной 1777 года: «с большой грязной бородой, в разорванном,

нечистом платье, [изъяснявшийся на] языке, смешанном из древнееврейских, жаргонных и польских слов, с грамматическими ошибками». Образованные кенигсбергские евреи настороженно приняли этого странного человека, объявившего своей целью изучение наук. Недоверие со стороны просвещенных кругов ожидало его и в Берлине. В результате Маймон был вынужден отправиться в длительное странствие, которое длилось фактически до конца его жизни.

В своих скитаниях, в общении с различными людьми и в чтении книг Маймон пришел к убеждению, что главной и единственной ценностью для человека является его способность мыслить, рассуждать, делать умозаключения и выводы. Употреблять свою жизнь на нравственные дела, на деятельность вообще – означает прожить ее напрасно. Мыслитель не должен растрачиваться на пустяки. Развивая эту мысль, он вскоре дошел до глубочайшего цинизма, который пугал как традиционных, так и просвещенных евреев. «Религия – это вино, – говорил он, – а религиозные ритуалы – сосуд. Уничтожьте сосуд, и вино разольется».

Прибыв в Берлин в 1779 году, Маймон наконец познакомился с Мендельсоном и преподнес ему изложенные на еврейском языке опровержения имевшихся доказательств существования Б-га. Мендельсон, заинтересовавшись особым складом ума Маймона, оставил его при себе. Однако в Берлине Маймон все больше погружался в скепсис и разгул. Вскоре кроткий Мендельсон, вся жизнь которого, как и жизнь Канта, была строго упорядочена, не выдержал «одичалости» своего протеже и был вынужден оставить попытки его исправления.

Маймон снова отправился в путь. Скитания его были столь тягостны, что он подумывал уже о самоубийстве. В своих попытках найти выход из положения он, как и многие его современники, решил обратиться к христианству. В Гамбурге он безуспешно пытался уговорить одного священника крестить его. Тот ответил отказом, поскольку, как и Фридлиндер, Маймон просил оставить ему право самому выбирать, верить ли в божественное происхождение Христа или нет.

В 1788 году он вновь вернулся в Берлин, где теперь внимательно ознакомился с учением Канта. Прочитав «Критику чистого разума», Маймон направил кенигсбергскому философу свои соображения в работе «Versuch u..ber die Transzendentalphilosophie» («Эссе о трансцендентальной философии»), где он подверг критике кантовское понимание объекта и кантовскую этику. По рекомендации самого Канта, восхитившегося ходом рассуждений своего критика, эта работа была опубликована, и с этого момента сочинения Маймона неизменно стали привлекать внимание мыслящей части немецкого общества. По этому поводу Маркус Герц писал Канту: «Соломон Маймон, некогда один из неотесанных польских евреев, благодаря своему уму и прилежанию стал спустя годы весьма сведущ в различных науках, а в последнее время особенно в Вашей философии или, по меньшей мере, усвоил Ваш способ мышления, что дает мне право утверждать, что он является одним из очень немногих жителей Земли, которые Вас действительно понимают»^[5].

Сам же Маймон продолжал развивать идеи кантовской философии и, в частности, составил обширный комментарий к своему любимому сочинению Моисея Маймонида «Море невухим», где разбирал это произведение в духе кантовской системы познания. Во многом эти работы Маймона и сохранили его имя в истории философии в качестве промежуточного звена между системами Канта и Фихте.

Продолжая вести привычный для себя образ жизни, язвительный и бескомпромиссный Маймон довольно скоро отвратил от себя всех своих покровителей и

умер в Силезии в глубочайшей нищете, не дожив нескольких месяцев до наступления нового, XIX века.

Соломон бен Йошуа Маймон

7.

Лазарус (Лазарь) Бендавид, изучив философию Канта по его работам, стал, как и Маркус Герц, популяризатором кантовского учения. В период между 1795 и 1802 годами он читал в Берлине и Вене публичные лекции о философской системе кенигсбергского мыслителя, и в 1801 году Королевская академия наук даже наградила его премией за исследование эпистемологии Канта.

Сам Бендавид как последовательный кантианец отличался высокой нравственностью и приверженностью моральным нормам. «Статуя истинной добродетели и сознания долга, как бы изваянный в мраморе категорический императив его учителя Канта», – сказал о нем Генрих Гейне.

Сохраняя верность религии предков, Бендавид был яростным противником как массовой христианизации, так и ортодоксального иудаизма. Он считал, что не только еврейство проиграет, но и христианство не выиграет от притока еврейских неофитов. Идеал он видел в реформированной иудейской традиции и много сил отдавал составлению ее программы. Будучи директором берлинской фрейшуле с 1806 года, он также много сделал для улучшения еврейского школьного обучения.

Имя Лазаря Бендавида столь же значимо для истории еврейского Просвещения, сколь и имена двух других кантовских студентов, которых мы пока не упомянули. Они, быть может, и не зарекомендовали себя как европейские философы, но вклад их в еврейскую историю вряд ли можно переоценить.

Речь идет о молодых людях, которые, как и предыдущие фигуры, совместили в своем образовании академическую и талмудическую стороны. Однако деятельность их оказалась направленной не на развитие философских концепций, а на занятия филологией.

Этими двумя деятелями были Исаак-Авраам Эйхель и Мендель Бреселау. Оба они в 80-х годах XVIII века находились в качестве домашних учителей в одной из наиболее состоятельных семей кенигсбергских евреев – семье Фридендер.

Эйхель родился в 1758 году в Кенигсберге (по другим данным, в Копенгагене) и уже в молодости близко познакомился с Фридлиндерами, которые пригласили его к себе преподавать древнееврейский язык. Немалое влияние на Эйхеля, как и на других просвещенных кенигсбергских евреев, оказал визит в город в 1777 году Моисея Мендельсона. В числе других студентов Эйхель присутствовал на знаменательной встрече двух философов, о которой было рассказано ранее (см. Лехаим. 2010. № 4).

Благодаря произошедшему впоследствии личному знакомству с Мендельсоном и другим ярким представителем новой еврейской интеллектуальной элиты, писателем Нафтали Гартвигом Вессели, Эйхель начинает усиленно заниматься разработкой классического древнееврейского языка, который подвергся к этому времени сильному изменению под различными влияниями. Это увлечение позволило ему выработать новый стиль, который не отличался приподнятостью, как у Вессели, но при этом был грамматически правильным и литературно выверенным.

В 1782 году, встав во главе кенигсбергской прогрессивной еврейской молодежи, Эйхель создает общество «Хеврат доршей сфат эвер» («Общество друзей еврейского языка»). А в следующем году с благословения и при финансовой поддержке двух представителей семьи Фридлиндер Симона и Самуила (Занвила), младших братьев уже упоминавшегося Давида Фридлиндера, выходит первый экземпляр журнала «А-Меасеф» («Собиратель»). Именно издание в Кенигсберге первого номера этого журнала входит в число тех эпохальных событий, которые некоторые исследователи этого вопроса считают признаками начала еврейского Просвещения в Европе.

Первая страница журнала «А-Меасеф» за месяц ав 5544 (1784) года

8.

Журнал «А-Меасеф» стал первым в истории светским периодическим изданием на древнееврейском языке. Образцом для него послужил немецкий просветительский ежемесячник «Berlinische Monatsschrift» («Берлинский ежемесячник»). Изначально тоже предполагалось издавать журнал каждый месяц, но финансовые обстоятельства не позволили, и журнал стал выходить ежеквартально.

13 апреля 1783 года был выпущен рекламный проспект будущего журнала, озаглавленный «Поток Восорский»^[6]. Здесь авторы обещали давать читателям знания о грамматике древнееврейского языка, представлять на нем же стихотворения и научные изыскания, комментировать трудные места в Талмуде, рассказывать о великих людях

Израиля и давать рекламу новых книг. Впервые в истории древнееврейского языка на нем обещали публиковать сводки последних новостей.

Кроме Эйхеля другим виднейшим сотрудником этого издания из числа кенигсбергских евреев стал Мендель Бреселау. Он был на четыре года моложе Эйхеля, но также добился уже немалых успехов в древнееврейском языке. В отличие от стилистики старшего товарища его стиль отличался художественностью и живостью. Идеалом для Бреселау являлся известный в то время еврейский автор Моисей-Хаим Луцато. В подражание ему он пишет аллегорическую драму «Йалдут у-бахрут» («Детство и отрочество»). Издание этого произведения произошло, однако, лишь через четыре года после выхода первого номера «А-Меасеф». Впоследствии, уже в 1819 году, Мендель Бреселау издает еврейский фонетический букварь и древнееврейскую грамматику.

Увлеченность Эйхеля и Бреселау древнееврейским языком была далеко не случайной, ибо в их сознании возрождение народа связывалось с обращением к корням, к великим событиям еврейской истории, описанным в Танахе. О необходимости изучения родного языка наряду с языками европейских народов писал и Нафтали Гартвиг Вессели. В 1782 году, в ответ на издание в Австрии «Эдикта о веротерпимости» («*Toleranzpatent*»), провозглашавшего учреждение для евреев системы новых светских школ, он публикует свое воззвание «Диврей шалом ве-эмет» («Слова мира и правды»). Здесь Вессели, одобряя и горячо поддерживая начинание императора Иосифа II, провозглашает основные задачи еврейского Просвещения. Он утверждает необходимость для евреев изучения как Торат а-Шем (Б-жественной премудрости, т. е. Торы), так и Торат а-адам (мудрости человеческой, т. е. светских наук), при этом последним он отдает явное предпочтение, признавая, что если знание Торы делает еврея лишь евреем, то приобщение к светским наукам создает из него полноценного человека. Изучение лешон а-кодеш (священного языка, т. е. древнееврейского) он ставит во главу угла, ибо лишь знание языка может обеспечить правильное понимание сакральных текстов, из которых, безусловно, по мнению Вессели и других деятелей Хаскалы, читатель вынесет необходимость изучения и человеческих знаний.

Таким образом, по логике самого еврейского Просвещения издание журнала на древнееврейском языке оказывалось совершенно необходимым.

Соблюдая пожелания Вессели, за первые три года издания сборника редакторы не выступали против сторонников традиционного уклада еврейской жизни. Главное место в журнале, как было обещано в проспекте, занимали литературные вопросы и биографии великих людей. Кроме того, отдельное внимание уделялось правильной постановке воспитания еврейской молодежи. Одним из мнений европейских просветителей относительно евреев было утверждение, что евреи занимаются «непроизводительным» трудом^[7]. Поэтому сотрудники «А-Меасеф», для которых мнение европейских интеллектуалов было свято, утверждали необходимость изучения светских наук и бурно высказывались за приобщение еврейства к сельскохозяйственному и промышленному производству. Этому вопросу было посвящено немало сочинений на протяжении последующего этапа еврейской истории. Стремление побороть вековое предубеждение о неспособности евреев к физическому труду двигало и первыми халуцим – молодыми евреями-сионистами, приехавшими осваивать Палестину в конце XIX – начале XX века.

В Палестине, как мы знаем, этот опыт в конце концов удался. Пройдя через многие жертвы, евреи сумели создать в пустыне развитую сельскохозяйственную и промышленную экономику. Однако этого нельзя, к сожалению, сказать о результатах тех попыток заставить евреев заниматься сельским хозяйством, которые предпринимались

европейскими правительствами, активно поддерживаемыми сторонниками Хаскалы. Любые попытки переселения евреев в сельскую местность, как правило, заканчивались безрезультатно. Сейчас мы объясняем неудачи этих попыток естественным процессом движения сельского населения в города и невозможностью обратного процесса. Но тогда, когда создавался «А-Меасеф», еврейские просветители вдохновлялись представлениями о блестящем будущем своего народа как сельского или ремесленного производителя, и этому посвящались их многочисленные сочинения с проектами специального еврейского образования с элементами обучения ремеслу и сельскому хозяйству. Сотрудники журнала считали это непременным условием подготовки из евреев полезных граждан и патриотов той страны, где они на тот момент проживали.

Постепенно новые лица появлялись в числе авторов «А-Меасеф». Со временем их стали называть поколением меасфим, и под этим именем они вошли в историю еврейского Просвещения. В числе них были Йоэль Леви, Аарон Гале (Вольфсон), Герц Гомберг, Маркус Герц. Участие в издании принимал и Соломон Маймон.

Журнал распространялся, как и многие другие издания того времени, по принципу пренумерантов. Вначале рассылался проспект и собирались средства от потенциальных подписчиков, и лишь затем готовился и издавался очередной номер. География распространения журнала расширялась, а вместе с ней расширялось и число последователей нового движения. Через несколько лет почти в каждой крупной еврейской общине Европы образовалась своя партия «просвещенных», которых недруги из числа традиционных евреев называли «берлинчики» или «немчики» (дейчеры).

В 1786 году кенигсбергский кружок «любителей иврита» преобразовался в общество под возвышенным названием «Союз добра и благоденствия». Теперь цель кенигсбергских меасфим состояла не просто в распространении иврита и знаний о языке, но и в улучшении жизни еврейского населения в целом.

Портрет Давида Фридендера кисти Юлиуса Хюбнера. 1834 год.

Из каталога «Deutsche Jahrtausstellung. Berlin. 1900»

В 1788 году Эйхель перебрался из Кенигсберга в Берлин, где стал заведующим типографией в основанной Давидом Фридендером и Даниилом Итцигом школе «Хинух неарим» («Воспитание отроков»). Вместе с ним в Берлин переносится и «А-Меасеф», последующие номера которого издаются отныне в столице Пруссии.

В 1789 году происходит революция во Франции. В журнале публикуется петиция парижских евреев об уравнивании их в правах, а в последующем 1790-м – петиция еврейских общин Франции, переданная особой делегацией Национальному собранию. Так перенос журнала в Берлин совпал и с изменением общего тона издания с литературно-просветительского на политико-публицистический. Теперь работы полемического характера встречаются здесь все чаще. Наряду с ними и переводами некоторых немецких авторов на древнееврейский язык в журнале начинает печататься поэма Вессели «Ширей тиферет» («Песни великолепия»), посвященная исходу евреев из Египта. Это сочинение сохранилось в анналах новоеврейской литературы как первая стихотворная история еврейского народа, однако художественные достоинства этого текста нельзя назвать неоспоримыми.

Одновременно с изменениями, происходящими в мире, и углублением противоречий между маскимальными и традиционалистами в журнале появляется все больше резких выпадов против охранителей традиционного уклада. Журнал постепенно приобретает все более независимый и радикальный характер. Число его сотрудников расширяется. Теперь в «А-Меасеф» публикуют свои сочинения представители второго поколения Хаскалы: Давид Фридендер и Иосиф Галтерн, а также польские евреи, живущие в Берлине: Исаак Сатанов и Йеуда-Лев Бен-Зеев. Оба последних, по всеобщему признанию, были хорошими стилистами, но наряду с замечательными переводами издавали и немалое количество едких стихов и фальсификаций, высмеивающих не только ортодоксов, но и самих просветителей.

Расширение географии издания послужило причиной участия в нем маскимальных из разных стран: Голландии, Франции, Италии. Во Франции сотрудниками журнала был Моисей Энсгейм (Мец), в Амстердаме – Давид Франко Мендес и Давид Фридрихсфельд. Через Илию Морпурго направление меасфим проникло и в Италию. В России журнал выписывали и распространяли петербургские сторонники Просвещения Абрам Перетц и Йеуда-Лейб бен Ноах (Лев Николаевич) Невахович.

Распространению новых идей способствовало и достигнутое кое-где освобождение от извечного бесправия, которому подвергались евреи в Европе. Впервые это отчасти было сделано в Австрии при императоре Иосифе II, затем в эпоху Французской революции. Очень постепенно, но вопрос о еврейской эмансипации из разряда беспочвенных интеллектуальных рассуждений переходит в сферу реального воплощения. И здесь меасфим в первых рядах борьбы за права евреев во всей Европе.

Эйхель оставался редактором журнала до конца 1790 года. После этого изданием заведовали его преемники из числа постоянных авторов – Вольфсон и Леви. В это время журнал покинули Вессели и другие менее радикальные сторонники Просвещения.

К этому времени периодичность издания была нарушена. Выход седьмого тома растянулся на четыре года – с 1794-го по 1797-й – по одному выпуску в 100 страниц в год. В 1797 году издание прекратилось и было возрождено лишь в 1809-м под редакцией Шаломы Коена. Затем в течение трех лет вышли еще три тома в Берлине, Альтоне и Дессау, и в 1811 году «А-Меасеф» прекратил свое существование.

В целом литературно-научная ценность журнала «А-Меасеф» не была особенно высока. Однако влияние его на последующую еврейскую историю оказалось столь велико, что краткий период его издания считается отдельной эпохой в развитии новой литературы на древнееврейском языке.

Появление журнала «А-Меасеф» в Кенигсберге стало одним из рубежных событий между историей традиционного еврейского общества и эпохой модернизации и, видимо, не случайно совпало по времени с периодом культурного расцвета этого города. Тогда, в конце XVIII века, о событиях современных, о философских вопросах и о проблемах науки впервые заговорили языком библейских текстов. Авторы, воспитанные в городе Канта и Гофмана, впитавшие вольный дух студенческих традиций Альбертины, стали первыми, кто методично, год за годом, начал разъяснять евреям Восточной и Западной Европы мысль о том, что мир коренным образом изменился и что, к сожалению или к радости, неизбежна также и трансформация самого еврейства.

Так, в 1783 году из Кенигсберга пошло распространение среди евреев идеи интеграции в социальную и культурную среду европейских народов, получивших уже очень скоро реальное воплощение в таких масштабах, о которых не мыслили родоначальники Хаскалы. Вместе с этим открылась новая глава в духовной, социальной и политической истории еврейского народа, написание которой не завершено по сию пору.

[1] Подробнее о Маймоне см.: Занвиль И. Безумный Маймон и Натан Мудрый / Пер с англ. // Еврейская жизнь. № 1, 1904; Socher, Abraham P. The Radical Enlightenment of Solomon Maimon: Judaism, Heresy, and Philosophy. Stanford: Stanford UP, 2006.

[2] О жизненном пути Соломона Маймона см. его «Автобиографию» (Тель-Авив, 1942; 2009 [иврит]).

[3] Поскольку Соломон в очень раннем возрасте прославился как чрезвычайно ученый юноша, знаток Талмуда, на него стали охотиться свахи, а его отец вознамерился женить его как можно выгоднее и, как Маймон утверждает в своей «Автобиографии», требовал денежные подношения от богатых родителей невест еще до заключения брачного соглашения. В какой-то момент он даже обещал сына двум семьям, получив от обеих деньги и дары.

[4] См., например: Год в мирском ешиботе // Пережитое. Т. IV. СПб., 1913. С. 178.

[5] Цит. по: Скуратовский В. Соломон Маймон // Чайка. 2002. № 16 (32). С. 8.

[6] Поток Восорский, или Нахал Бесор, – ручей, протекающий в пустыне Негев в Израиле. Слово «бесор» омонимично древнееврейскому слову «бесора» – «добрые известия».

[7] Следует отметить, что принятое в среде европейских просветителей (Вольтер, Монтескье, Дом) мнение о том, что евреи занимаются «непроизводительным трудом», отвергалось Моисеем Мендельсоном. В своем «Ответе Дому» он убедительно доказывает, что торговля и банковское дело являются такими же важными отраслями экономики и приносят не меньше пользы, чем сельское хозяйство и ремесло. Любопытно, что его последователи из числа образованных евреев не пытались продолжать отстаивать эту позицию. Наоборот, в течение всего XIX века идея о необходимости приобщения евреев к «производительному» труду была для них одной из основных. См.: Мендельсон М. Ответ Дому (1782) // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время: Антология документов. Сост. П. Мендес-Флор, Й. Рейнхарц. Т. 1. М.–Иерусалим, 2003. С. 95.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Àðåààèé Èíààèùù àí

Смысл подобен змейке, которая ночью пробралась в ботинок. Вы надеваете ботинок, и змейка внезапно жалит. Нет, не так. Кто-то запустил ее туда. Иначе как бы она там оказалась? Если никто не заложил смысл, мы будем вечно томиться в поисках смысла и ничего не найдем.

Например, от яда умер художник. Суд признал виновной его жену. Через шестнадцать лет Пуаро идет по следу, и детская считалка о пяти поросятах позвякивает в его голове. Пятеро были на месте, когда художник выпил яд: друг художника, брат его друга, любовница художника, младшая сестра жены художника и бонна младшей сестры. Вне подозрений – любовница, но она – убийца. При первой встрече Пуаро угадывает в ней Джульетту. Почему? Ее Ромео погиб, и она убила себя. Она так и живет мертвой, меняя мужей и наряды. И больше Пуаро ни о чем не догадывается при этой первой встрече. Повесть о веронских любовниках открывается ему постепенно, не сразу. А там речь идет о яде. Ложный яд принимает Джульетта, но истинный яд пьет Ромео. И только увидев Ромео мертвым, Джульетта убивает себя. Это и есть разгадка тайны – не тайны убийства, а тайны смысла. Любовница отравила художника, боясь потерять его. Вместе с Пуаро мы, сами о том не догадываясь, ищем смысл и поражены раскрытием смысла в последней главе.

Или еще пример. Сота – жена, подозреваемая мужем в неверности. Она должна пройти испытание, выпить горькую воду. В воде растворено проклятие, содержащее Имя Б-га. Священник смывает проклятие вместе с Именем! Святой, благословен Он, велел смывать Свое святое Имя, написанное в святости, чтобы помирить мужа с женой. Так учил рабби Ишмаэль. И отсюда рассказ о рабби Меире, который с наступлением субботы сидел и толковал в синагоге Тору. Была там одна женщина, что всегда слушала толкования. Как-то раз беседа затянулась допоздна, так что дома у женщины успел погаснуть светильник. Муж спросил ее: «Где ты была?» – «Слушала толкования». – «Так не войдешь же ты в дом, пока не плюнешь толкователю в лицо!» Прошла неделя, и вторая, и третья. Сказали ей соседки: «До сих пор вы в ссоре! Пойдем к толкователю!» Когда увидел их рабби Меир, он в Духе Святом все понял. Спросил: «Есть ли здесь женщина, умеющая заговаривать больной глаз?» – Женщина испугалась и ответила: «Рабби, я не умею». – «Плюнь мне семь раз в лицо, и я излечусь!» Она так и сделала. Сказал ей рабби Меир: «Иди и скажи мужу: “Ты велел плюнуть один раз, а я плюнула семь”». Сказали ему ученики: «Рабби! Разве позволительно унижать Тору?» Ведь унижающий мудреца унижает Тору. Ответил он им: «А разве не довольно для Меира, что он равен своему Создателю? Ведь учил рабби Ишмаэль, что Имя Великое, написанное в святости, велел Святой, благословен Он, стереть над водой, чтобы помирить мужа с женой». Так в Ваикра раба, 9:9. А в трактате Сота Иерусалимского Талмуда (1:4) немного иначе: «Сказал им: “Разве честь Меира не как честь его Создателя?”»

Очень поучительно. Ради примирения мужа с женой Г-сподь унижает Себя, и рабби Меир унижает себя. И это подражание Б-гу, добродетель почти философская. Только сзади маячит иной смысл, иной текст, иная повесть. Муж изгнал из дома жену, а рабби Меир искупил ее своим унижением, был оплеван. Как был оплеван Раб Божий в знаменитом пророчестве: «Спину свою я отдал бьющим меня и щеки мои – дерущим

бороду, лицо свое не скрыл от поругания и оплевывания». И все ради чего? Ради того, чтобы отменить разводное письмо, вернуть домой жену. Что же это за жена такая? Это Израиль, жена неверная, получившая разводное письмо, но возвращенная. «Так говорит Господь: Где разводное письмо вашей матери, с которым Я отослал ее? <...> Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отослана мать ваша». Так у Йешаяу (50:1, 6). А если кому-то сближение рабби Меира с Рабом Божиим кажется натянутым, то вот еще одно сближение: «Тогда плевали ему в лицо и колотили его; другие же били его по щекам». Это рассказано об Иисусе в Евангелии от Матфея (26:67). Рассказано с очевидной (давно известной) аллюзией на предсказание пророка о Рабе Божьем. Раб Божий – искупитель. И такова же профессия рабби Меира, который собирался искупить Ахера, своего учителя, как Боаз искупил Руфь. И этот же мудрец, рабби Меир, назвал себя мессией, умирая в римской провинции Азия.

Плевание в лицо – любимый рецепт евреев при лечении глаз. Иисус, по рассказу евангелиста, вылечил так слепого (Мк., 8:23). По другому рассказу, он пробудил девочку, которую все считали умершей. Сказал ей: «Талита, куми», то есть «Девочка, встань!» (Мк., 5:41). Для христиан это факт их священной истории. Для евреев – аллюзия на стих пророка Амоса (5:2): «Упала, не встанет более дева Израилева! Повержена на земле своей, и некому поднять ее». Из талмудического трактата Брахот (4б) мы знаем, что стих Амоса был горек нашим мудрецам. В вавилонских ешивах учили, что в 145-м псалме из-за него отняли место у буквы нун^[1]. Ведь с буквы нун начинается слово нафла («упала»). А в ешивах Земли Израиля стих Амоса читали, меняя порядок слов: «Упала, но не будет повержена более, встанет дева Израилева». На иврите это звучит так: «Кум бетулат Исраэль!» – «Дева Израилева встанет!» А на арамейском языке: «Талита, куми!» – «Встань, девочка!» Так что пробуждение девочки – знак, обещание Израилю, символ. Многие посылали такие знаки.

Встреча царя Соломона и царицы Савской. Фреска Пьеро делла Франческа. 1450–1460 годы. Базилика Сан-Франческо в Арреццо

Смысл сокрыт, спрятан как афикоман (кусочек мацы) в пасхальную ночь. Ведь афикоман в переводе с греческого значит «тот, кому надлежит прийти» (афикоменос). То есть мессия, помазанник. Но если ему все равно надлежит прийти, то зачем его искать? И если его много раз нашли, то почему он еще не пришел? Почему продолжает скрываться? В этой диалектике, безусловно, есть смысл, но она замедляет эссе, делает его тяжелым и вязким, как сердце фараона, ожесточенное Господом. Сколько ни отгадывай загадок, смысл отсутствует. Не хватает изюминки, или, наоборот, изюма слишком много. Когда-то мой первый редактор учил меня писать статьи. Как пирог с изюмом нельзя испечь из одного изюма, так статью нельзя сделать из одних мудреных толкований. И читатель

утомится, и автор заблудится. Предупреждение об этом есть в рассказе о четырех, вошедших в Пардес (Хагига, 14б), в словах рабби Акивы: «Когда вы ступите на плиты из чистого мрамора, не вздумайте воскликнуть: “Вода! Вода!”, ибо сказано: “...изрекающий ложь не устоит пред глазами Моими” (Теилим, 101:7)».

Пардес – персидское слово, означающее парк, сад, парадиз. По-гречески – парадейсос. В какой сад вошли четверо? По мнению большинства, они вошли в тайное, мистическое учение. По мнению же Генри Фишеля, одного из моих коллег, четверо вступили в «Сад Эпикура», как звалась философская школа эпикурейцев, и стали эпикурейцами, «философами сада». Не только Ахер, сбросивший с себя иго Торы, но и Бен-Зома, и Бен-Азай, и сам святой мученик рабби Акива! «Хас ве-халила, – скажем мы в ответ, – “Да не будет!”» Не всякий сад – «Сад Эпикура», не всякая философия – эпикурейство, а при входе в Пардес не было начертано: «Гость, тебе здесь будет хорошо, здесь удовольствие – высшее благо». При входе в Пардес звучали слова рабби Акивы: «Когда вы ступите на плиты из чистого мрамора, не вздумайте воскликнуть: “Вода! Вода!”, ибо сказано: “...изрекающий ложь не устоит пред глазами Моими” (Теилим, 101:7)».

Что имел в виду рабби Акива? Я думаю, что путь к пониманию этих слов пролегает через рассказ о царице Савской. Той самой, что пришла к царю Соломону испытать его загадками. По преданию царь принял ее, сидя в «хрустальном доме». Увидев царя в «хрустальном доме», царица решила, что он сидит в воде. Чтобы приблизиться, она подняла полы платья и обнажила волосатые ноги. Обескураженный царь заметил: «Красота твоя – красота женщины, а волосы – волосы мужчины. Что у мужчин красиво, то у женщин – изъян». Легко спутать с водой стекло, или прозрачный кристалл, или полированный мрамор, но поступающий так изрекает ложь. Истинно сущее он заменяет видимостью. Греки же называли видимость словом докса, означавшим также славу, а истину называли словом алетейя – «нескрытое».

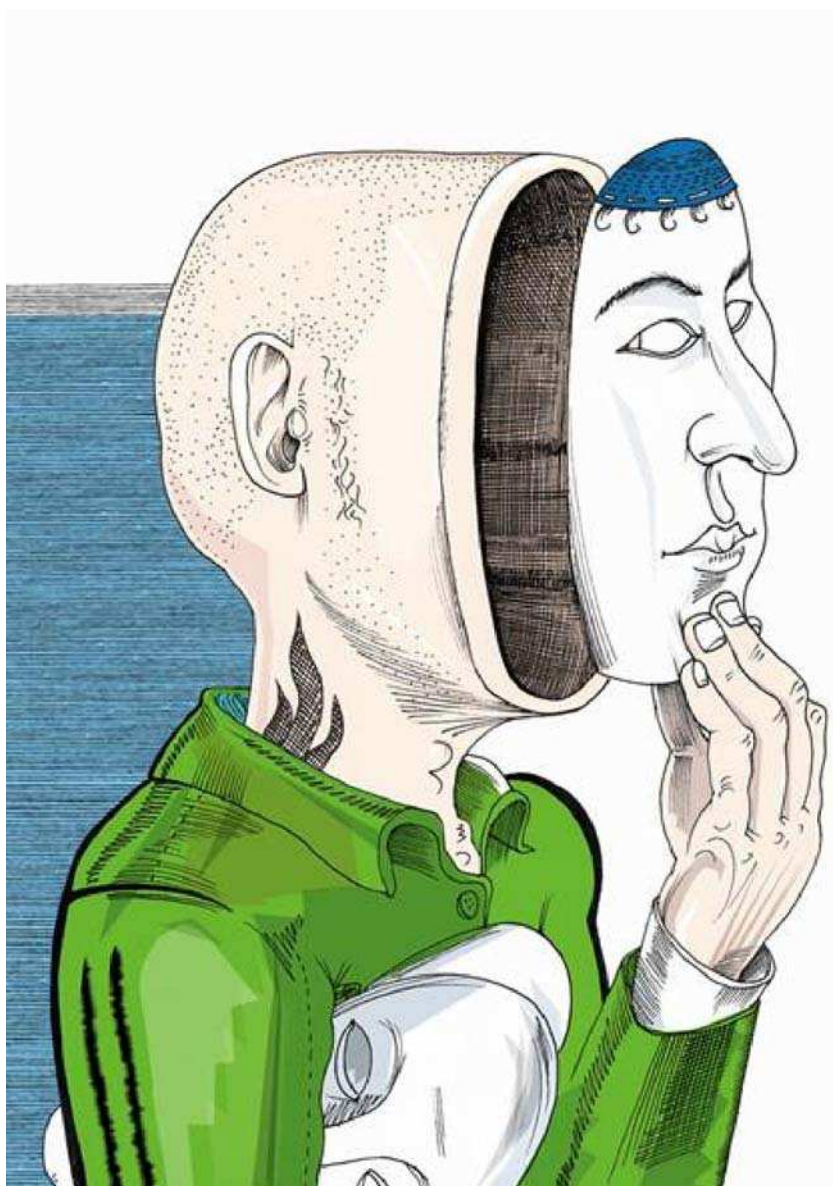
Поиск смысла изнуряет и затягивает. Исчезают из виду сказочные картины и бытовые пейзажи, хрустальные залы и постоялые дворы. Только символы путешествуют по сухой и горячей равнине смысла. Это невозможно вынести, если по ночам не вспоминать живую прохладную воду и дюны, если не повторять слова о «тихих долинах», которые «полны свежей мглой». Ведь дорога не пылит и скоро отдых.

[1] Стихи 145-го (в синодальном переводе – 144-го) псалма начинаются на все буквы алфавита – от «алеф» до «тав» – кроме буквы «нун».

ЯЙЦА КУРИЦУ НЕ УЧАТ

Аידען עײַ

В уездном городе N лидером молодежной еврейской общины стал бывший скинхед, входивший в группу славянских неоязычников. Называть город, подобно авторам кинокомедии «Кавказская пленница», не стану, чтобы «не обидеть» другие города, где подобное могло случиться или даже уже случилось, но пока не стало известно журналистам. Скандалы вокруг молодежных религиозных лидеров возникали и раньше и, видимо, будут продолжаться, потому что «молодежная политика» российских традиционных конфессий ничего другого породить не может.

Еврейский лидер, украшенный эсэсовскими татуировками и запечатленный в куртке со стилизованными свастиками или несущий флаг с «коловратом», – это, конечно, шокирует, но могу уверить читателей «Лехаима»: многие православные испытали схожие чувства, когда увидели в Интернете фотографии с разрекламированного телевидением

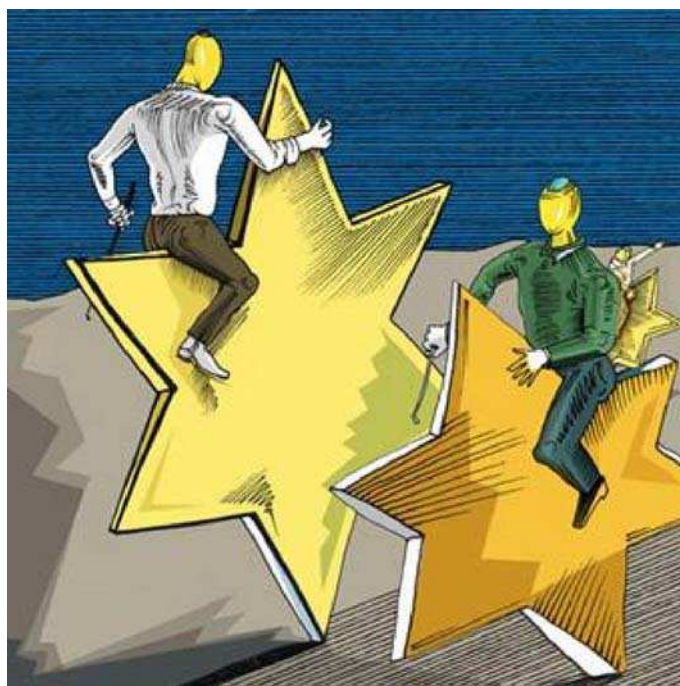
байкерского слета в Севастополе. «Православные» байкеры катали на своих мотоциклах, украшенных хоругвями, полуголых девушек.

Религии разные, а проблема одна. И корень тот же. Религиозные организации пытаются избавиться от ярлыка клубов стариков, который приклеила им атеистическая пропаганда. Молодежь в синагогах и храмах – зримое доказательство того, что вера жива, и общины справедливо претендуют на одну из ключевых ролей в жизни общества. Разумеется, кроме приземленных, откровенно политических целей, есть и безусловно высокая – проповедь своей веры, ее идеалов и норм поведения. И в самом обращении к молодежи ничего плохого нет. Более того, религиозные деятели обязаны нести ей свет веры. Вопрос в методах. В свое время поэт Игорь Губерман заметил: «Мне Маркса жаль: его наследство / свалилось в русскую купель; / здесь цель оправдывала средство / и средства обосрали цель».

Эти слова мне кажутся справедливыми не только в отношении марксизма, но и религиозной проповеди в России на протяжении последних 20 лет свободы вероисповедания. Возникает ощущение, что все эти годы религиозные деятели считали, что обращение людей к вере оправдывает любые средства. Это и постыдное сотрудничество с нечистоплотными предпринимателями, и соглашательство с властями в обмен на недвижимость, и другие преференции материального характера. Привлечение молодежи любой ценой стоит в том же ряду.

Религиозные деятели, особенно на местах, причем вне зависимости от конфессиональной принадлежности, сочли, что «с молодежью надо говорить на понятном ей языке». Естественно, язык лучше всего знает носитель. Отсюда вывод: нужны молодежные лидеры. В этом и заключается фундаментальная ошибка.

Давайте зададимся вопросом: зачем человек идет в синагогу или храм? Мне представляется: идет он туда за смыслом жизни, идет в поисках Всевышнего и идет к людям, обладающим необходимым знанием. Я могу согласиться, что к 20–25 годам человек вполне может изучить и хорошо знать порядок богослужения. Но для духовного руководства, для ответов на самые главные вопросы этого мало. Необходим опыт, как духовный, так и житейский. Авторитет нужен. Понимание своей ответственности. Но в таком возрасте ничего подобного у человека и быть не может. Просто мал он еще слишком, чтобы учить кого-то жизни. Более того, уверен, что мало-мальски серьезный молодой человек сам ужаснется от предложения такого «лидерства».

А вот юные прохвосты, карьеристы в самом плохом смысле слова, да еще и обнаружившие неспособность добиться успеха в других сферах – образовании, науке, экономике, охотно согласятся играть такую роль. Тут им и деньги, и почет. И связи: в президиумах заседают, с чиновниками встречаются, интервью журналистам дают. Собственно, именно такие и бегают в поисках вакансии «молодежного лидера». Им безразлично, где именно «лидерствовать». Лучше всего, конечно, в «комсомоле» при правящей партии. Но если там не получилось, есть еще несколько шутовских партий. Можно и в оппозиции себя попробовать. Но это небезопасно, да и не слишком перспективно. Прохиндеи быстро понимают и начинают искать место получше. Религиозные общины тоже вполне подойдут. Потому и в скандалах, возникающих вокруг них, есть лишь элемент экзотики, но никак не сенсации. Закономерный результат абсурдной попытки построить новый «комсомол». Но неужели настоящие религиозные лидеры, люди взрослые, умудренные жизнью, не понимают всей абсурдности своей затеи? Неужели они не осознают, что каждый подобный скандал вызывает в обществе отвращение к священнослужителям, делает их посмешищем, персонажами из анекдота: «И эти люди запрещают нам ковырять пальцем в носу?»

Вывод простой. Молодым открыты все дороги, но лидерство – это не начало пути, по меньшей мере, его кульминация, а скорее – финал.

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ?!

Мир с трудом осознает масштабы и суть терроризма

Ī àòâé Āáíáí îëüñèé

ДАЛЕКО НЕ КАВКАЗСКИЙ СЛЕД

Мартовские взрывы в московском метро привели российское общественное мнение к некоторому трезвлению. В «кавказских» взрывах окончательно определился далеко не кавказский след. След оказался исламистский, международный, наполненный идеологией уничтожения чужака и одухотворенный идеей самоуничтожения ради воцарения воинственной ветви ислама на земле.

Конечно, Москву все считают Европой, но вопрос в том, согласны ли с этим сторонники создания нового «панисламистского эмирата» – возможно, что «московский джамаат» нанесен на карту исламистов как их будущий форпост для «окончательного наступления на Запад».

От угрозы исламизации не застрахована ни одна страна: в Украине есть Крым с его проблемами, во Франции – огромная мусульманская община. То же в Англии. В Германии вроде бы спокойные светские турки, но кто знает, к чему в какой-то момент их призовет вновь появившийся местный радикальный имам.

Оказалось, кое-что гражданам уже известно: борьбе с феноменом современного исламского терроризма мешает многое: и «горизонтальность» структур боевиков – у них нет общего руководящего боевого или идеологического центра. Мешает своеобразие подхода к поставленной цели: каждый может трактовать ислам как хочет и ставить перед собой те цели, которые желает. Но при очевидных различиях всех фанатиков объединяет одно: они готовы взрывать всех и себя за свои идеи.

Тонкий знаток Кавказа Юлия Латынина приводит такой пример:

...Например, учение «Ат-Такфир валь-Хиджра», оно появилось в Египте как ответвление от «Братьев-мусульман», и замечательно оно тем, что пыталось убить Бен Ладена за недостаточную чистоту веры. Хотя именно Бен Ладен в 1998 году объявил джихад Америке. Можно по этому поводу прочитать фетву Бен Ладена, в которой он говорит, что, во-первых, «я считаю возможным убивать любого американца, который платит налоги». Во-вторых, «это не является преступлением», а преступлением является то, что делают американцы.

Они считают, что каждый человек, который не исполняет полностью все предписания ислама, т. е. не молится пять раз в день и так далее, является неверным, даже если он называет себя мусульманином; любой человек, который сотрудничает с государством, является неверным; любой мусульманин, который не исполняет первые два предписания, но не считает неисполняющих их неверными, тоже, в свою очередь, является неверным.

Это достаточно стандартный ваххабитский набор, то, что обычно считают сами ваххабиты.

Но есть «такфириты», они идут дальше. Они считают, что если в целях конспирации они живут среди неверных, то им как раз позволено нарушать все каноны. Т. е. тут можно носить любую одежду, тут можно не молиться, тут можно пить, курить, все ради блага Аллаха.

ВЗРЫВЫ «ОТ ВСЕЙ ДУШИ»

Особо важно, что подобное поведение – это не следование указаниям какой-то партии или начальника. Это идущее из глубин души следование религиозной идее, поэтому, как показывает история, оно неискоренимо. Именно те, кого во все времена считали фанатиками, пронесли сквозь пытки и казни идеи христианства и иудаизма. В результате христианство торжествует, а Израиль снова появился на карте мира.

Но фанатизм фанатизму рознь. Фанатизм как служение идее можно уважать, если идея созидательна и ее воплощение не связано с гуманитарными преступлениями. Все-таки мы живем в XXI веке.

Но в исламе все неявно, и если взглядеться, то обнаруживаешь парадоксы в том, что, казалось бы, давно знаешь.

Взять хотя бы Иран, который принято называть государством-изгоем за финансирование террористов и попытки создать ядерное оружие.

Совсем недавно всерьез обсуждалась тема «иракского варианта» – мгновенной оккупации Ирана и смены режима. Сторонники силового варианта объясняли, что у Тегерана плохо вооруженная 300-тысячная армия, которая, конечно же, не сможет противостоять западной коалиции, составленной из войск НАТО.

Однако, как мы видим, разговор о силовом варианте как-то затих, и неудивительно. Обнаружилось, что в Иране не одна армия, а две.

И вторая, которая составляет 360 тыс., – это армия «стражей исламской революции». Именно эта армия, подчиняющаяся духовному лидеру и одновременно главнокомандующему аятолле Хомейни, и есть главная. И вооружена она самым современным оружием, танками и авиацией.

Но и это не все. Поскольку «стражи» – это армия, защищающая не территорию, а идею, то у нее есть «резерв», готовый в считанные часы стать под ружье. И этого «резерва» у Ирана порядка миллиона человек.

Таким образом, вооруженная операция против Ирана – это столкновение с полуторамилионной, великолепно вооруженной армией, защищающей и свою территорию, и свою веру.

А президент Ахмадинежад, в которого мечутся громы и молнии за его бесконечные заявления об уничтожении Израиля и Запада, – так он не более чем кукла. Он не смеет сказать ни единого слова, не санкционированного аятоллой.

Мир стал постепенно понимать, что «исламистский проект» – это не только «борьба угнетенного пролетариата за свои экономические и гражданские права». Это проект по уничтожению «неправильной» цивилизации и замена ее на «правильную», исламистскую.

В свете этого начинается постепенный пересмотр методов, которые используются против террористов.

Он начинается с вопросов.

Неудача сначала советской, а потом и американской армий в Афганистане, фактический провал иракской кампании заставляет спросить: почему борьба с исламистами все усиливается, но исламистский фактор становится все сильнее. Взрывы звучат не только в России, а самолеты взрывают не только в США. Главные поставщики террора – это такие страны, как Сомали, Пакистан, Алжир, Египет. А пример Ирана, где внутри государства с выборной властью существует власть параллельная, и она более сильная, чем первая, – этот пример не единичен. Такой же феномен наблюдается, немного в измененном виде, и в Ливане.

БИЗНЕС НА КРОВИ

Если бы все исламисты были бескорыстными бомбистами, то взрывы звучали бы ежедневно на улицах всех европейских городов. Но смертников единицы, а за их спинами полчища «продюсеров» террора.

Часть из них учит в медресе, часть помогает организационно, а часть помогает деньгами, параллельно с финансированием покупки взрывчатки оплачивая обучение своего любимого сына в каком-нибудь Бостоне или Кембридже.

Но если с этими все ясно, то в деле финансирования террора есть и неожиданный источник, который помогает и деньгами, и идеологически. Это международная, надгосударственная бюрократия.

Не зря говорят, что реализовать какую-то инициативу непросто, но прекратить ее потом просто невозможно. Она обрастает исполнителями с большими зарплатами, вокруг нее появляются большие кабинеты. И каждый год апологеты этой инициативы выступают с международных трибун с пухлыми докладами, доказывая необходимость продолжения своей деятельности. И главное слово, на котором держится этот бизнес, – «беженцы».

Достаточно посмотреть на участие международной бюрократии в решении, например, ближневосточного конфликта, как приходишь к весьма неожиданным выводам. Все описанное ниже можно найти в открытой прессе.

Итак, ООН в 1949 году создала UNRWA (Организацию помощи палестинским беженцам). Тогда было 400 тыс. палестинских беженцев, которые после арабо-израильской войны убежали с территории, которая занята нынешним Израилем. Но было еще значительно больше, где-то до 800 тыс., еврейских беженцев, которые убежали с территории нынешней Палестины.

ООН начала помогать, естественно, только палестинским беженцам. Результат: еврейских беженцев нет, а тех, которых финансировали, по некоторым подсчетам, из 400 тыс. стало 4 млн. Что мы видим сегодня по телевизору?

Обустроенный Израиль и жуткие лагеря палестинцев. Сами беженцы превратились в рабов террористов. Вначале это была Организация освобождения Палестины, потом «Хамас».

Общий принцип рабства таков: ни ООП, ни «Хамас» не было нужно нормальное, процветающее общество. Нужно было запуганное население, которое ненавидит евреев. Население должно жить очень бедно, у него не должно быть работы, но должен быть долг – умереть вначале за Арафата, а потом за «Хамас» – только за это платят деньги.

Но откуда были деньги, которые платили? Все это непрерывно финансировалось ООН, дополнительно деньги давал СССР, давала Иордания и прочие соседи. Но иногда они не давали. А ООН давала всегда. На деньги международной бюрократии руководство фанатиков разработало новую стратегию и тактику.

Раньше все делалось для того, чтобы убить как можно больше евреев, а сегодня нужно, чтобы евреи убили как можно больше палестинцев и вызвали этим негодование прогрессивной общественности.

Для этого мастерские по изготовлению палестинских ракет, падающих на Израиль, располагают в школах, террористические центры размещают в госпиталях, обстрел ракетами ведется с крыш жилых домов. Когда Израиль отвечает вертолетным обстрелом или вводит танки, то палестинцы заявляют, что погибло много мирных жителей.

Особенно это касается ответных операций по устранению лидеров террористов. Каким-то невероятным образом, даже после того, как о предстоящей операции израильтяне предупреждают мирное население звонками по мобильным телефонам (бывает и такое), именно там, где бомбят, оказывается много мирных жителей, в том числе и детей.

Логика палестинцев проста: больше собственных жертв – больше криков об «израильской агрессии», следовательно, больше денег от международных организаций.

Наверное, пора задать вопрос: сколько это будет продолжаться?

Логика ООН проста: мы помогаем беженцам, а у вас, у политиков, идет подготовка мирного решения конфликта.

Прекрасно, если обе стороны приходят именно к такому решению. Но если палестинцы десятилетиями живут только на эти деньги, то зачем им что-то менять?

Разговоры о создании собственного палестинского государства и создание этого государства – две разные вещи. Свое государство – это, как минимум, создание рабочих мест, собственный бюджет и пополнение его своими силами, чего палестинцы категорически не хотят. Но больше всего «Хамас» не хочет, чтобы палестинские беженцы превратились в палестинских граждан.

Этого же не хотят чиновники ООН, распределяющие помощь, ибо исчезновение беженцев – это исчезновение высоких зарплат, многолетних контрактов и грядущих высоких пенсий.

НЕ ЗАБУДЕМ ВЗГЛЯНУТЬ В ЗЕРКАЛО

Это сделать обязательно надо, потому что исламисты – это только малая часть великого мусульманского мира, славного своей многовековой культурой и, фактически, рождением всех основных точных наук.

Считается, что основная цель фанатиков именно в том, чтобы вносить постоянный раскол между исламским миром и окружением. Для них не столько важно, сколько людей погибнет от их взрывов, сколько та ответная реакция, та «месть», которую будет демонстрировать пострадавшее государство в адрес живущих в нем мусульман. Все по опробованному палестинскому принципу «чем хуже, тем лучше».

Очень важно, что президент Дмитрий Медведев, сразу после московских терактов, резко предупредил о недопустимости каких-либо враждебных ответных выпадов в адрес мусульман России. И действительно, трудно себе представить что-то более деструктивное в стране, в которой проживают граждане 124 национальностей.

Однако вопрос внутренней толерантности в российском обществе стоит весьма остро. Позиция «Кавказ отпускать нельзя, но его нужно окружить колючей проволокой», к сожалению, главенствует.

Скинхеды, юные нацисты, многочисленные «патриоты», предлагающие «очистить Родину» от «кавказского засилья», нападения и убийства за «неславянский вид» – разве это не форма террора, только без происламистских выкриков и взрывов поясов шахида.

Можно с грустью констатировать, что значительная часть россиян просто не знает, что полное название их государства «Российская Федерация», что предусматривает существование в одном государственном образовании народов разных наций и религий.

Нетерпимость, злость, отсутствие дружелюбия и настороженность в адрес выходцев с Кавказа, конечно, можно оправдать тезисом «не мы первые начали», но ведь мы не смотрим волком на всех соседей в нашем доме, если нам не нравится только один из них.

Думается, что каждому россиянину, так или иначе, придется решить для себя очень важный внутренний, почти интимный вопрос: принимает ли он для себя идею «общего российского дома», новой реальности, в которой нет четких границ «оседлости» и где ты обязан, подчеркиваю, обязан принять правило, что все граждане твоей страны равны.

И когда многие в России мечтают о вступлении их страны в «единую Европу», нелишне вспомнить, что она прошла долгую мучительную школу терпимости. А как россиянин сейчас будет выглядеть в единой Европе? Думается, пока не очень...

Когда-то советская пропаганда критиковала США за их «ку-клукс-клан» и дискриминацию чернокожих. Америка поработала над собой: теперь у нее чернокожий президент, а чернокожее население наделено чуть ли не бо́льшими правами, чем их бывшие поработители. Готовы ли россияне к подобному образу жизни?

Наверное, пока нет, потому что, говоря о своей стране, они больше гордятся величием ее пространства, чем богатством национального состава.

Эту проблему не решат никакие президентские указы. Она решается только внутри человека, и пока что тут мало успехов.

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?

Вывод, к которому приходишь, тревожен и печален. Возможно, в 2010 году трудно себе представить, что все мы участники третьей мировой войны и что это война религиозная. Но это именно так.

Исламисты, совершающие теракты, и особенно их организаторы, люди отнюдь не бедные, с прекрасным европейским или американским образованием. Многие даже имеют паспорта той страны, которую взрывают.

Приехав маленьким ребенком с бедными родителями, проучившись в бесплатной школе и получив все бенефиты и стипендию в престижном университете, обретя работу адвоката или врача, «достойный гражданин» взрывает поезд и сам гибнет во взрыве как смертник. Это не борьба за независимость, не «народно-освободительное» движение советского толка, не война против рабства или порабощения. Это новая форма фашизма: ты должен быть уничтожен просто потому, что ты чужой и противоречишь моей идее устройства мира.

Конечно, мировому сообществу трудно подтвердить факт существования такой войны. Современные идеи толерантности и «общего дома», казалось бы, противоречат дремучести идеи воинствующего панисламизма. И можно представить, какой крик поднимут некоторые страны в ООН, если кто-то с ее трибуны наконец назовет вещи своими именами.

Но пора признать правду. Это именно религиозная война, потому что у исламистов нет одной страны, где они обитают. Они разных национальностей и с разных

континентов. Они взрывают не конкретные страны, а их демократические режимы и гуманитарные институты, потому что они «поддерживают неверных». Они не считают культурой достижения человечества последних тринадцати веков. И враг цивилизованного человечества сегодня – это не сам ислам, а безумные фанатики, спекулирующие на нем.

Сколько будет длиться эта война – неизвестно. Но уже понятно, что в ней не победить какой-то конкретной операцией и не закидать проблему деньгами. За большие деньги просто будет куплено больше взрывчатки. Ключ к решению проблемы может лежать исключительно внутри самого ислама. Только сами мусульмане могут найти способ остановить своих шахидов.

Поэтому, как ни странно, спрашивать надо не с конкретных «идеалистов-взрывателей» и даже не с их духовных наставников, а с лидеров стран, в которых процветают «духовные школы», где пропагандируются идеи террора. И эти лидеры не имеют права прикрываться общими разговорами об «исламской специфике», ибо идеология «освященного убийства», проповедуемая в их странах, не имеет права на существование.

И еще, наверное, пора вводить экономические санкции против этих стран и препятствовать бизнесу того, кто списывает налоги на «благотворительность террора». Цивилизованное человечество, конечно, толерантно. Но не думаю, что оно забыло, как следует защищать себя от варваров.

ВНИЗ С МОССАДЫ

Àèàèàí àð Èèè: ààèèè

Дорожные воспоминания, как правило, вызываются дорогой, вот и недавно в заснеженных дебрях Калужской области, – наверное, внутренне борясь с морозной тьмой, – я вдруг вспомнил, как мой приятель в 1991 году два семестра копил деньги на велосипед, в апреле купил его и в первые же выходные отправился из Реховота в Иерусалим.

К концу дня он выдохся на горных подступах к Святому городу и пристегнул на замочек своего ослика на первой встретившейся автобусной остановке. Сел на автобус и весело заночевал у друзей.

Утром он рассчитывал с новыми силами вертеть педалями, теперь под горку. Но не вышло: он нашел свой велосипед разбитым в пух и прах, – уж не знаю, чем его саперы подрывали.

Димка восклицал: «Ты представляешь, ни спицы, ни покрышки!...»

Слово за слово, и дальше припомнилось, как поначалу в ту зиму я был прикован к закату – не мог оторваться от него, вечерами путешествуя в облаках солнечного света, и на выходных никуда не ездил, оставаясь в Реховоте и в его окрестностях. Только с начала апреля я стал постигать одиннадцать климатических зон Святой земли.

В поездках в Негев, куда зачастил к родственникам, я постепенно смирился с монотонностью полупустынного пейзажа, до которого субтропические пейзажи нисходили, перелистываясь поворотами за широким панорамным окном «мерседеса»... Как вдруг мы сбили верблюда. Это было уже в темноте, и удар был страшен, будто по коробку с жуком (мною) внутри со всей силы щелкнули пальцем.

«Наше счастье, что мы в автобусе. Самое страшное для водителя легковой машины – это сбить верблюда, – объяснил мне сосед. – Капот подсекает ему ноги, и вся масса костей влетает в салон», – нервно хохотнул он, когда мы снова, после приезда полицейских, тронулись в путь.

Следующий раз на дороге, где верблюды охотятся на автомобилистов, я оказался пешком.

Идея была простой и смелой: выйти с иерусалимской Таханы мерказит пешком в сторону Мертвого моря и пройти вдоль всего его берега с севера на юг.

Хоть это и было другое направление, но вид дорога поначалу имела тот же: бедуинские верблюды горбом подражали холмам, показываясь на их вершинах иногда вместе с хозяином или хозяйкой – против солнца холмистый плоско-черный силуэт и столбец человеческой фигуры.

Погода стояла пасмурная, но теплая; верблюжьего цвета ландшафт развертывался обрывисто, – дорога все более углублялась в ущелистое ложе.

Шли мы довольно бодро, при приближении каждой следующей машины, прежде чем поднять руку, всматривались в номерной знак: если желтый или черный (наши!) – мы поднимали руку, если зеленый (а шли мы по восточным окраинам города), гордо отворачивались. Практически все водители-арабы считали своим долгом притормозить и шумно предложить свои услуги, которые мы вежливо отвергали.

На одном из перекрестков, заваленном пылевыми облаками, мы долго простояли на автобусной остановке, соревнуясь с солдатами. Водители, разумеется, чаще, чем нас, изъявляли желание подвезти служивых. Я не терял времени даром и разглядывал старика-бедуина, вместе со стоявшим подле длинномордым осликом, груженным горой сена. Старик кого-то ждал, и сморщенное его лицо в женственном обрамлении куфии не выражало ничего, кроме смиренного ожидания.

Еще через десяток километров нас согласились подбросить парни, на пикапе везшие обратно в кибуц нераспроданные остатки овощей, с которыми мы вскоре и перемешались в кузове. Мы уже были близко от Мертвого моря, и дорога решительно шла под уклон, долго и устрашающе спускаясь в самую глубокую на планете ложбину. От быстрого спуска у меня заложило уши, как при посадке в самолете.

На самом берегу мы оказались уже в абсолютной темноте. Близость моря обнаружилась по запаху. У каждого моря свой запах, обусловленный специфическим составом солей. Черное море пахнет белесой солью, оно сносно на вкус. Каспийское море, хоть и более пресное в целом, пахнет крепким сульфатом и йодом – и непереносимо горькое во рту. Мертвое море пахнет Мертвым морем. Лизнуть его капли потом я так и не решился.

Мы пошли живее, время от времени оборачиваясь на хлещущие по шоссе фары и поднимая им навстречу руки.

Вдруг из-за поворота взметнулся плотный конус света. Он то медленно прощупывал маслянистую поверхность моря, то поднимался вверх, серебристым тоннелем добывая до противоположного берега и облаков.

Мы были не в силах вообразить, что происходит. Вскоре обнаружилось, что световой конус раздается от диска прожектора, установленного на бронетранспортере. Машина двигалась медленно и упорно, толкая перед собой массу света.

Пограничники отнеслись к нам дружелюбно, но удивленно. Их командир связался по рации с патрульной машиной. Скоро примчался джип с мелкой сеткой вместо стекол, из него выскочили два солдата. Они составили в два яруса ящики на заднем сиденье и усадили нас на освободившееся место. Водитель оказался эфиопом, и – пока не заговорил, обнажив белые зубы, – в темноте мерещилось, что он без головы.

Нас забросили наверх к Кумрану, к месту, о котором я знал немного, в частности, что здесь в начале эры жила ессейская община.

Место для ночлега мы выбирали на ощупь и решили заснуть не на автобусной остановке... а в раскопе. Побродив в руинах, освещая себе путь с помощью зажигалки, мы перешагнули через оградку – музейную цепь, обернутую в бархат, – и разложили карематы. Защищенные остатками стен, мы легко перекусили и попробовали заснуть. Удалось нам это не сразу – лишь когда с западных склонов задул бриз, отогнавший комаров, очевидно, плодившихся внизу в сырых плавнях. Мой друг рассказал мне на ночь историю археологического открытия Кумрана – историю о бедуинской козе и мальчике, нашедшем ее в пещере, где обнаружили сосуды со священными свитками... Тем скорей нам хотелось заснуть, чтобы утром обозреть это удивительное место.

Всегда интересно проснуться в том месте, где накануне оказался в потемках. Но то, что я увидел на рассвете в Кумране, – поразило. Высокий иорданский берег и каменистые холмы, уходящие на юго-запад, составили невиданный пейзаж. Ущелистый ландшафт места будущей битвы Армагеддона предстал перед нами северным своим окончанием. По мере продвижения на юг пейзаж становился все более неземным.

На юг мы тронулись сначала пешком, затем вскоре нас подобрала машина, в которой находилась компания бородатых швейцарцев – они работали в некоей компании, занимавшейся геологоразведкой – поисками воды в районе Мертвого моря. Швейцарцы поставляли специальное оборудование для глубинного бурения. Части этого оборудования лежали здесь же в фургоне.

Высадили нас в Эйн-Геди, где мы искупались, с оторопью заходя в маслянисто-ртутные волны, рассмотрели пестрые компании отдыхающих на берегу и отправились в заповедник, где полазили по горам, рассмотрели руины древней обители и с удивлением обнаружили на склонах горных козлов и даманов, реликтовых травоядных животных, похожих на сусликов, ближайших родственников слонов.

После небольшого забега вверх к водопаду Давида, проваливаясь иногда по пояс в теплые лужи, которыми было полно частично пересохшее ложе реки, уже в темноте мы оказались у подножия Мосседы. На этот раз мы не экспериментировали, а заснули непосредственно на автобусной остановке. Время от времени мы просыпались оттого, что неподалеку от нас устроилась у костра молодежная компания, на иврите певшая песни под гитару, среди которых я по мелодии узнал «Темную ночь». Главное приключение нас ждало утром.

На Мосседу есть два пути: пешком по серпантинной тропке и на фуникулере. До начала работы музея вход бесплатный – из того расчета, что на выходе все предъявляют билетки и те, у кого их нет, оплачивают по шесть шекелей на человека.

Никогда еще так дорого мне не обходилась скупость! Одно оправдание: денег у нас оставалось только на автобус до Иерусалима, а нам еще предстояло добраться до Содома, и мы решили пойти в обход...

Вид с Моссады пригодился бы режиссерам для съемок прилунения космического корабля. Я не знаю еще места на земле, где бы человек ощущал себя настолько вынутым из контекста ландшафта и в то же время возвеличенным им. Там, над Моссадой, мне впервые пришла идея о возможной обратной связи человека и ландшафта.

Вообще, как сказал поэт, глаз – это открытая часть мозга, вынесенная на открытый воздух. Впечатленная сетчатка нема: зрение блокирует речь. Мало кто сможет признаться, что не испытывает интереса к пейзажу как к источнику красоты, величия, чувства вообще. Но еще меньше тех, кто способен ответить на вопрос: какова природа удовольствия, получаемого от такого иррационального занятия, как созерцание ландшафта. Ландшафт невозможно прочесть должным образом, не применяя естественнонаучных инструментов. Ландшафт – одна из самых интересных книг. К чтению нового ландшафта следует готовиться задолго, изучая весь ареал смыслов, в нем заложенных: культурно-исторических, геологических, географических и т. д. Только запасшись научной «партитурой», следует слушать симфонию ландшафта... Почему одушевленному взгляду свойственно необъяснимое наслаждение пейзажем? Ведь наслаждение зрительного нерва созерцанием человеческого тела вполне объяснимо простыми сущностями. В то время как в сверхъестественном для разума удовольствии от наблюдения ландшафта если что-то и понятно, так только то, что в действе этом кроется природа искусства, чей признак – бескорыстность, чья задача – возвращение строя души, развитие ее взаимностью...

С Моссады мы спускались по западному склону, и спуск этот занял четыре часа. На автобусной остановке мы обнаружили, что у нас дрожат колени, а количество выпитой залпом минеральной воды превысило два литра.

По воспоминаниям о том путешествии было написано стихотворение в прозе, вот оно: «Берег Мертвого моря. Мы спускаемся к югу и взбираемся на заветный пригорок, где искрящийся столб: жена Лота. Во сне говорит рабби Беньямин: “Хотя протекающие мимо стада и облизывают этот столб, но соль вновь нарастает до прежней формы”. Я встаю на четвереньки, и язык мой немеет ослепительной белизной, прощеньем... И вот пробуждение. Ржавый баркас. На палубе мне надевают колпак водолаза. Поднимают лебедкой за шиворот и спускают за борт – в плавку соляных копей. Я шагаю по дну. Но на середине настает дыхание яви».

Явь настала, и вновь морозная тьма залила лобовое стекло, и заелозили, сметая встречный снег, «дворники», но я уже внутренне был в безопасности, ибо сильный солнечный свет, захваченный с вершины Моссады, согревал меня и сегодня.

ПЕТР АВЕН: «ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ УСЛОВИЙ ЛИЧНОГО УСПЕХА – ТРЕЗВАЯ САМООЦЕНКА»

Беседу ведет Александр Иличевский

Прежде чем встретиться с президентом «Альфа-банка» и соратником Егора Гайдара Петром Авеном, я прочитал несколько его интервью и заметил: так или иначе, собеседников Авена интересует вопрос о становлении и использовании его капитала. Создавалось впечатление, что придется общаться с человеком, отчужденным от мира обывденного и отстраненным от общезначимых проблем. Однако, побеседовав с Петром Авеном, я убедился, что он необычайно включен в проблемы современного общества и контекст новейшей истории. Мой собеседник оказался убежденным агностиком, озабоченным воспитанием своих детей, необыкновенно быстро и точно мыслящим, увлеченным человеком.

– Вы учились в физико-математической школе № 2. У вас хорошие воспоминания о ней?

– Школьные воспоминания у меня не просто хорошие, 2-я школа для меня – главное событие в жизни. Все жизненные ценности я воспринял там, и выбор профессии был осуществлен там же. Ничего похожего в жизни больше не было ни по атмосфере, ни по импульсу – читать, учиться. Я окончил школу в 1972 году, и в том же году 2-я школа де-факто прекратила свое существование – ее разогнали. Именно тогда это и случилось – в мой выпускной год. То есть я учился в ней в ее лучшие годы, и я поступил в тот один

год из двух, когда набирали детей с шестого класса. Потом стали набирать позже – с седьмого. А я учился с шестого, в школу попал совсем маленьким и провел в ней пять лет жизни, захватил весь спектр ее существования. С начала 1970-х происходили массовые отъезды за границу, в связи с чем начались атаки на школу.

– **Школа была разогнана после какого-то конкретного события?**

– Ее разогнали из-за отъездов. После того как ежегодно часть учеников стала уезжать за границу вместе со своими семьями, когда началась массовая эмиграция, школа оказалась под ударом. В 1971 году сняли директора школы Владимира Федоровича Овчинникова, а в 1972 году закрыли ее окончательно, фактически выгнали всех учителей. Произошла полная чистка: формально школа осталась, но учителей полностью «вычистили», прислали других и так далее. Я думаю, главная причина закрытия школы состояла в общем изменении политической ситуации в СССР. Наши крупнейшие учителя все уехали: математик Израиль Хаимович Сивашинский – в Израиль, уехал и Герман Наумович Фейн, словесник, мой учитель литературы Феликс Александрович Раскольников уехал в Америку...

– **2-я школа была чрезвычайно высококонкурентной...**

– В ваше время – поскольку вы моложе – такой огромной дистанции между 2-й школой и всеми остальными не было. В мое же время это была совершенно особая жизнь, в Москве была только одна такая школа. Как еще одно серьезное учебное заведение мы рассматривали 18-й физико-математический интернат – мы с ними конкурировали. Но мы были москвичи, а они нет. В Москве мы даже не видели, с кем еще можно было бы конкурировать. 57-я школа еще не начала работу в полную мощность, так что между нами и всеми остальными была огромная дистанция.

– **Можно сказать, что это была еврейская школа?**

– По составу учителей и учеников – да, во многом это была еврейская школа. Евреев там было существенно больше, чем везде. Хотя в процентном выражении, я думаю, евреев среди учеников было процентов двадцать. Не думаю, что больше. Но двадцать процентов для московской школы – это чрезвычайно много. Я думаю, процентов тридцать евреев было и среди учителей. На стенах школы окрестные хулиганы писали: «еврейская школа», рисовали шестиконечные звезды. Из соседнего ПТУ приезжали бить детей нашей школы, все это было... Я помню все о школе, помню всех учителей, помню спецсеминары. У нас были курсы, которые читали университетские профессора, являвшиеся родителями наших учеников, среди них были серьезные физики и математики. Когда я пришел, в школе преподавал Израиль Моисеевич Гельфанд, крупнейшая фигура в математическом образовании, преподавал Евгений Борисович Дынкин. 18-й интернат был связан с именем Андрея Николаевича Колмогорова, а у нас в школе были Гельфанд и Дынкин. Курс специальной теории относительности читал Анатолий Моисеевич Бродский, потом уехавший, сын которого учился со мной в классе. Еще читал у нас физфаковский профессор Сталий Андреевич Лосев, а из гуманитариев преподавал Виктор Исаакович Камянов, крупный литературный критик.

– **Школа сформировала ваш выбор профессии и вы поступили на экономический факультет МГУ. Чем пришлось заниматься там?**

– В аспирантуре я занимался проблемами обработки больших массивов экономической информации. Такая математика называется функциональным

шкалированием и идеологически близка факторному анализу и многомерному шкалированию. Суть в том, чтобы, исходя из огромной матрицы данных, построить некоторое количество индикаторов, которые с той или иной степенью точности описывают существенные характеристики изучаемого сложного объекта. Я писал диссертацию по этой проблематике в Институте проблем управления АН СССР у Ильи Борисовича Мучника, крупного прикладного математика, который сейчас живет в США. В этом институте, кстати, работал мой отец, он руководил Лабораторией автоматизированных систем управления.

– **Роль естественнонаучного образования в вашей жизни доминирующая. Вы как-то подпитываете себя в этом отношении?**

– Я много читаю по экономике, но математикой, конечно, уже не занимаюсь. Более того, когда заглядываю в книгу «Функциональное шкалирование», которую я написал вместе с Мучником и Сашей Ослоном, известным сейчас социологом, я не вполне понимаю, о чем там речь. Книга эта вышла в 1980 году и частично содержит мою диссертацию.

– **Каковы ваши еврейские корни?**

– Моя мама еврейка, папа – не еврей. Реально меня воспитывали два человека: отец, который совсем не еврей, наполовину латыш, наполовину русский, а по сути – из русской семьи, и бабушка, которая была совсем еврейкой по своей внутренней структуре...

– **Ваша бабушка знала идиш?**

– До 15 лет она почти не говорила по-русски...

– **А откуда была семья, каковы ее корни?**

– Я знаю это достаточно глубоко, потому что специально занимался этим вопросом. Бабушка была из местечка в западной части черты оседлости – Кадино, тогда это была Могилевская губерния, сейчас Смоленская область, Монастырщинский район. А дед у меня изначально был из Березино, потом они переехали в Лодзь и после погромов 1905 года – в Москву. Бабушка до 15 лет по-русски не говорила, но благодаря стандартной советской биографии для девушки из бедной еврейской семьи – рабфак, институт – не только хорошо выучила русский язык, но и стала инженером-химиком. В 1937 году ее арестовали, и 20 лет она провела в лагерях и ссылках – за деда, которого расстреляли. Но при этом бабушка осталась твердокаменным коммунистом и таковым оставалась до последнего дня. Она совсем не приветствовала еврейскую тему, была против отъездов в Израиль. Но по своей структуре, по системе воспитания, по отношению к жизни она была абсолютной еврейкой. При этом семья была, мягко говоря, не религиозной. Более того, у меня по русской линии в роду имеются православные священники, тетка моей русской бабушки ходила на заутреню до самой смерти... Моя мама, которой сейчас почти 85 лет, была в синагоге два раза в жизни.

– **А сами вы принципиально секулярный человек или когда-нибудь в вашей жизни были этапы сближения с той или иной религиозной традицией?**

– Я абсолютный агностик. Хотя у меня очень много верующих друзей, в том числе раввинов. У меня очень добрые отношения с Пинхасом Гольдшмидтом, раввином

Большой хоральной синагоги Москвы. Но я сам, конечно, от религиозности весьма далек. Более того, ратую за возможность нерелигиозной национальной идентичности. Так, мы с партнерами создали фонд «Genesis» для поддержки нерелигиозной еврейской идентичности. В течение столетий национальная идентичность была связана с религиозной, и не только у евреев, но сейчас это уже не вполне так. Пример моей семьи как раз об этом и свидетельствует. Бабушка, после того как ей исполнилось 15 лет, больше никогда в жизни не была в синагоге, но от этого не перестала быть еврейкой.

– Как вы относитесь к введению в школе предметов по религиозному образованию?

– Я плохо отношусь к тому, что они навязываются. Если ребенок хочет изучать, это собственное дело его и его родителей. Но заставлять учиться совершенно невозможно, особенно подпихивать какую-либо религию. Если кто-то хочет ходить в воскресную школу или после занятий заниматься каким-либо факультативом на религиозную тему – пожалуйста. Мои собственные дети учатся в католической школе в Англии. У них там нет религиозного образования в нашем понимании, там это называется religious studies: им, скорее, трактуют Библию в историческом контексте. То есть с точки зрения культурологии я ничего против не имею, когда религиозное образование осуществляется выбором ребенка и родителей. Более того, считаю, что, не читав Торы, трудно жить.

– Как вы считаете, может ли публичный деятель в России позиционировать себя как еврей?

– Да, я считаю, может. Более того, сейчас в Украине мы видим, что это не мешает людям становиться губернаторами. Вообще, большая легенда, что это могло бы сильно помешать кому бы то ни было. В случае с Арсением Яценюком ему помешало только то, что он стал от еврейства упорно отказываться. Я не считаю, что если сейчас человек заявляет о себе, что он еврей, то это лишает его политических перспектив. Ну, наверное, есть пещерные антисемиты в какой-то части общества, но это далеко не повсеместное явление. На Западе антисемитизма не меньше, чем в России, тем не менее еврей там спокойно может сделать политическую карьеру. И разве все эти разговоры о том, что у Кириенко папа еврей, помешали Кириенко? Нет. Это может быть важно, но не так важно, как считают некоторые.

– Вы резко отрицательно относитесь к коммунистической идее. Но если говорить о гипотетической ситуации царства Б-жьего на земле, об идее справедливо устроенного общества, как вы его себе представляете?

– Я считаю, что идея справедливо устроенного общества – это идея временная. Есть большая экономическая литература о том, что каждый технологический уклад имеет свою форму оптимального общественно-государственного устройства. Так как я агностик, мне кажется, что одна из полезных идей агностического сознания – это умение думать о том, о чем можно думать, и не думать о том, о чем думать бессмысленно. На сегодня я считаю, что западный, англо-саксонский капитализм, который мы наблюдаем, – это наиболее оптимальное устройство общества сейчас. Что будет, когда произойдет конец света и наступит всеобщее изобилие, как тогда будет устроена жизнь, я не знаю. Я противник коммунистической идеи, но не стал бы спорить с тем, что в ней есть некоторый смысл. Думаю, во многих идеях было что-то разумное. Другое дело, что людей, которые эти идеи пропагандировали и воплощали, преследовала отчетливая неувязка их с реальностью.

– **Как известно, либералы в молодости к сорока годам становятся чуткими консерваторами. Как вы себя ощущаете сейчас? Какую эволюцию претерпели ваши взгляды?**

– Мои взгляды не менялись с 16 лет. Я никогда не был левым, всегда крайне отрицательно относился к левым, ужасно плохо относился к Троцкому и Че Геваре, всю жизнь ненавидел чегеваристов, троцкистов, новых левых – и никак не изменил с тех пор свою точку зрения.

– **Как часто вы бываете в Израиле? Испытываете ли вы на себе поляризацию тамошней политической жизни?**

– В Израиле я бываю часто, в ближайшее время также планирую быть там, вместе с женой и детьми... А в ситуации с палестино-израильским конфликтом я, конечно, ближе к правым, чем к левым. Правые более реалистично смотрят на ситуацию в стране, чем левые. Правые всегда более реалистичны.

– **Насколько осмысленной вам кажется бизнес-идея частного университета?**

– Очень осмысленной. Образование сейчас у нас во многом разрушено, но, я думаю, какие-то ростки все-таки возникают. Я активно участвую в жизни Российской экономической школы, которая, кстати, тесно связана с Московским физико-техническим институтом. Председатель Совета попечителей там – Максим Бойко, выпускник МФТИ, который потом стал заниматься экономикой. По сути дела, это частная школа, которая существует на деньги спонсоров. Школа эта дает хорошее экономическое образование, на уровне степени Masters Of Science. После ее окончания ребята уезжают для получения дальнейших степеней в любые западные университеты – в Принстон, Гарвард, Йель, куда угодно. Но школа при этом совсем небольшая, дает несколько десятков выпускников в год.

– **Обидно, что они уезжают.**

– Но кто-то потом может вернуться. Кстати, там и персонал, почти весь получивший западное образование. Ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев тоже окончил МФТИ, причем с отличием. Там работают способные и умные люди. И вот это как раз, мне кажется, и есть прообраз нормального образования. Это тяжелое дело, однако со временем что-то может сформироваться.

– **Но ситуация с высшим образованием вообще сложная, можно сказать, нелинейная. Нужно ведь еще, чтобы профессия была окупаема...**

– Да, это правда. Я думаю, ситуация еще будет меняться от профессии к профессии. Я, например, не исключаю, что появится хорошее частное медицинское образование. Потому что то состояние, в котором находится наша медицина, и уровень врачей никуда не годятся. Так долго длиться не может, потому что появится частный медицинский бизнес. Поскольку мы занимаемся страхованием, мы следим за состоянием медицины: в стране реально нет медицинского бизнеса. Этот бизнес точно появится, потому что появляется спрос. А если появится медицина, то наверняка появится медицинское образование.

– **Насколько развита у нас в стране культура благотворительности?**

– Мы не обнаружим наше участие в благотворительности, но, поверьте, что мы (я говорю об «Альфа-групп») достаточно крупные благотворители, и мы – не исключение. Я думаю, реальные объемы благотворительности в России большие. И если сравнивать их с объемами богатств – все-таки мы намного беднее американцев – я считаю, что объем благотворительности в России немаленький.

– **Достаточно ли правительство стимулирует рост благотворительности?**

– Оно никак не стимулирует, но дело не в правительстве. Я думаю, вопрос благотворительности – это не проблема правительства, не проблема налогов, а проблема ментальности. А ментальность меняется и будет меняться дальше. И то, что мы слышим от Потанина, и от других моих хороших знакомых, – что они тратят личные деньги на благотворительность, – не редкость.

– **В одном из интервью вы сказали, что хотели бы стать автором текста, который был бы интересен сам по себе. Значит ли это, что однажды мы сможем стать читателями вашей книги?**

– Я в своей жизни написал несколько популярных текстов, которые, кажется, были кому-то интересны. Например, сейчас перечитал свою статью, опубликованную в «Коммерсанте» в 1998 году, о либеральных реформах. После смерти Гайдара все заново осмысливается, что именно тогда делалось... Я уже столько на эту тему наговорил... Более того, сейчас мы с Альфредом Кохом вдвоем, в качестве журналистов, делаем книгу, где беседуем с участниками событий и провоцируем их на честные высказывания о времени Гайдара. Я был внутри событий, поэтому каждому могу задать провокационный вопрос. Потом из этого мы сделаем книгу, которая, скорей всего, будет называться «Егор».

– **В самых общих чертах, скажите, у Гайдара был выбор, который он осуществил, или у него не было выбора?**

– У него было очень узкое окно возможностей. Коридор у него, конечно, какой-то был, но он не был широким.

– **Кроме этого проекта есть еще планы?**

– Я бы хотел заниматься экономической публицистикой. Другое дело, что у нас нет издания, где можно было бы публиковаться. У нас нет серьезной публицистики: ее никто не читает, нет на нее спроса, и это касается не только экономики. Нет издания уровня, скажем, «The New Yorker». Мне предлагали писать в разные издания, включая западные, и самые хорошие. Но этим надо заниматься серьезно, кроме того, всегда надо видеть аудиторию. Писать в «Financial Times» – но для кого? Английская аудитория меня не очень занимает. А здесь писать негде и почти не для кого.

– **Это можно считать вашей оценкой современного состояния российских СМИ?**

– Безусловно. И общества, которому это мало интересно. В связи с этим я вспоминаю... Когда мы пришли с Гайдаром в правительство, мы проводили совещания со старыми чиновниками. Они считали нас идиотами, наши принципы в их сознании просто не укладывались. Свободные цены, отсутствие госплана, свободная внешняя торговля... И

вот когда перед тобой сидят 15 человек, которые все старше тебя на 20 лет, и смотрят на тебя, как на идиота, то ты вдруг думаешь про себя: а вдруг ты и вправду идиот?.. Такова сейчас у нас аудитория. В Интернете я наблюдаю фантастическую агрессию, совершенно невероятную. Есть и вторая вещь... Мне действительно было бы интересно написать правду о том, как и что происходило. Но пока правда – это такая вещь, которая многих обижает. Это должно успеть отстояться. Например, про 1991 год только сейчас можно начинать говорить. А про то, что происходило позже, – еще рано.

– **Можно предполагать, что спустя какое-то время появится ваше собственное свидетельство о новейшей истории страны?**

– Уже сейчас на сайте «Форбса» висят несколько интервью из серии «Реформаторы приходят к власти», в том числе и мое, их брал Владимир Федорин. То, что сейчас мы придумали с Кохом, будет появляться в журнале «Медведь». Это ужасно интересно: слушаешь двух разных людей, и они говорят об одном и том же событии совершенно по-разному, хотя тогда находились в одной комнате...

– **Известно, что вы собираете систематическую коллекцию живописи. У вас теперь уже есть Фальк, о котором вы мечтали в юности?**

– У меня есть две фундаментальные вещи Фалька. История одной из них следующая. Я учился в классе с Вовой Лидским, сыном Виктора Борисовича Лидского, известнейшего профессора Физтеха. А мама Вовы и первая жена Виктора Борисовича – дочь Нейгауза. У них в доме были картины и книги, в том числе с автографами Пастернака... Лет пять назад мне позвонила мама Володи Лидского, Милица Генриховна Нейгауз, к сожалению недавно ушедшая из жизни, и сказала: «Я хотела сдать в музей картину. Но мне объяснили, что она стоит много денег. А ты можешь ее купить. Приезжай и посмотри». Я поехал. Там висел 1911 года Фальк, замечательный, подаренный Фальком Нейгаузам. Он висел в этой квартире на одном и том же гвозде начиная с 1930 года.

– **А какие еще у вас интересы в коллекционировании?**

– Помимо Серебряного века я начал собирать советскую живопись. Точней, пытаюсь ее собирать, это трудно, поскольку вся она в музеях. У меня есть Дейнека, Самохвалов... А еще у меня есть серьезная коллекция советского агитационного фарфора – 1920–1930-е годы. В живописи у меня очень широкий спектр интересов – от «мирискусников» до авангардистов: «Голубая роза», «Бубновый валет» и так далее.

– **Вы лично занимаетесь своей коллекцией или поручаете это специалистам?**

– Один из советов моей еврейской бабушки: «Никогда никому не доверяй». Поэтому я всем занимаюсь сам, глубоко изучаю вопрос, если необходимо принимать решение, иногда только советуюсь по ценам. Но что покупать и что не покупать, я решал всегда сам.

– **Что еще, помимо вашей коллекции, составляет предмет вашего глубокого личного интереса?**

– Дети. Помимо заботы об их образовании я уделяю им много времени, беседую с ними о фундаментальных вопросах мироустройства. И мне хотелось бы, чтобы основной набор ценностей, включая глубокий антикоммунизм, они от меня переняли.

– **Вы мыслите их будущее в России?**

– Это им решать. Где они будут жить и какая у них будет профессия – это их собственный выбор. Мне кажется, вот точно так же, как 2-я школа... Школа дала мне основные ценностные установки. Она не сделала из меня математика, более того, если бы я во 2-ю школу не пошел, я бы, наверное, стал математиком. 2-я школа научила меня учиться, но именно в ее стенах я понял, что мне не надо становиться математиком. Я видел рядом детей, которые были существенно меня математически одареннее. Во 2-й школе было некоторое количество людей, может быть, три-пять человек, которые были просто из другой лиги одаренности. Если бы я не пошел во 2-ю школу, я бы определенно поступил на мехмат или в Физтех, а школа показала мне, что делать этого не надо, она дала возможность получить трезвый взгляд на самого себя. Вот это я и стараюсь передать своим детям. Взгляд на себя, на мир, твердую самооценку. Мне кажется, одно из важнейших условий личного успеха – трезвая самооценка. 2-я школа исключительно жестко ее формировала.

– **Но если такая закалка происходит с человеком на каком-то жизненном этапе, то это должен быть положительный опыт...**

– С точки зрения педагогики – сложный вопрос. Для людей несильных это не очень полезный опыт. Многие люди ломаются навсегда, считают, что они ребята второго сорта... Это однозначно хороший опыт для людей, которые готовы жить с такой самооценкой и иметь трезвый взгляд на мир. Во 2-й школе многие сломались. У нас был блестящий класс, по успеваемости очень сильный. Из 25 окончивших в МГУ поступили 22 человека. Из них половина – на мехмат. Но при этом очень мало кто из класса достиг серьезного в жизни. И во многом именно потому, что школа очень ломала психологически. Что интересно, после школы мы не собирались вместе ни разу. У нас была атмосфера жесткой, тяжелой конкуренции. Поэтому своих детей во 2-ю школу я бы, наверное, отдал, только если бы убедился, что они, как я, спокойно отнесутся к жесткой самооценке. Ну, девочку точно не отдал бы. Хотя, с другой стороны, девочки легко мирились с тем, что они не лучшие, им это было не столь важно... Я действительно много думал об этом и пришел к выводу, что отдавать детей с раннего детства в очень жесткую конкурентную среду – палка о двух концах. Для кого-то – плюс, для кого-то – минус.

– **Вы много читаете?**

– Для людей, которые занимаются бизнесом, видимо, много. Читаю все, что угодно, и список премии «Большая книга» прочитываю весь. Притом я не могу бросить книгу, которую начал читать. В своей жизни я не дочитал только «Улисса». Мне было тогда лет восемнадцать, и с тех пор я не стал больше пробовать... Так что это был единственный раз в жизни, когда я сдался – на Джойсе. Правда, некоторые современные книги приходится читать по диагонали.

– **А ваши вкусы как-то совпадали с результатами голосования по «Большой книге»?**

– Корреляция, безусловно, есть, но не стопроцентная. Я считаю, что лучшая книга последнего пятилетия из мною прочитанных – это книга Александра Кабакова «Все поправимо». Однако, как мы знаем, «Все поправимо» не получила первую премию. В минувшем году первую премию я бы дал «Каменному мосту». Хотя автор ее – левый совсем, но книга талантливая. За последние несколько лет единственная великая книга, которую я прочел, – это роман Петера Эстерхази «Небесная гармония». Думаю, Эстерхази

скоро получит Нобелевскую премию. Это действительно большая литература, когда наслаждаешься не только смыслами, но и самим текстом.

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ: ВЕЛИКИЙ ДОЛЖНИК МЕЧТЫ

На четыре вопроса отвечают: Татьяна Карасова, Александр Локшин, Анна
Симонова, Алек Эпштейн

Àáíááó ááááò Áóáí áíéé Í àí ááíá

Как проявляются Мечты, где проходит грань между грезой и реальностью, что это за абстрактный мир Идей и Архетипов, с помощью которого возводятся разрушенные города и оживают поруганные народы? Согласно утверждениям мудрецов, Мечты не являются творением человека, но предшествуют ему. Человек не ловец Мечты, но заложник ее и вечный должник. Какой же астрономический долг висит над мечтающим освободить свой народ, вернуть ему родину?! Известный венгерский публицист и политолог Иштван Бибо писал: «Для того чтобы физически уничтожить или выселить какую-либо нацию; для того чтобы нация почувствовала себя в опасности, достаточно выразить с должной силой и настойчивостью сомнение в том, что она существует». Сомнение в существовании еврейского народа «с должной силой» пытались выразить многие юдофобы. Именно их образцово-показательное сомнение в существовании еврейского народа стало поворотной точкой в жизни Великого Мечтателя, австрийского писателя еврейского происхождения, провозвестника Государства Израиль Теодора (Биньямина Зеэва) Герцля, чье 150-летие отмечается всеми, для кого слово «сионизм» не исчезло в ореоле бессильных стенаний мечтателей-утопистов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕВРЕЙСТВУ

– Ощущал ли себя Герцль тем самым человеком, которому суждено осуществить пророчество Зхарьи о возвращении народа Израиля на Землю обетованную? Насколько важна для него была религиозная составляющая этого процесса?

– Герцлю не была присуща каноническая религиозность. Он не был соблюдающим евреем. Однако он обладал глубоким чувством еврейского самосознания. Герцль подчеркивал, что сионизм – это возвращение к еврейству. Его обычно сравнивают с Моше, который вывел евреев из изгнания и привел на Землю обетованную, но сам не смог туда войти.

– Сведущие люди предупреждали меня, что о Теодоре Герцле в мире написаны десятки книг, а в России совершенно ничего, за исключением кургузых статей, но, судя по тому, что выложено на русском о Герцле в Интернете, предупреждавшие меня были не совсем правы, впрочем, я могу и ошибаться. Что думаете по этому поводу вы?

– Наследие Герцля у нас в настоящее время довольно серьезно изучается. Отношение к его концепции, которая получила название «классический сионизм», еще до образования Государства Израиль вызвало ожесточенные споры среди его последователей. Вспомним хотя бы острые разногласия между ревизионистами Жаботинского и последователями общего сионизма. Уже в настоящее время новые историки пытаются трактовать идеи Герцля в духе постсионизма. Российские специалисты, занимающиеся историей и современным развитием Израиля, не могут обойти своим вниманием жизнь и деятельность Герцля. Как раз недавно анализу его идейного наследия была посвящена специальная секция Международной конференции по иудаике «Сэфер», проходившей в Москве в начале февраля сего года.

ПОТРЕБНОСТЬ ВСЕГО МИРА

Ἀεὶ ἀγαπᾷ ἅδ' Ἐἰς ὅσους, πῶς ἀποδέε ἰσό: ἰὺ ἐ πῶς ἀγαπᾷ ἐε Ἐἰ πῶς ὁσῶν

ἀπὸ ἰεῖ ἀγαπᾷ ἐϋ ΔΑΪ, ἀγαπᾷ ὁ Ἰ Ἀῶ ἐἰ . Ἰ . Ἀ . Ἐἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ

– Вписывается ли в контекст идеологии национально-освободительного движения книга Теодора Герцля «Еврейское государство» или это, по сути, одна из разновидностей колониалистского проекта, как и само сионистское движение, к которым их фактически приравнивают «новые историки» в Израиле?

– Решение еврейского вопроса так, как его предложил Герцль в своем знаменитом памфлете, – путем создания еврейского государства в Палестине – имело революционный характер. При желании можно интерпретировать сионистский проект и как колониальный. Даже если на минуточку представить, что это так, нельзя забывать, что и колониализм сделал немало хорошего для тех стран, которые он поработил: распространение культуры, образования, приобщение к медицине и так далее. Но у евреев не было метрополии, и Герцль не предлагал, чтобы «евреи-колонизаторы» грабили нищую тогда Палестину и вывозили оттуда в Европу «несметные богатства». Напротив, он писал о быстром заселении евреями Палестины, где они выступят прежде всего в роли культуртрегеров, неся европейскую культуру на Восток. Конечно, Герцль был человеком своего времени. И в его книге отразились реалии той эпохи. По сути, он создал проект либеральной утопии, надеясь реализовать в Палестине именно тот проект, который терпел крах в ту пору в Европе, а именно либерально-социальное государство.

– С чем связано, что идея Герцля о создании еврейского государства была практически безоговорочно поддержана в основном евреями-выходцами из Восточной Европы?

– Среди первых лидеров сионистского движения были прежде всего западноевропейские евреи. В начальный период развития сионистского движения они во многом задавали тон: Израэль Зангвил, Давид Вольфсон, Макс Боденхеймер и многие другие. Действительно, в Российской империи, особенно после кишиневского погрома, положение евреев стало столь драматическим, что оно во многом определяло поддержку сионизма – как идеологии, так и практики. В народной среде Герцль воспринимался как подлинный защитник еврейского народа. Не случайно в анкете, которую распространял известный этнограф Шимон Ан-ский среди евреев Подолии и Волыни накануне первой мировой войны, был вопрос, считают ли его респонденты Герцля истинным Машиахом.

– По воспоминаниям очевидцев, юный Теодор – светский молодой человек оскар-уальдовского образца, ищущий громкого литературного успеха, широкой известности. Какую роль в его будущих сионистских устремлениях сыграла эта жажда славы?

– Герцль был необычайно честолюбив. Это честолюбие, тщеславие во многом, несомненно, связано с его происхождением, воспитанием, невозможностью как еврею реализовать свои таланты в Западной Европе, где эмансипация, начавшаяся еще в первые годы прошлого столетия, проходила под знаком все более усиливающегося антисемитизма. «Жажда славы» сыграла выдающуюся роль в поисках Герцлем решения еврейского вопроса: массовое крещение, под его началом, организация дуэлей в защиту попорченной еврейской чести, в которых он так же собирался принять непосредственное участие, наконец, создание на 1-м Сионистском конгрессе Всемирной сионистской организации, работавшей над тем, чтобы решение еврейского вопроса вошло в повестку дня великих держав, стало фактором мировой политики. В эти дни, когда исполняется 150-летие со дня рождения провозвестника еврейского государства, здесь, в России, его имя и дело еще не получило даже среди евреев достаточно адекватной оценки. Теодор Герцль по-прежнему та историческая фигура, что устремлена в будущее.

– Почему проницательный, чуткий Герцль поверил Плеве, не расслышал обо всем говорящей фразы министра: «Да, будь я евреем, я, вероятно, тоже был бы врагом правительства» и, по существу, не поняв упрямства русских сионистов на 6-м конгрессе, был смертельно сражен провалом «угандийского проекта»?

Иерусалим», вышедшая в 1862 году. Моше Гесс включил в свое издание отдельные места из книги Цви Калишера «Дришат Цион» («Требование Сиона»). Поэтому следует предположить, что идеи воспитанного в духе ассимиляции венского журналиста Теодора Герцля имели достаточный бэкграунд, что в сочетании с развитой предпринимательской жилкой, связями, профессиональной востребованностью, организаторскими способностями и умением оказываться в нужном месте в нужное время позволило Теодору Герцлю сформулировать и идеологически оформить направление политического сионизма как составляющую часть национальной идеи возвращения в Сион.

– Какие из решений еврейского вопроса, по Теодору Герцлю, можно считать состоявшимися, а что так и осталось еоуществленным?

– Мысль о том, что еврейский вопрос может быть решен лишь в суверенном еврейском государстве, настолько «витала в воздухе», что, узнав о ней в изложении Лео Пинскера, Герцль сказал: знай он о ней раньше, никогда не стал бы писать «Еврейское государство». Что касается стратегических вопросов, сформулированных Герцлем: массовое переселение евреев, сионистский проект – как вопрос большой международной политики – привели к предсказанному им результату, а именно к созданию еврейского государства. Его предположения относительно внутреннего устройства будущего государства: демографического, национального баланса, секулярной и религиозной составляющих, типа знамени – следует отнести к области его личных фантазий и не пытаться анализировать. Герцль видел будущее еврейское государство как наднациональное государство, принимающее свободу вероисповедания, чего, как мы знаем, в полном объеме не случилось. «Всякий может свободно исповедовать какую ему угодно религию или вовсе никакой не исповедовать, подобно тому как он ничем не связан с той или другой национальностью. И если случится, что среди нас будут жить лица других исповеданий или других национальностей, то они будут также пользоваться всеми правами и покровительством государства, как и аборигены страны...» Ну и уже совсем утопично сквозь призму сегодняшних дней выглядят призывы Герцля о том, что создание еврейского государства станет для Европы «оплотом» и «преградой» против Азии. Не является на сегодняшний день для израильтян основополагающим и желание заботиться о «распространении культуры среди невежественных народов Азии». А если серьезно, то, на мой взгляд, основные задачи, поставленные Герцлем, были решены. Государство Израиль существует и признается абсолютным большинством мирового сообщества.

– Почему Герцль не вступил в «Союз защиты от антисемитизма»?

– Дело в том, что суд по «делу Дрейфуса» произвел огромное впечатление на Герцля, который для себя сделал выводы о невозможности ассимиляции и невозможности уничтожения антисемитизма. Это было своего рода прокламацией отказа от борьбы с антисемитизмом, кроме того, в своих рассуждениях Герцль пришел к мысли, что антисемитизм даже полезен, так как он будет побуждать евреев к созданию своего государства.

– За два года до 1-го Сионистского конгресса Герцль обратился за помощью к барону Морису де Гиршу, но тот не особо прельстился идеями Герцля. Почему?

– Влиятельный и состоятельный еврей барон Морис де Гирш был филантропом и не был одержим идеей создания и реализации какого-либо грандиозного проекта, тем более имеющего политическую окраску. Маловероятно, что он счел идеи Герцля провокационными или опасными, скорее всего, он по-деловому оценил всю

грандиозность замыслов Герцля как дорогостоящий проект, который его лично не увлекает. Впрочем, возможно, если бы Герцль попросил у барона средства на что-то конкретное, например на организацию сельскохозяйственных колоний в Палестине, то тот с большой долей вероятности не отказал бы. Сам факт, что, возвратясь в гостиницу после встречи с бароном, Герцль, находясь в приподнятом состоянии, стал «набрасывать» свои дневники, говорит о том, что встреча Герцля не разочаровала и отказ барона был воспринят как «рабочий момент».

ЭТОС УБЕЖИЩА

Ἀεὶ Ἰσὸς αἰεὶ, πῶς εἶτα εἶ ἀπὸ τῆς αἰῆς, αἰεὶ ὁ δὲ οὐκ εἶται ὁ πῶς ἰσὸς

– Лет двадцать назад репатриация, любая посильная помощь Израилю евреями диаспоры были сионистской нормой. Сегодня положение вещей изменилось. Понимает ли политический истеблишмент Израиля, что играть в одни ворота больше нельзя?

– Мир изменился, в том числе и еврейский, и если когда-то нужно было искать для евреев безопасное убежище в Палестине, то сегодня, к сожалению, Израиль является одним из самых физически небезопасных мест на земле. Весь этос Израиля с момента начала сионистского движения был этосом создания безопасного убежища для гонимого народа, страна создавалась как национальное убежище, для Герцля это центральный момент его политической философии. При этом нужно помнить, что с первых дней своего существования сионизм должен был ответить на два совершенно разных вызова времени – погромы и эмансипацию. Создание независимого еврейского государства спустя три года после Холокоста действительно можно было считать «началом избавления». Однако сегодня, шестьдесят пять лет спустя после окончания второй мировой, память о Холокосте не может быть центральной формообразующей идеей еврейского государства. Нужно жить в условиях, когда евреям, их безопасности и самореализации, не угрожает почти нигде и ничего. «Убежище», о котором мечтал Герцль, еврейскому народу ныне не нужно. Израиль сегодня – другая страна в сравнении с той, которая была основана в 1948 году, но этот этос «убежища» остается краеугольным камнем сионистской идеологии и в настоящее время – и это, мне кажется, большая ошибка. Израилю необходимо вернуться к парадигме «духовного центра еврейского народа», быть страной, притягивающей таланты со всего мира. Так и только так эта страна сможет оправдывать факт своего существования в XXI веке. И при этом Израиль должен

быть заинтересован в сильных еврейских диаспорах в не меньшей степени, чем они – в Израиле.

– **В чем состоит главное отличие двух поколений сионистов, Герцля и Жаботинского, что из наследия лидеров этих двух поколений сбылось, а что нет?**

– Вопреки тем, кто противопоставляет «ревизиониста» Жаботинского остальным сионистским лидерам, я считаю его прямым и естественным продолжателем пути и дела Герцля. Оба они более всего мечтали о еврейском национальном государстве, оба многое сделали во имя реализации этой мечты, и, к сожалению, оба не дожили до его создания. То, что в наши дни прах и Герцля, и Жаботинского покоится в Иерусалиме, – факт, конечно, символический, но было бы куда лучше, если бы обоим довелось воочию увидеть Давида Бен-Гуриона, читающего Декларацию независимости Израиля. Герцлю, кстати, было бы восемьдесят восемь лет, Жаботинскому вообще только шестьдесят восемь, это теоретически вполне могло быть возможным. И я думаю, что сегодняшний Израиль, по крайней мере секулярная его часть, вполне бы порадовали и Герцля, и Жаботинского, будь у них возможность увидеть его воочию.

– **Существует несколько разновидностей сионизма, одна из самых ярких – социалистического образца. Как израильский социалистический сионизм соотносится с идеями Герцля?**

– Израильский социалистический сионизм – это уже явление истории. Сегодня социалистические идеи и идеалы почти не представлены в израильской общественной полемике, Израиль является капиталистической страной, в которой от профсоюзно-кооперативного сектора экономики почти ничего не осталось. Я как раз думаю, что несколько большее стремление к социально-ориентированному государству (которое, если перечитать «Возрожденную древнюю страну» Герцля, и было его мечтой) было бы для сегодняшнего Израиля благом. Мне жаль, что этого не происходит.

– **Каким вам видится будущее сионизма? Какие задачи стоят сейчас перед ним?**

– Израиль так и не сумел стать ни культурным, ни научным, ни экономическим, ни политическим центром еврейского народа. С момента начала сионистской иммиграции в Палестину прошло уже сто двадцать лет, и можно подвести некоторые неутешительные итоги: Государство Израиль так и не стало местом сосредоточения основного интеллектуального или экономическо-политического капитала евреев мира, а влияние интеллигенции на социально-политические тенденции в израильском обществе крайне ограничено. Культурные и научные достижения американских, российских и французских евреев в целом значительно превосходят успехи израильских ученых и деятелей культуры, и в обозримом будущем не просматривается тенденции к изменению этой ситуации. На сегодняшний день программа политического сионизма в целом воплощена в жизнь – настолько, насколько это позволяют существующие геополитические обстоятельства. Проблемы во взаимоотношениях с арабским миром едва ли могут быть решены, скорее, наоборот. Я думаю, что именно в привлечении в Израиль лучших интеллектуальных и духовных сил (вне зависимости от их национального происхождения) состоит сегодня задача сионизма.

Шестьдесят два года назад ООН признала право евреев на создание своей страны. Сегодня некоторые еврейские интеллектуалы не без шика выказывают сомнение в правомочности данного признания. Но если оставаться верным

положению, что не Герцль выбирал Мечту, а она его, думается, Государство Израиль с Б-жьей помощью переживет сомневающихся.

Шалом, «Лехаим»!

Пишет вам отец четырехлетнего малыша, который болеет очень тяжелым заболеванием – дилатационной кардиомиопатией. Спасти ребенка можно, только если произвести пересадку сердца. Это уже второй случай в нашей семье, старшую дочку мы потеряли – она прожила всего семь лет, требовалась пересадка сердца, но в Израиле не было донора, а денег, чтобы ехать за рубеж, мы не нашли. В Израиле, где мы наблюдались в клинике Шнайдера, нам посоветовали ехать в Германию или США. Мы обратились в клинику <http://www.hdz-nrw.de> в Германии, где нам сказали: чтобы ребенка поставить на очередь, нужно внести предоплату в размере 500 тыс. евро. Сумма для нас непосильная, и одним нам не справиться с проблемой. Есть группа в «Одноклассниках», пытаемся что-нибудь собрать через фонды. Может быть, у вас будет возможность распространить информацию о ребенке?.. Возможно, кто-то из наших братьев откликнется. Мы в отчаянии, сердце работает все хуже, но я верю, что с Б-жьей помощью мы спасем ребенка. Очень надеюсь на вашу поддержку.

С уважением,

*עֲדָאִיאַ עִנְדָּאָעִי (Nadaié),
אִיִּו דַּאָאִי יִי*

Вы можете перечислить деньги на этот счет:

Астраханское ОСБ № 8625 Поволжского банка Сбербанка России

414000 г. Астрахань, ул. Эспланадная, 11

к/сч. 3010181050000000602

БИК 041203602

ИНН 7707083893

КПП 301502001

Лицевой счет получателя: 40817810305009404718

Получатель: Израева Татьяна

Номер карты: 4276050010651812

Вы читали? *Яков Рабкин.* [Еврей против еврея](#) // 2009. № 8

Реакция. Евреи, у нас что, общих врагов мало, давно «хорошо живем» или тесно вдруг стало на земле Яакова? А может, кто-то в свое время оказался вдалеке от геноцида и горе чужое не стало своим?.. Разве не дана была нам Тора и не имеем мы Танах?..

Б-гу угодно было спасти сионистов. Промедление для многих жителей Европы оказалось опасным. До сих пор в обществе часто звучит вопрос: где был Б-г, когда произошла Катастрофа?

Всевышний говорил через пророков, чей разум не был замутнен исполнением ритуалов, следованием традиции. Эти люди имели способность слышать Его голос, «транслировать» для европейских евреев Его волю. «Я вижу страшное видение. Все меньше остается времени, пока вы хранимы Б-гом. Спасайте каждый себя. Те, кто переживет Катастрофу, увидят чудо: рождение государства», – предупреждал евреев в 1938 году Зеэв Жаботинский. Многие из выживших в том страшном горниле обязаны именно сионистам. И после этого обвинять последних в «безразличии и бездействии во время массового уничтожения евреев во время второй мировой войны, а то и в причастности к нему» (Я. Рабкин) – это равноценно тому, как если бы их обвинили в пособничестве Гитлеру.

Еще древние пророки предсказали Катастрофу. Вот только сильна у нас привычка читать между строк, закапываться в толкование одного слова, вместо того чтобы обратить внимание на то, что звучит открытым текстом. Всего лишь 65 лет прошло со Дня Победы, а память наша воскресает только перед праздником...

Всем нам следует, отбросив свои амбиции, воздать должное сионизму. Именно они, не ревнители традиции, не те, кто из Торы носа не высовывает, а «вполне ассимилированные» (Я. Рабкин), такие, как Теодор Герцль и подобные ему, узрели угрожающую евреям возможность повторения истории. Именно сионисты стали рычагом в руках Всемогущего для явления всему миру чуда – рождения Государства Израиль.

Вроде по слову Г-споднему радоваться должны бы ожидающие прихода Машиаха, т. к. это один из знаков Его скорого явления. А тут – «еврей против еврея», неправильно это как-то.

Давайте же поставим на ноги то, что до сих пор стоит на голове! Цитирую Я. Рабкина и приведенную им цитату из Джейкоба Нузнера: «Сионизм изменил еврейскую жизнь и даже само значение слова».

Сейчас все еврейство бывшего Союза – страны воинствующего атеизма – ударились в изучение традиций, наивно полагая, что это и есть «путь к себе». Но это всего лишь путь к исходной точке и не больше, тем более что многие традиции в нынешнем виде сформировались в течение последней диаспоры. И это не есть истинное еврейство в том смысле, который вкладывает в него Всевышний.

Традиции есть у каждого народа, но от них ни один народ не стал чем-то особенным, напротив, традиционность всегда была более свойственна язычеству.

«Да в конце-то концов, что такое еврейство? Ответов множество, и они неизбежно меняются в зависимости от исторических обстоятельств», – писал Марлен Кораллов.

С любовью, молитвой и благословением,

İ eëà İ aīīīāā, Ōëāī-Ōäy

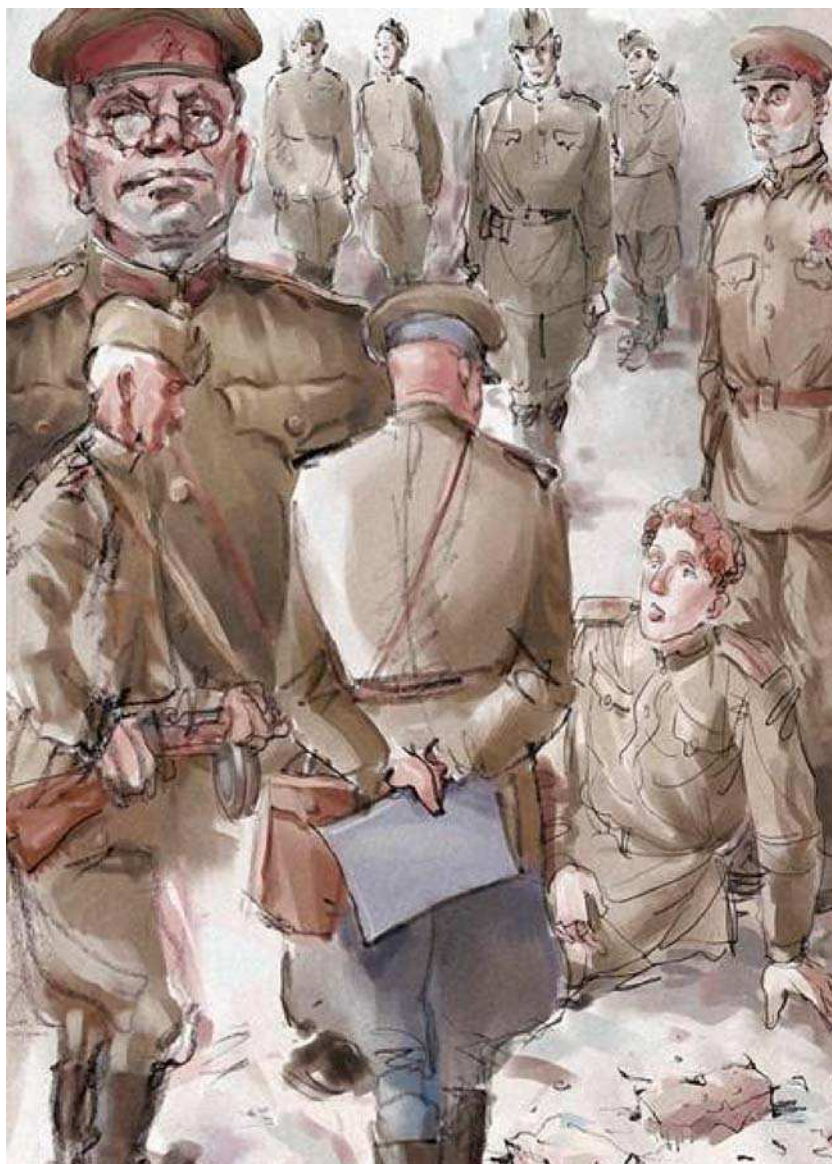
Реакция. «Рубина умело балансирует на грани “настоящего” и “форматного”». Знать бы еще, что это такое на самом деле – «форматное». Разговор получился интересный, но меня не убедил. И дело не в том, что я поклонница прозы Дины Ильиничны. Она, возможно, не возрождает традиции отечественной классики, но писатель отменный, со своей литературной правдой, «погорячиться» критикам «вокруг нее» – самое то. В русском писательском ремесле вокруг Дины Рубиной с вялыми чувствами, без родовой литературной памяти кружить нельзя, а также не совсем корректно сравнивать ее с Улицкой. При чем тут вообще Улицкая, разве что пола одного.

Ἐὰ δὲ νῦν, ἔτι ὁ ἀδῖαὸς

ОРДЕН ХМЕЛЯ

Наדרה אלוהי

Посвящается искренне уважаемым мной людям – Григорию Наумовичу и Раисе Александровне Эленбоген

Раньше пролежала здесь широкая улица, по которой, если идти к центру города, можно было добраться до старой ратуши. И пять лет назад была улица, и пятьдесят, и триста, и даже, наверное, пятьсот, – в общем, сколько стоял славный город Бучач. А жили в нем когда-то и поляки-католики, и православные, и униаты, и татары, и (совсем, правда, немного) коммунисты-безбожники, и, конечно, евреи. Теперь же в только что отбитом у немцев Бучаче почти никого, кроме солдат, было не встретить. И не слышалось детского смеха, не гремели кастрюли, не перекликались черноглазые соседки, не скрипели повозки, не покрикивали на своих лошадях носатые кучера-фурманá. Все унесла война-злодейка, все переделала на свой нехитрый лад – ать-два, левой...

Так вот, летним днем 1944 года на этом избитом воронками, усыпанном ломаным кирпичом и досками пустыре, бывшем когда-то широкой бучачской улицей, тихо, но очень увлеченно то ли спорили, то ли ругались два молоденьких офицера. Один, среднего роста, рыжий, кудрявый, с пухлыми губами и белой-белой (как это часто бывает у рыжих) кожей, кружил вокруг другого – высокого и тощего шатена. Спор их становился все ожесточеннее, и стоявшие поодаль солдаты уже посматривали с интересом. А когда на крыльцо одного из немногих уцелевших в штурме домов вышли майор-замполит и начальник «Смерша» (последний был известен как редкая сволочь – да, как говорится, по должности положено), рыжий лейтенант, не видя, что сзади появились два таких солидных наблюдателя, вдруг завопил что-то ругательское и кулаком двинул собеседника в ухо. Тот отшатнулся, отпрыгнул даже и встал почти по стойке «смирно», глядя поверх ударившего на майора, с глуповатой какой-то ухмылкой глядя, словно говоря: «А что, мол, тут поделаешь – ну не давать же дураку сдачи при начальстве!»

Проследив за направлением взгляда высокого, маленький лейтенант развернулся и, поскользнувшись, повалился наземь – неловко, как это делают пьяные.

Майор и «смершевец» подошли. Особист наклонился, шумно потянул носом воздух.

– Самогон, товарищ майор!

– Понятно, – замполит досадливо поморщился и обернулся, ища кого-то глазами. – Линьков!

– Я, товарищ майор! – Молодой старшина отделился от группы оторопевших бойцов и подбежал к майору.

– Линьков, возьмите двоих бойцов и помогите товарищу лейтенанту проследовать под арест, пока не проспится хотя бы. Вы, – обратился майор к «смершевцу», – сопроводите. А вы, – замполит перевел взгляд на потерпевшего, – за мной.

Повернулся и зашагал назад в дом, где размещался штаб полка.

Но была эта нелепая, при самых невыгодных свидетелях случившаяся не драка даже, а так, глупость, вовсе не началом одной истории, а продолжением, вернее, концом. Причина же ее крылась в прошлом, и не в глубине лет, а того более – веков. И с оплеухой, которую лейтенант Либензон залепил старшему лейтенанту Шмелеву, связана была она не напрямую, а постольку поскольку... Да что там говорить! Всеу свое время...

Родителей, как известно, не выбирают. Национальность – если у родителей она одинаковая – тоже. Командир стрелковой роты старший лейтенант Иван Шмелев был русский на все сто – и отец его, московский рабочий Савва Шмелев, и мама Вера Николаевна, и оба деда, и обе бабки – все были русские. А лучший Ванин друг, комсорг полка лейтенант Самуил (проще – Сема) Либензон родился евреем. Потому что евреями были Семиньки и папа, и мама, и вообще предки до незнамо которого колена. Впрочем, Сема национальный вопрос не любил и ответом на него предпочитал не задаваться. Тем паче что для него, сперва пионера, а потом и комсомольца, существовала удобная и прямая, как палка, вещь, именуемая «пролетарским интернационализмом». На нее Сема и опирался, хотя его папа, киевский портной Исаак Либензон, пролетарием себя не считал, а на интернационализм обижался. И было известно, что жили Либензоны с незапамятных

времен в Киеве – с таких давних пор, что и след предков их, портных большей частью, терялся, как говорится, во мгле столетий.

Но лето сорок первого накрыло черным своим крылом и Жмеринку, и Могилев, и Одессу, и Киев, и сотни других городов и местечек, где исстари жили, плодились и множились евреи, исполняя завет своего Б-га. И вошли немцы в Киев, и здоровенный фельдфебель, проезжая мимо, остановился, заглушил мотоцикл и долго смотрел зачем-то на отражение облаков в большой темной луже на дне воронки. Смотрел, курил, не ведая, что в яме той, разорванные бомбой на тысячи кусочков и перемешанные с искромсанными кирпичами, навек упокоились Исаак Либензон и супруга его Циля. И что лежат они там вместе с другими достойными лучшей доли людьми: прятались они, соседи, от налета, да рванула в подвале бомба, убила их всех и похоронила...

А Семке повезло, потому как за год до того уехал он, снабженный комсомольскими рекомендациями и путевками, в далекую Москву, учиться на историческом факультете университета, где и застала Сему война.

И когда пришел срок, отправился Самуил Исаакович Либензон, юный советский офицер, на фронт и попал аккуратно на Курскую дугу. Боевое крещение младший лейтенант Либензон получил под Прохоровкой, причем как бы дважды. Первый раз – когда во время бомбежки вытащил из горевшего грузовика солдата-казаха с перебитыми ногами (спас-таки!). А второй – когда объяснять пришлось молодому пополнению, почему на черном поле под Прохоровкой легких Т-70, средних «тридцатьчетверок» и даже тяжелых «черчиллей» из Пятой гвардейской танковой армии сгорело более двух сотен, а немецких машин было не совсем чтобы по пальцам пересчитать, но зримо меньше. Сема не сдрейфил (а понятное дело, что могло достаться за неверный ответ на такой вопрос!) и нашелся тут же: мол, это наши всю свою подбитую технику сюда сволокли. Молодые вроде как поверили, а старики не спрашивали – лишь затягивались папиросками под речь комсорга да сплевывали тихонько в сторону...

...Советские войска входили в Бучач 21 июля 1944 года. Второй раз, потому как, взяв город в конце марта, уже в начале апреля потеряли – на них всей силой навалились упolzавшие из окружения остатки немецкой танковой армии и пробившиеся навстречу ей эсэсовцы.

Теперь же Красная Армия возвращалась насовсем. Но город брали, как нередко: яростно атаковали, шли напролом, а где можно, посылали вперед штрафников и части,

собранные из жителей бывших оккупированных районов. Относительно последних было, что называется, «мнение»: чем больше этих предателей подохнет, тем оно и спокойнее. Называлось это «искупить кровью вину перед Родиной» за то, что «были под немцем». И не верили своим глазам немецкие солдаты, видя, как маршировали плечом к плечу прямо по минным полям «бойцы» в гражданских пальто, ватниках и с одними саперными лопатками, ибо даже форму и оружие им не выдавали за ненадобностью. Не понимали немцы, как могло быть такое, зачем – о том и писали домой если не в ужасе, то в полной растерянности. Это Сема сам читал, потому как знал немецкий и письма те вместе с другими бумагами, взятыми у пленных и мертвых, переводил на скорую руку для начальства. Сам же он, будучи марксистско-ленинско-сталинским политработником, таких писем домой, конечно же, не писал, да и дома у него больше не было. Однако чем дальше, тем больше при виде этакой войны находили и на него мысли не вполне, по его же собственному мнению, правильные. Политически, можно сказать, незрелые...

В то июльское утро, заслышав, что у первых домов Бучача захлебнулось наступление, Сема примчался на передний край. Впрочем, при таких темпах и не было привычного переднего края: просто кончался лес, за ним – избитое снарядами не то поле, не то полянка, потом овражек, а дальше – город. Буйно росли деревья и трава, и все кругом пестрело зеленью вперемешку с пятнами светло-коричневых из-за суглинка воронок.

На краю леса залегла пехота. Комбат, молодой капитан, сидя возле рации, в мелком, на скорую руку вырытом окопчике, зло матерился, оглядывая в бинокль низину.

– Танки. Два. Похоже, бензина у фрицев нет, они их закопали. Но где? Туман, дым, ничего не видно.

Остатки заборов, домов, деревья словно выныривали прямо из неглубокого, с пологими склонами овражка и уходили вдаль. Несмотря на яркий день, оттуда напознала, клубясь, белесая пелена. Сема поднес к глазам бинокль. Крайние дома горели, дым мешался с туманом, и то там, то тут вспыхивали огоньки немецких автоматов и пулеметов. Вот откуда-то сбоку метнулся мощный сполох пламени. Сема заметил его краем глаза, навел бинокль, но ничего не разобрал.

– Мы едва нос из леса высунем – у фрицев как на ладони. Пушки не протащить, пробовали. Деревья, кусты, а дорога вся в завалах и заминирована. Из-за леса бьет батарея тяжелых да «катюши», а толку чуть – понятно, в танк хрен попадешь, – пояснял (а заодно и выговаривался) комбат. – Штрафников обещали вчера, да так и не дали. Послали разведчиков – все полегли под огнем, один вернулся раненый. С утра штурмовики утюжили, да без толку, там все замаскировано. И танки не подтянуть. Одним словом, делать-то чего?

– Политбеседу с личным составом могу провести? – не отнимая глаз от бинокля, спросил Сема.

Комбат захрипел, забулькал. Сема обернулся... Рот капитана искривился, задергался, глаза приобрели безумное выражение. В общем, ничего похожего – и мата, и всего прочего – в свой адрес Сема не слышал никогда. С капитаном случилась истерика. Сема не первый день был на фронте, видывал всякое, потому не растерялся. Дав комбату выругаться, придвинулся к нему и тихо, но внушительно заговорил:

– Вот что. Во-первых, насчет «фрицам провести беседу»: прошу дать мне, товарищ комбат, человек двадцать автоматчиков, два расчета пэтээров, пулемет, дымов и поддержать огнем – попробую. Поговорим. Во-вторых, за такие слова в адрес политработника получить можно выше крыши, вы, товарищ капитан, понимать это обязаны... А в-третьих, что касается «жидовской морды»: вернусь живой – морду твою всенепременно начистить попробую, будь спокоен.

Капитан, опустошенный, усталый в землю и даже не пытался говорить, махнул только вяло рукой...

Короче говоря, спустя четверть часа лейтенант Либензон уже ставил боевую задачу полувзводу автоматчиков и четверым бойцам расчетов противотанковых ружей.

Когда уже после боя у Семы допытывались, как и почему полез он в эту кашу, комсорг отмалчивался или отшучивался – по настроению. А вот сам бой он, если честно, помнил слабо, отчетливо – разве что начало, когда посадил пару бойцов бросать дымовые гранаты в сторону одного из ближайших домов, а сам пополз под прикрытием смрадного марева к другим, тем, что были у овражка. И пока фрицы дуrom лупили туда, где выплескивался клубами дым из шашек, следом за своим комсоргом заскользили попластунски солдаты, сначала малоприметной ложбинкой, затем овражком – до крайних, жарко горевших построек. Потом была схватка, быстрая, яростная, и громко бухали противотанковые ружья, нацеленные прямо в люки на башне немецкого Т-IV, и полыхнула забросанная гранатами «пантера», которую никакое ружье не взяло бы даже с тыла. А после того как Семина группа сожгла оба танка и фланговым огнем начала поливать немцев, оборонявшихся в неглубоких, тоже наспех вырытых траншеях и окопчиках, те стали откатываться в глубь городка. Почувяв, что немецкий огонь ослабел, капитан повел свой батальон в атаку, и судьба Бучача была решена...

Только драться с комбатом Семе не пришлось, потому как напоролся капитан на пулеметную очередь в той самой атаке. И закопали его вместе с другими погибшими после боя – и всех причитающихся по данному скорбному и обыденному на войне случаю дел.

А назавтра Сема узнал, что собирается представить его командир полка к ордену Богдана Хмельницкого третьей степени, под статут которого Семино геройство и подходило. Ибо давали орден этот «за личную инициативу, мужество и упорство, проявленные при выполнении боевого задания, что способствовало успеху проводимой подразделением... операции». Ну а поскольку дело было на Украине, да Сема вдобавок киевлянин – и подавно светил ему «Богдан».

Вот, собственно, почему стоял сперва Сема и ругался, а после и стукнул Ивана, лучшего друга своего, который, как ни странно (даже замполиту так показалось), не очень-то и обиделся...

Впрочем, опять рассказ убежал вперед, незаметно так, – надо бы вернуться.

Узнав про представление, Либензон стал сам не свой. Молчал, пыхтел, покуривал. Смотрел Шмелев, смотрел, как друг мается, да и не выдержал:

– Стряслось чего, а, Сем?

– Не хочу я, Ваня, этот орден получать! – Либензон повернулся к товарищу и, как нередко бывало с ним в минуты волнения, быстро-быстро погладил пальцами свой выдающийся еврейский нос.

– Как это «не хочу»? С ума сошел? Шутишь?

– Какие тут шутки. Давай помозгуем, делать чего.

– Я не понял – мало тебе, что ли?

– Где ж тут мало, Ваня?!

– Дурак, ведь за дело!

– Да какая разница за что! Я же еврей, а еврей не может надеть на себя орден с именем Хмельницкого!

– Почему?

– Ты хоть знаешь, кто он такой, Хмельницкий?

– Ну, – на лице Ивана отразились попытки вспомнить и недоумение одновременно, – гетман... Воссоединение Украины с Россией. Замполит говорил...

– Ох, простота ты, Ванька! – Сема снова затеребил нос. – Ну, впрочем, в школе про это не рассказывают... – Он обернулся, нет ли рядом кого, придвинулся поближе и полусшепотом заговорил.

Следующие полчаса Иван слушал про такие вещи, которые казались страшными даже ему, выдавшему украинские села после ухода карателей и мародеров. Потому как рассказал ему историк Сема про Хмельницкого все, что знал. А знал Либензон немало, так как учился на совесть – свою комсомольскую совесть. И с недоверием крутя головой, но нутром понимая, что друг его не врет, внимал старший лейтенант Шмелев истории восстания 1648 года, когда вся бывшая под панскою Польшей Украина вспыхнула пожаром народного гнева и началась на ней резня, страшной которой затеял только разве Гитлер.

– Понимаешь, Ваня, издревле Украиной правили польские паны. И были у них холопы, коих пан, да самый завалиющий, мог оттащить за вихры, прибить, ограбить и даже зарубить ни за что ни про что саблей. Ясное дело, у народных масс зрело недовольство. И бежали от таких порядков те, кто похрабрее, и становились казаками. А казак что – птица вольная, он сегодня турка грабит, завтра татарина, послезавтра – поляка или жида-корчмаря. Одно было плохо: не было такого закона, чтобы казака паном считали. И если ловили такого удальца, то виселицу ему сооружали быстро. Вот почему, когда в 1648 году забродили народные массы и начался в вотчине пана Вишневецкого, под которым больше пол-Украины было, мятеж, к нему быстро присоединились казаки. Да не только простые, но и полковники, и сам гетман Хмельницкий. Только народ хотел вольности, а зажиточные казаки – чтобы уравнил их с панами польский король. Но в чем казаки и холопы сходились – так это в ненависти к евреям.

Дело в том, Ваня, что в Польше евреям жилось хорошо, и, в общем, в тех краях, особенно если сравнивать с холопами, были они людьми зажиточными. Но не одно только

это. Понимаешь, Ваня, – горячился Либензон, – так во все времена ведут себя по отношению к эксплуатируемому народу (Сема нажимал на это «плоа», словно выплевывая противное слово) холуи эксплуататорского класса, откупщики-кровопийцы, и то, что это были евреи, – ничего не значит. Понимаешь, но это для нас, грамотных, ничего, а крестьяне видели в них притеснителей не только хозяйственной жизни, но и веры.

Шмелев слушал, курил и задумчиво пускал дым ноздрями.

– Так вот, а восставшие народные массы в темноте и гневном начале евреям за эксплуатацию мстить, но не богатым и кулакам, а всем. И Хмельницкий не то чтобы ничего не сделал, чтобы защитить бедняков-евреев, а разрешил казакам грабить, насиловать и убивать их всех, кому как угодно. И убивали нас, Ваня, зверски. Так зверски, что даже говорить об этом нельзя, – как фашисты, а может, и того хуже. Казаки, впрочем, поступали сходным образом и с поляками, особенно с их попами-ксендзами.

Никто не знал, сколько наших погибло, но не меньше, наверное, ста тысяч. А немногих выживших продали в рабство туркам, и многие годы потом еврейские общины собирали деньги для выкупа этих рабов. И у нас, евреев Украины, Хмельницкий стал зваться Хмелем, и до сих пор им детей пугают. Я понимаю, Ваня, что восстание народных масс было справедливым, – сам того не замечая, Сема все время сбивался на штампованные политпросветовские фразы, – но после того, что позволил делать Хмельницкий, носить этот орден не могу. Ты, Ваня, плохого не думай, я не националист, но партия же не видит ничего плохого в национальной гордости – и по ней выходит, что не должен я орден Хмеля не то что носить, но принимать, в руки брать не должен. Да и кто такой Хмельницкий? Ведь он-то не трудящийся какой был, а гетман, пан самый настоящий. Я, конечно, понимаю, правительство не просто так его именем орден называет, но... не могу. Пусть другие носят, а я не буду!

– Да... дела, – Шмелев выбросил погасший окурок. – Сема, если ты откажешься от ордена или не будешь его носить... того. Худо может выйти. Ведь тебе его дает советская власть. Сам понимать должен...

– Понимаю, – согласился Сема.

Шмелев достал вторую папиросу, повертел в пальцах, замял:

– А вот что! Ты его получи – и потеряй!

– Ваня, да я его и получать-то не стану!

– Да ты что, дурной!

– Ну не буду, и все! Не буду!

Иван полчаса или более того потратил на увещевания друга, но получил лишь еще одно подтверждение нехитрому правилу: если Семе что-то втемяшилось в его еврейскую голову, того уж не выбить. А поскольку был Семка человеком прямым – до горячности, – дальнейшая судьба его после отказа от награды представлялась нерадостной. И Шмелев придумал...

На следующий день и произошла та самая дурацкая история на пустыре, бывшем некогда широкой улицей славного и многолюдного Бучача. И все видели, а кто не

видел, знал, что Иван Шмелев – неслыханное дело! – не только не простил другу какой-то оплеухи, а потребовал у замполита разобраться с лейтенантом Либензоном «по рабоче-крестьянской совести». Но потом поостыл и рапорт писать не стал: потому как пообещал ему замполит, не вынося сора из избы, наказать хулигана. И наказал: представление к ордену Богдана Хмельницкого штаб полка не покинуло. А чтобы совсем не оставлять без внимания Семкино геройство, без лишнего шума представили того к медали «За отвагу». Которую Сема и получил довольно скоро.

Одного не понимали однополчане: по-прежнему Либензон и Шмелев дружили, даже крепче, чем раньше. «Чужая душа – потемки», – дивился про себя замполит, хотя и чувствовал порой, что чего-то он в этой истории недопонял. Но все ж таки забыли про этот случай довольно скоро: началось, закрутилось, завертелось новое наступление, подхватившее и Сему, и Ивана, и замполита, и сотни тысяч других людей с их мыслями, желаниями, а главное – надеждой. Шел четвертый год войны...

ПОСТСКРИПТУМ.

Этот рассказ был задуман и в целом написан в 2000 году. А в 2007-м Григорий Наумович Эленбоген, почетный энергетик СССР, Инженер с большой буквы, сын ополченца, без вести пропавшего в боях под Москвой осенью 1941 года, принес мне заметку о Якове Наумовиче Эйдельмане, отце историка и публициста Натана Эйдельмана. И оказалось, Яков Эйдельман когда-то действительно не принял ордена Богдана Хмельницкого.

Так и получилось, что реальная история случилась задолго до того, как я, человек совершенно другого поколения, придумал сюжет и написал рассказ. Хотите – верьте, хотите – нет.

ЧУЖАК

ענדלעך צעל איד

Авторы многочисленных статей об Исааке Башевисе Зингере и предисловий к его книгам непременно упоминают о том, что у него был старший брат, Исроэль-Иеошуа Зингер (1893–1944), также известный писатель. Сочинения И.-И. Зингера до сих пор почти не переводили на русский язык, таким образом, Зингер стал самым известным из неизвестных в России еврейских писателей. Между тем И.-И. Зингер был не только старшим братом лауреата Нобелевской премии по литературе, но, прежде всего, крупнейшим еврейским прозаиком первой половины XX века, одним из лучших стилистов в литературе на идише. Его имя прославили большие «семейные» романы, но и в своих повестях и рассказах он сохраняет ту же магическую убедительность и «эффект присутствия», заставляющие читателя поверить во все происходящее.

Повести И.-И. Зингера рисуют широкую панораму еврейской жизни в начале XX века: их действие происходит в деревне, в польском местечке, в Варшаве, в охваченной Гражданской войной Украине и в Нью-Йорке. Но в центре каждой повести – простой человек, сопротивляющийся давлению общества и обстоятельств, побеждающий или гибнущий в этой борьбе.

Когда крестьяне деревни Лешновка узнали поутру, что у их соседа Рефоэла-мельника ночью свели из конюшни обеих лошадей, они побросали работу в поле и пошли на мельницу.

Конюшня на большом, покрытом мучной пылью дворе, где куры клевали зерна, стояла нараспашку. Железный засов на воротах был перепилен пополам. Рефоэл-мельник, широкий в кости еврей с черной бородой, побелевшей от мучной пыли, и плечами, раздавшимися от перетаскивания мешков с зерном, глядел тоскливыми черными глазами на две сбури, никчемно висевшие на стене. Его жена Бейла, баба с высокой грудью, утыканной булавками и иголками с нитками, заламывала руки и причитала, точно плакальщица:

– Ясные вы мои лошадушки, – жалела она пропажу и рыдала в фартук, – не лошадушки, а львы.

Собака Рефоэла Бурек, большой, каштановой масти пес, который от злости все время рвался с цепи, теперь лежал посреди двора задушенный, с вывалившимся длинным синим языком, над которым жужжали и хороводились мухи. Крестьяне носком сапога приглаживали вставшую дыбом от страха шерсть на собачьей спине и качали головами.

– Ой, Рафал, Рафал, крепко тебя обидели! – жалели они соседа.

Рефоэл прошелся по двору, высматривая следы лошадиных подков, но никаких следов не было.

– Будто колдовством умыкнули, – шептались мужики, – ни одного следа.

– Каким еще колдовством? – махнул на них прокопченной и перемазанной рукой Ян-кузнец. – Эти сукины дети обмотали копыта мешковиной, вот и нет следов...

Из деревни подходили всё новые и новые крестьяне. Перепиленный железный засов и убитая собака посреди двора пробуждали в крестьянских душах одновременно страх и негодование:

– Вырезать ремни из спины у этих воров, – слышались тихие голоса.

– И солью присыпать, – прибавляли другие.

Соседи Рефоэла-мельника были вне себя от гнева.

Во-первых, Рефоэл был своим в деревне. Не только он сам, но и отец его родился в Лешновке. Старики еще помнили его деда, который был фактором^[1] у помещика в усадьбе. К тому же Рефоэл вел себя как обычный крестьянин, а не как еврей. Он не держал лавочку, не скупал сырье. Наравне со всеми лешновскими хозяевами сам возделывал свою землю, возил из леса дрова, ухаживал за скотиной. Наравне с лешновскими крестьянками его жена Бейла копала картошку, доила коров и на каждую ярмарку в местечке сама ездила продавать гусей, кур и яйца. Все крестьяне в округе мололи свое зерно на старой ветряной мельнице Рефоэла. Они знали, что весы у Рефоэла точные, им можно доверять. Кроме того, что Рефоэл не упоминал в своей речи Матку Боску, Езуса Хрыстуса и его святые раны, в остальном он говорил по-польски так же, как все крестьяне. И силой он не уступал самым крепким деревенским мужикам. Рефоэл с

легкостью взбирался с мешком зерна по узкой лесенке мельницы. За все это крестьяне считали его своим, лешновским, и его горе воспринимали как свое собственное.

Во-вторых, они беспокоились за самих себя. Единственным в деревне, кто запирали ворота конюшни на железный засов, был Рефоэл-мельник. И собака у него была крупнее и злее всех соседских собак. Если смогли свести лошадей из его конюшни, значит, деревня беззащитна и никто не может быть спокоен за свою лошадку.

Сперва крестьяне решили, что это цыгане. Они всегда воруют лошадей, язычники чернявые, у них и нужно искать. Но Ян-кузнец, деревенский умник, умевший читать и писать, махнул на соседей прокопченной и перемазанной рукой:

– Глупости вы говорите, люди добрые, – сказал Ян высокомерно, как всегда, когда он, ученый, разговаривал с простым человеком. – Во-первых, цыгане уже давно не раскидывали здесь своих шатров. Во-вторых, цыгане любят легкую поживу. Пилить железный засов они не станут, эта кража не их рук дело.

– Ежели так, то это Йойна-живодер сделал, – попробовал вмешаться один из стариков, – он городской и умеет управляться с железом.

Ян еще раз серьезно осмотрел перепиленный засов и отбросил подозрение насчет Йойны-живодера:

– Йойна может отомкнуть замок, – сказал он, – но перепилить засов ему не по силам. К тому же Йойна не стал бы связываться с собакой. Евреи боятся собак. Известное дело...

Крестьяне почесали в затылках:

– Кто же тогда мог это сделать? – спросили они у кузнеца. – Скажи нам, Ян...

Ян перемазанными пальцами спокойно разгладил в стороны свои светлые усы и медленно проговорил:

– Это дело рук кривого Цегелека. Он раньше был кузнецом. К тому же он сидел в тюрьме с городскими ворами, и они научили его пилить железо.

– Правильно, Ян, – обрадовались крестьяне, – так оно и есть. И с собаками он тоже умеет управляться, этот Цегелек, еще с той поры, как он ловил бродячих собак. Этот самого большого пса одолеет...

На дороге показался староста деревни, войт. Он шел чинно, как подобает старосте. На груди у него была приколотая бляха, знак его должности. Крестьяне расступились и пропустили его к конюшне. Он осмотрел стойла и вынес официальное заключение:

– Свели лошадей, – изрек он торжественно, будто бы сообщая что-то новое, – и следов нет.

– Мы боимся за своих лошадей.

– Нужно поискать у Цегелека.

- Нужно посадить Цегелека.
- Вся деревня пострадала от этого вора!
- Пошли к Цегелеку!
- Пошли к Цегелеку, – сказал войт.

Он двинулся первым. За ним – Ян-кузнец и Рефоэл-мельник. Следом – мужики и, наконец, бабы и дети. На краю деревни, в стороне от других домов, стояла на пригорке хибара Цегелека, открытая всем ветрам, вокруг – ни плетня, ни деревца. У ее дверей Цегелек рубил кривой корень дерева, выкопанный из земли. Хотя он и увидел людей, подходивших к его дому, он не повернулся к ним и не перестал рубить. Только когда его собака начала рваться с цепи и с дикой злобой лаять на подошедших, Цегелек воткнул топор в дерево и успокоил собаку.

- Чихо, пся юха![\[2\]](#) – прикрикнул он на собаку и кинул в нее щепкой.

Крестьяне приблизились, но не приветствовали его обычным «слава Иисусу». Цегелек, невысокий, коренастый, крепко, точно из дуба, сбитый, с густым гладким чубом, падающим ему на глаза, упирался крепкими ногами в землю и разглядывал толпу своим единственным глазом, пронизательным и умным. Второй глаз у него вытек, осталась только красная щель. Толпа ждала, что Цегелек заговорит, но он молчал. Войт откашлялся, хоть ему этого и не требовалось, и начал:

- Цегелек, ночью у Рефоэла-мельника свели лошадей из конюшни.
- Ну? – буркнул Цегелек.
- Говорят, что это твоя работа, Цегелек.

Вместо ответа Цегелек спокойно вынул из кисета, сделанного из свиного пузыря, немного махорки, скрутил самокрутку, чиркнул друг о друга кусочками кремня, закурил и, лишь втянув побольше дыма и выпустив его изо рта и носа, процедил несколько слов:

– Если вы их у меня найдете, можете забрать.

Его спокойствие взбесило крестьян:

– Никто не мог их свести, кроме тебя, – закричали они, – все так говорят.

Цегелек снова втянул побольше дыма.

– Говорить можно о каждом, – невозмутимо проговорил он, – даже о ксендзе. От толков мало толку... Нужны доказательства или свидетель.

Из-за того что Цегелек так гладко говорил, а им нечего было ответить, крестьяне раскипятились еще больше. Войт широко распахнул ворота бедного Цегелекова хлева. Оттуда на войта замекала коза.

– Может, это твоя, Рафал? – усмехнулся Цегелек. – Возьми ее да подои.

Рефозл вычесывал мучную пыль из своей черной бороды.

– Слушай, Цегелек, – сказал он, – лошади мне дороги. Даю двадцать пять рублей серебром тому, кто вернет их в мою конюшню. Все слышали?

Цегелек подмигнул ему слепым глазом.

– Хитрый ты, Рафал, – с ненавистью сказал он, – но Цегелек умнее тебя. Не крал я твоих лошадей и знать не знаю, кто их украл.

Он поплевал на ладони и снова принялся рубить кривой корень, больше не оглядываясь на людей.

Крестьяне гневно отступили с пригорка.

Вот уже несколько лет им приходилось терпеть множество неприятностей от Цегелека. С тех пор как он вышел из тюрьмы и поселился на пригорке, в деревне не стало покоя. То исчезнет забытая в поле лопата, то пропадет топор, то в стаде уток, вернувшихся с пруда, не досчитаются одной. Крупные кражи тоже случались. Однажды из конюшни пропала сбруя. Другой раз ночью кто-то открыл окно в дом помещика и украл золотые часы. Ксендз жаловался, что в церкви из коробки для пожертвований пропадают деньги. Войт после каждой кражи приходил в деревню, искал у Цегелека и каждый раз ничего не находил, но все знали, что корень зла – в его доме, что мелкие кражи – дело рук его жены и детей, а крупные – самого Цегелека. Прежде ничего такого в деревне не случалось.

Но краж ему было мало, он еще и пакостничал. Однажды утром еврей-лавочник обнаружил, что кто-то продырявил бочку с керосином, стоящую у него в сених, и весь керосин вытек. Хоть за руку тогда никого не схватили, но все знали, что это работа Цегелека, это он в отместку за то, что лавочник не захотел дать в долг его жене

четвертинку керосина для лампы. В другой раз Цегелек поджег крыс, пойманных у себя в доме, и выпустил их горящими на поля, и это в самую засуху! Вся деревня была на волосок от пожара! А сколько раз он издевался над крестьянами, дурачил их и выставял на всеобщее посмешище!

За прошедшие несколько лет крестьяне не раз требовали от войта выгнать Цегелека, убрать паршивую черную овцу из стада. Но войт ничего не предпринимал.

– Пока его не схватили за руку, сделать ничего нельзя, – возражал он. – Таков закон.

Теперь, после того как у Рефоэла-мельника свели лошадей из стойла, кровь у крестьян закипела от негодования на Цегелека.

– Что ж ты за староста, – кричали они войту, – если не можешь защитить деревню от зла? Что же ты за хозяин, если мы не можем быть спокойны за лошадей в наших конюшнях?

Войт, растерянный и смущенный этими выкриками в свой адрес, стоял, уронив голову. Вдруг он расправил грудь, выставил напоказ бляху – знак своей должности – и стукнул палкой о землю.

– Что тут бабы с детьми делают, зачем таскаются следом? – разозлился он. – Мужики словом не могут перекинуться! По домам, бабы, по домам!

Бабы переглянулись с мужиками, ища у них поддержки, но мужики не поддержали их. Глаза у мужиков были злые. Бабы поняли, что они здесь лишние, забрали детей и нехотя повернули домой. Когда они отошли на порядочное расстояние, войт поднял руку, призывая к вниманию.

– Мужики, – тихо сказал он, – умеете держать язык за зубами?

– Надо будет, будем держать, – раздалась в ответ голоса.

– Слушайте же, что я вам скажу, – таинственно проговорил войт. – Я ничего не могу сделать Цегелеку. Я ничего не нашел. Но к чему вам я? Крестьяне могут сами решить, что делать с вором, а я ни о чем не узнаю...

Никто и слова не успел вымолвить, а войт уже запахнул свое длинное коричневое пальто и быстро ушел.

Крестьяне переглянулись.

– Правильно сказал!

– Давно пора.

– Если от полиции не добиться правосудия, сами добьемся.

– Крестьянское правосудие, братцы!

– Пошли обратно к Цегелеку!

- Расправимся с ним, сукиным сыном!
- Кишки выпустим!

Ян-кузнец поднял прокопченную, перемазанную руку.

– Не вопите вы все вместе, словно гуси! – сказал он. – Дело нужно делать обдуманно: так, чтобы никто ничего не знал и не голыми руками. Цегелек – живодер, может, у него ружье в доме есть.

- Правильно, – согласились крестьяне, – верно говоришь, Ян.

Кузнец усмехнулся в усы, довольный похвалой, и начал отдавать приказы как старший:

– Идите по домам и ничего не говорите, даже своим бабам – ничего. Ночью, когда бабы и дети уснут, возьмите с собой что под рукой – топор, нож или дубину – и собирайтесь на мельнице у Рефоэла. Оттуда мы потихоньку пойдём к Цегелеку. Когда завтра явится полиция, никто ничего не знает. Не забудьте же: встречаемся у мельницы!

Крестьяне молча разошлись по домам, к своей работе. Рефоэл-мельник вернулся к себе. Но пошел не на мельницу, а на кухню, к жене.

- Бейла, – тихо сказал он, – новое несчастье на мою голову.

Бейла заломила руки, еще ничего не узнав.

Рефоэл рассказал ей, испуганный, то, что ему запретили рассказывать.

- И меня они с собой позвали, – проговорил он со страхом. – Что же делать?

Рефоэл и его жена сидели и молчали. Они понятия не имели, что им делать. С детства живя в деревне, они знали, на что способны крестьяне, когда вершат свой суд. Никакой пощады не жди от них, если они вынесли приговор виновному. Особенно они жестоки с пойманным конокрадом. Такого они убивают не спеша. И хоть Рефоэл и его

жена верили, как и остальные обитатели деревни, что именно Цегелек свел из их конюшни лошадей, от одной мысли, что его убьют этой ночью, их бросало в дрожь.

– Горе мне, – вздохнул Рефоэл, – они велели взять с собой топор.

Хоть Рефоэл и не был шибко ученым, он знал, что убийство – хуже всего на свете. За всю свою жизнь он не пролил ни капли крови, не то что человека, но даже скотины. Он не выносил, когда соседи кололи свинью и та оглашала своим визгом всю деревню. Еще больше он страдал, когда деревенские мужики устраивали пьяные драки и оглоблями проламывали друг другу головы. При всей своей мощи он чувствовал отвращение к крови. Даже когда Рефоэл привозил к себе шохета из местечка, чтобы тот зарезал теленка, он не мог смотреть на шхиту. Шохет все убеждал его:

– Когда сказано благословение, скотина уже не чувствует боли, реб Рефоэл.

Рефоэл верил шохету, но смотреть, как режут теленка, все равно не мог. На него накатывала тошнота. Теперь соседи позвали его прийти с топором, чтобы ночью расправиться с человеком, выпустить ему кишки.

– Что делать? Что делать? – спрашивал он себя, прекрасно зная, что у него нет никакого ответа.

Просить крестьян о пощаде для Цегелека он не мог. Рефоэл знал своих соседей, знал, что хоть они и относятся к нему хорошо, но упрашивать их бесполезно. Он только дураком себя выставит, вот и все. Отказаться и не идти тем более нельзя. Соседи сочтут его трусом, спасающим свою шкуру, когда все рискуют. К тому же они вступились него. Из-за его лошадей, которых свели с его конюшни, хотят они расправиться с Цегелеком. Как он будет выглядеть, если так оплатит им за это?

Бейла сняла с плиты чугунок с вареной картошкой и разложила ее в глиняные миски. Она достала из погреба холодное кислое молоко и поставила на стол. Еще она нарезала молодого лучка и посыпала им картошку. Вкусный пар наполнил кухню.

– Рефоэл, – позвала Бейла, – иди есть. У тебя сегодня маковой росинки во рту не было.

Рефоэл не мог есть. Он молча вышел из дома. На дворе все еще лежала убитая собака. Рефоэл стащил собаку со двора и вырыл для нее глубокую яму. Уставший от рытья и душевных мук, он вошел в мельницу и бросился на пустые мешки.

– Б-же, – воззвал он, подняв черные глаза к прогнившим стропилам, – помоги мне, Отец небесный.

Он накрылся мешком и забылся тяжелым сном.

* * *

Целый день и часть вечера Рефоэл проспал на мельнице. Когда деревенские собаки стали громко лаять перед наступлением ночи, он открыл глаза и огляделся. Сквозь незалатанную дыру в гонтовой крыше виднелся кусок неба, усыпанного звездами. Рефоэл вспомнил, что пропустил минху, помрачнел и пошел в дом. Жена снова позвала его к столу.

– Рефоэл, ты же с ног валишься, – сказала она, – иди сюда и чего-нибудь поешь.

– Я помолюсь маарив, – ответил Рефоэл и омыл руки.

Посреди Шмоне эсре он услышал приближающиеся к дому шаги. Он быстро закончил Шмоне эсре и выглянул в окно. Первые крестьяне начали собираться во дворе и рассаживаться на бревнах. Огоньки их самокруток вспыхивали и гасли в темноте.

– Они собираются, – прошептал он, – что делать, Бейла?

Бейла застыла на мгновение, прижав руки к груди. Вскоре ей пришла в голову одна мысль. В детстве она часто слышала от своей бабки-арендаторши, как та не раз спасала деда, когда помещик напивался и мог причинить деду зло. Она укладывала его в кровать, ставила на живот горячую припарку и приказывала ему охатъ что есть сил. Вот об этой-то бабкиной уловке и вспомнила теперь Бейла. Она быстро взбила соломенный тюфяк на мужней кровати, положила в изголовье несколько подушек, как это обычно делают для больных, и затолкала Рефоэла под одеяло.

– Ты болен! – объяснила она ему. – Слышишь? Болен ты, живот у тебя болит.

Рефоэлу стало стыдно:

– Бейла, Б-г с тобой, – пробормотал он, – они же меня утром видели.

– Молчи. Лучше сапоги стяни, – приказала Бейла.

Она мигом схватила с плиты конфорку, обернула ее тряпками и положила Рефоэлу на живот. Затем она укрыла мужа и села рядом с ним на край кровати.

– Охай, – сказала она ему, – ради Б-га, Рефоэл, охай.

Голоса на дворе становились все громче. Вскоре уши резанул свист. Так как никто не вышел из дома, крестьяне вошли в дом.

– Рафал, – позвали они, – ты где?

Бейла стояла рядом с кроватью, как часовой.

– У Рефоэла живот прихватило, – вздохнула она. – Я ему уже несколько раз припарки ставила – не помогает. Распереживался из-за лошадей, вот и лежит.

Крестьяне смотрели на черную бороду, которая выглядывала из-под одеяла, и тяжело молчали. Кузнец с железякой в руке откинул перину.

– Живот прихватило, – повторил он вслед за Бейлой. – Мне можешь не рассказывать. Я разбираюсь в еврейских штуках.

Рефоэл почувствовал настоящую боль во внутренностях.

– Соседи, – пролепетал он, – я хоть кого-нибудь когда-нибудь обманул?

Ян со злостью закрыл его одеялом.

– Не верьте ему, мужики, – обратился он к крестьянам, – это он увиливает, чтобы не идти с нами, этот еврей... Отделяется от деревни, как чужак.

Бейла заломила руки.

– Люди добрые... – начала она.

Ян перебил ее.

– Молчи, Бейла! – гневно сказал он. – Мы одни пойдём. Но мы это запомним. Пошли, мужики!

– Пошли! – подхватили крестьяне и вышли из дома.

Тихой звездной ночью крестьяне Лешновки учинили две расправы над людьми, которые не сумели ужиться в общине: вора Цегелека они убили, проткнув ему кольями сердце. А Рефоэлу-мельнику повыбили камнями окна в доме.

С утра пораньше Рефоэл начал искать покупателя для своей мельницы и земли.

– Я продам по сходной цене, – сказал он маклерам, – я хочу уехать в город, к евреям.

Ź adaaŹã ñ eãeõã Èã õŹ Áõeãõ ĩãeĭã e ÁãeãeŹ Áũĩ eõõã

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Текст/Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску издание повестей Исроэля-Иеошуа Зингера.

[1] Торговый агент.

[2] Тихо, песья кровь! (польск.)

РОЗА

לְהַיְיבֵנִי יְיָ

Окончание. Начало в № 4, 2010

Магда, благословение души моей [писала Роза]!

Прости меня, моя желтая львица. Слишком давно тебе не писала. Чужаки рвутся в мою жизнь, не дают прохода, рвут мои жилы. Да еще Стелла. Так вот полдня проходит, пока я наконец возьмусь за перо – побеседовать с тобой. Какое же наслаждение, глубочайшее наслаждение, истинное счастье – говорить на нашем родном языке. С одной тобой. Теперь мне все время приходится писать Стелле – я как собачка, выслуживающаяся перед хозяйкой. Это мой долг. Она присылает мне деньги. Ведь я вырвала ее из рук всех этих обществ, которые после освобождения понесли нам хлеб и шоколад! Вопреки всему они преследовали свои сектантские цели – набирали для своих армий войска. Если бы не я, Стеллу вместе с другими сиротами закинули бы на пароход и отправили в Палестину – чтобы они там стали Б-г знает чем, чтобы жили Б-г знает как. Стала бы батрачкой, бормотала бы на иврите. Вот была бы ей наука. Американизировалась, видите ли. Мой отец никогда не был сионистом. Называл себя «поляком по праву». Евреи, говорил он, не для того тысячу лет отдавали Польше свои мозги и кровь, чтобы еще доказывать, кто они такие. Он был идеалистом, может, и не таким, как надо, но душа у него была аристократа от природы. Теперь я могла бы и посмеяться над этим – как все обернулось, – но нет, не буду: слишком четко знаю, какой он был: понимавший суть, чуждый любому легкомыслию. В юности он дружил с сионистами. Некоторые рано уехали из Польши и выжили. Один из них книготорговец в Тель-Авиве. Специализируется на иностранных книгах и журналах. Бедный мой папочка. Только история – особый пример из нее, скажем так, – дала сионистский ответ. У моего отца идеи были логичнее. Он польский патриот на временной основе, так он говорил, до тех пор, пока народы не научатся сосуществовать, как лилия с лотосом. Он в душе был провидцем. Моя мама, как ты знаешь, издавала стихи. Тебе все эти истории, должно быть, кажутся легендами.

Даже Стелла – а она может помнить – помнить не хочет. Называет меня мифотворицей. Она всегда к тебе ревновала. У нее психическое отклонение, она отрицает и тебя, и всю остальную реальность. От любого следа прошлой жизни приходит в бешенство. Боится прошлого, поэтому и будущему не доверяет – оно ведь тоже станет прошлым. В результате у нее нет ничего. Она сидит и смотрит, как настоящее сворачивается в прошлое так быстро, что ей этого не вынести. Поэтому-то она и не обрела того, чего хотела больше всего, – американского мужа. Меня эти страдания и переживания не трогают. В материнстве – это я знала всегда – есть то, что глубоко отвлекает от философии, а корень всей философии – в страданиях о быстротечности времени. Я имею в виду факт материнства, физиологический факт. Сила сотворить другое существо, стать орудием этого таинства. Моя мать очень хотела обратиться, отец над ней смеялся. Но ее это привлекало. Она разрешила горничной держать в углу кухни статуэтку Божьей Матери с младенцем. И иногда приходила на нее посмотреть. Я даже помню стихи, которые она написала про жар от печи, от воскресных пирогов.

Ī àò àdū Āīæüŷ, èàè äðīæèøü ò ú

Ā ŷçúéàò ĭ èàì áí è!

Ē ò ááá ĭ ĭáí èì àpòñŷ ĭ àøè ĭ èðīæ,

Ē á ò ðàí ñá Āā ðīæäáí èŷ

Ī ðŷ: áøüŷŷ ò ú.

Что-то в этом роде. Даже лучше, ярче. Ее польский был очень упругий. Его надо было раскрывать как веер, чтобы добраться до всех оттенков смысла. Она была исключительно скромна, но не боялась называть себя символистом.

Я знаю, ты не будешь меня ругать за то, что я отвлекаюсь на все эти рассказы. Ведь это ты сама подталкиваешь меня на все эти воспоминания. Если бы не ты, я бы их все похоронила – в угоду Стелле. Стелла, Колумб наш! Она считает, что есть такая штука – Новый Свет. Однако – в конце концов – она отдает мне драгоценное свидетельство твоего священного младенчества. Я пишу, а рядом со мной коробка. Она не взяла на себя труд послать это заказным отправлением! Несмотря на все мои просьбы. Обертку я выкинула, а крышка вся заклеена полосками скотча. Открывать ее я не спешу. Сначала я с трудом сдерживалась, не могла дождаться, но пока все неладно. Я сберегаю тебя, я хочу совсем успокоиться. Бриллианта лучше касаться, пребывая в благостном расположении духа. Стелла говорит, я делаю из тебя реликвию. У нее нет сердца. Как ты была бы потрясена, узнай ты хоть про одну из кошмарных игр, в которые я вынуждена с ней играть. Чтобы не усугубить ее безумие, чтобы ее уgomонить, я притворяюсь, что ты умерла. Да! Истинная правда! Нет ничего сколь угодно дикого, что я не сказала бы ей, лишь бы ее заткнуть. Она клеветет. Клевета повсюду, и порой – чистые мои губки, драгоценная моя! – клевета касается и тебя. Моя чистая, моя снежная королева!

Мне стыдно и пример-то привести. Извращения! Что Стелла, извращенка, напридумывала про твоего отца! Она крадет всю правду, грабит, ворует, и этот грабеж сходит ей с рук. Она лжет, и эта ложь вознаграждается. Новый Свет! Поэтому я и разгромила свой магазин! Потому что тут сочиняют лживые теории. Университетские ученые делают то же самое: для них люди – объекты исследований. В Польше когда-то была справедливость, а здесь – одни социальные теории. И все потому, что в их системе не осталось ничего от римского права. Нечего удивляться, что и юристы не лучше бродяг, что

питаются отбросами, отбросами воров и лжецов! Слава Б-гу, что ты пошла по стопам деда и взялась изучать философию, а не право.

Поверь, Магда, мы с твоим отцом были из обычных семей – под «обычными» я имею в виду уважаемые, порядочные, образованные. Приличные люди с хорошей репутацией. Его звали Анджей. У наших семей было положение в обществе. Твой отец был сыном ближайшей подруги моей матери. Она была из обращенных евреек, замужем за католиком: если хочешь, можешь оставаться евреем, а можешь и нет – тебе решать. У тебя есть право выбора, а выбор, говорят, это единственная свобода. Мы были помолвлены и собирались пожениться. Мы бы и поженились, а Стелла меня оговаривает, чтобы освободиться от дерьма, что накопилось в ней самой. Твой отец не был немцем. Да, меня насильно немцем, и не единожды, но я была слишком больна и зачать не могла. У Стеллы ум от природы извращенный, вот она и придумала тебе в отцы какую-то сволочь, эсэсовца! Стелла все время была со мной, что я знаю, то и она. И в их бордель меня не отправляли. Никогда этому не верь, моя львица, моя снежная королева! От меня тебе лжи быть не может. Ты чиста. Мать – источник сознания, совести, основа бытия, как говорят философы. Тебе я никогда не скажу неправды. В других случаях, не отрицаю, я иду на обман – когда это необходимо. Не сообщай правды тем, кто ее недостойн. Стелле я говорю то, что ей нравится слышать. Мое дитя погибло. Погибло. Она всегда этого хотела. Она всегда к тебе ревновала. У нее нет сердца. Даже теперь она верит, что я тебя потеряла, а ты – ты живешь в Нью-Йорке у нее под боком, камнем можно добросить. Пусть думает что хочет; у нее, бедняжки, мозги набекрень; ты есть, и для меня это главная радость. Мой желтый цветок! Лепесток солнца!

Как удивительно было держать ручку: всего-то – отточенная палочка, струящая лужицы закорючек, ручка, изъясняющаяся – ну не чудо ли это! – по-польски. Замок, опирающий язык. В остальное время язык прикован к зубам и небу. Погружение в живой язык – и вдруг такая чистота, такая мощь, могучая способность создать историю, рассказать, объяснить. Обратить вспять, отсрочить!

Солгать.

Коробка с шалью Магды так и стояла на столе. Там, где ее оставила Роза. Она надела лучшие туфли, красивое платье (полиэстер, «не мнется» – на ярлыке внутри); причесалась, почистила зубы, налила на щетку дезинфицирующей жидкости, всосала ее через нейлоновую щетину, быстро прополоскала рот. Подумав, сменила трусы и лифчик: для этого нужно было снять платье и снова его надеть. Губы подкрасила слегка – растерла пальцем капельку помады.

Наведя красоту, залезла на коленях в кровать, упала ничком в простыни. Марионетка, погрузившаяся в сны. Затемненные города, надгробия, бесцветные гирлянды, черный огонь в сером поле, зверюги, насилюющие невинных, женщины с разверстыми ртами и мечущимися руками, и мамин голос зовет. Несколько часов мучений живыми картинами – и стало смеркаться; к этому времени она окончательно уверилась, что тот, кто сунул ее трусы к себе в карман, – преступник, способный на любую низость. Унижение. Разложение. Стеллины извращения!

Обратить вспять, отсрочить. В лифте ничего, в вестибюле ничего. Она шла опустив голову. Ничего белого нигде не мелькнуло.

На улице уже помигивали неонам сумерки. Скрипучая смесь жары с обволакивающей пылью. Мимо неслись машины – огромные пчелы. Для фар было еще рано: в низком небе соревновались две диковинные лампы – багровое солнце, круглое и блестящее, как желток с кровью, и шелково-белая луна с серыми венами горных цепей. Висели одновременно – по обеим сторонам длинной дороги. Накопившийся за день жар тяжелой штангой поднимался с тротуара. Ноздри и легкие Розы насторожились: пахло горелой патокой. На дороге ее трусов не было.

Вечерами в Майами никто не сидит в четырех стенах. Улицы запружены гуляющими и наблюдающими; все что-то ищут – бедуины, бродящие без дорог. Моросят дурацкие флоридские дожди – такие легкие, короткие, зыбкие, что на них и внимания не обращают. Неоновые буквы, узоры, картинки, так же мигающие сквозь внезапный дождичек. Вспышка молнии над одним из отелей с балконами. Роза шла дальше. Кругом идиш. Караваны старых пар, сцепленных локтями, ползли, петляя, к прохладе пляжей. Пески не знают отдыха: их месят, по ним ходят толпы народу; вечерами совокупаются под одеялами, под светящимся неонам низким небом.

Она никогда к пляжу и близко не подходила; с чего бы ее трусам оказаться в песках?

На тротуаре перед «Кошерной комеей Коллинза» ничего. Густой, манящий запах тушеной в сметане картошки. Трусам вовсе не обязательно оказаться в кармане Перски. На обочине покореженные мусорные баки, пустые. Трусы уже тлеют в куче пепла, среди почерневших консервных банок, очисток, полыхающих старых журналов. Или просто забыты, случайно не переложены из стиральной машинки в сушилку. Или переложены, но не вынуты. Недоглядела. Перски упрекнуть не в чем. Прачечная была заперта на ночь, железная раздвижная решетка перекрывала дверь и окна. На кой мародерам котлы и корыта? Собственность сбивает с толку, ведет не туда. Заставляет рушить свою жизнь. Что-то вроде самоубийства. Она убила свой магазин собственными руками. Ее больше заботили пропавшие трусы, чем бизнес. Стыд какой – ее словно выставили голой напоказ. Да что такое ее магазин? Берлога с барахлом.

На углу улицы, напротив прачечной, тесный, не больше киоска, магазинчик, где торгуют газетами. Возможно, Перски там и купил свою. А если он потом зашел и за вечерней газетой, с ее трусами в кармане, и выронил их?

Смешение нью-йоркских говоров. Магазин крохотный, без кондиционера.

– Дамочка, вы что-то ищете?

Газету? Миром Роза сыта по горло.

- Слушайте, здесь народу как сельдей в бочке, покупайте или выходите.
- Мой магазин был в шесть раз больше, – сказала Роза.
- Так и идите в свой магазин.

– У меня нет магазина. – Она снова все взвесила. Если кто-то хочет спрятать – спрятать, а не уничтожить – пару трусов, куда их засунуть? В песок. Свернуть и закопать. Она представила себе, как на промежность трусов давит песок, мокрый, тяжелый, еще жаркий. В ее комнате было жарко, жарко всю ночь. Воздуха нету. Во Флориде нету воздуха, только этот сироп, сочащийся в пищевод. Роза шла: она видела все, но фантазия, воображение словно отключились; она была никак не связана ни с чем. Подошла к калитке: за ней простирался крапчатый пляж. Он принадлежал одному из больших отелей. Засов открылся. У кромки воды можно было обернуться и увидеть вдоль всего берега черные зубчатые очертания. В темноту вонзались безжалостные зубы островерхих крыш отеля. Нельзя поверить, что мог найтись архитектор, которому доставляло удовольствие сочинять эти зубы. Песок только теперь начал остывать. Над водой дышало беззвездной чернотой небо; за ее спиной, там, где отели вгрызались в город, висело пыльное красно-бурое зарево. Облака грязи. Песок был усеян телами. Фотография из Помпеи: распростертые в вулканическом пепле. Ее трусы были погребены под песком, как кусок торса, обломок статуи – пах отъят, души нет – только чресла, чтобы было что пинать прохожему. Она сняла хорошие туфли – чтобы не попортить – и чуть не наступила на потные лица возлюбленных, слившихся в поцелуе. Два присосавшихся водоплавающих. То же самое повсюду, по краю каждого материка – что-то булькает, пенится, струится. Неотразимая женщина – та, у которой украли трусы, та, что собственными руками погубила свое дело, – она уж знает, как войти в море целомудренно. Горизонтальный туннель. Входишь ровно, и тебя подхватывает его тяга. Ночное море – оно такое простое, непредсказуем только песок с его сотнями нор, с тысячами склепов.

Она вернулась к калитке, но засов не поддавался. Хитроумное устройство – ловушка для непрошенных гостей.

Она подняла глаза – нельзя ли перелезть; но поверху шла колючая проволока.

Сколько сдвоенных холмов на песке. Вопрос – как выбрать подходящего стража, того, кто ее выпустит. Она вернулась на пляж, дотронулась покачивающейся туфлей до тела. Тело дернулось как от выстрела, вскинулось.

– Мистер, вы знаете, как отсюда выйти?

– Калитку открывает ключ от номера, – сказала второе тело, все еще распростертое на песке. Мужчина. Оба мужчины, стройные, присыпанные песком, обнаженные. У того, кто распростерся, было видно, какой орган набух.

– Я не из этого отеля, – сказала Роза.

– В таком случае вам здесь нельзя находиться. Это частный пляж.

– Не могли бы вы меня выпустить?

– Дама, будьте добры, отвалите, – сказал мужчина на песке.

Тот, кто стоял, рассмеялся.

– Если проход открыт... – не унималась Роза.

– Поверьте, дама, не для вас, – донеслось снизу.

Она поняла. Грязная шутка.

– Содомиты! – прошипела она и заковыляла прочь. Вслед – их смех. Они ненавидели женщин. А может, поняли, что она еврейка; они ненавидели евреев; но нет: на темном песке она разглядела обрезанную, желтую, как нарцисс, головку члена. У нее дрожали запястья. Заперта за колючей проволокой! Никто не знал, кто она, что с ней было, откуда она. Их калитки, их дикие хитрости с ключами, колючая проволока, мужчины, лежащие с мужчинами... Она боялась подойти к другим холмикам. Никто не поможет. Гонители. Утром ее арестуют.

Она снова надела туфли и пошла по бетонной дорожке вдоль забора. Та привела ее к свету, к голосам чернокожих. Окно. Густая пелена запахов: кухонные выхлопы, вентиляторы, гонящие ароматы супов наружу. Дверь, подпертая крышкой от молочной фляги. Метры и метры столов, плит, пароварок, холодильников, кофеварок, ларей, тазов. Кухня как в замке. Она проскользнула мимо чернокожих поваров в заляпанных кровью фартуках, по короткому коридору: тупик заканчивался лифтом. Она нажала на кнопку и стала ждать. Работники кухни ее видели, погонятся ли за ней? Она слышала их крики, но к ней они отношения не имели – они кричали: «Четверг, четверг!» На четверг не хватит молодого картофеля. Караул, не иначе, это чрезвычайное происшествие. Лифт отвез ее на первый этаж, в вестибюль; она вышла на свободу.

Вестибюль был как дворцовый зал. Посредине – настоящий фонтан. Вода бьет ключом из пастей изумрудно-зеленых дельфинов. По периметру – позолоченные херувимы. Крылатая русалка рассыпает золотые цветы из золотого кувшина. Высоченные растения – целый лес: пальмы, раскрашенные синим, серебром и золотом, в зеленых мраморных сосудах, – вдоль кромки фонтана. Вода выливалась в мраморный канал, ручеек внутри помещения. Километры королевского ковра, затканного окоронванными птицами. Прекрасно одетые мужчины и женщины сидели на золотых тронах с львиными лапами, курили. Позолоченный гомон. Как была бы счастлива Стелла погулять здесь! Роза держалась стен.

Увидела человека в зеленой униформе.

– Управляющий! – прохрипела она. – Мне надо ему кое-что сказать.

– Кабинет там. – Он мотнул головой в сторону стола красного дерева за стеклянной стеной. Управляющий в рыжем парике серьезно ставил какую-то отметку на фирменном бланке. У Перски тоже был рыжий парик. Флорида захлебывалась фальшивым огнем, пылающими фальшивыми шевелюрами. Что ни человек – обманщик.

– Мадам? – обратился к ней управляющий.

– Мистер, у вас на пляже колючая проволока.

– Вы остановились в нашем отеле?

– Я живу в другом месте.

– В таком случае вас это не касается, не так ли?

– У вас колючая проволока.

– Чтобы всякие подонки не лезли.

– В Америке нет места колючей проволоке на заборах.

Менеджер перестал делать отметки.

– Прошу вас уйти, – сказал он. – Будьте добры, уйдите, пожалуйста.

– Только нацисты держат невинных людей за колючей проволокой.

Рыжий парик склонил голову.

– Моя фамилия Финкельштейн.

– Тем более вам не следует терпеть такое!

– Слушайте, уходите отсюда, если не хотите неприятностей.

– Где вы были, когда мы были там?

– Уходите. Я пока что по-хорошему прошу. Пожалуйста, уходите.

– Плясали в вестибюле у бассейна, вот где. Съешьте вашу колючую проволоку, мистер Финкельштейн, проглотите и подавитесь!

– Идите домой, – сказал Финкельштейн.

– У вас на задах отеля – Содом и Гоморра! У вас там геи и колючая проволока!

– Вы незаконно проникли на наш пляж, – сказал управляющий. – Хотите, чтобы я вызвал полицию? Лучше сами уйдите. Прибыло несколько важных гостей, мы не можем допустить шума, а у меня на это нет времени.

– Ваши важные гости, они только и делают, что пишут письма. Конгрессы у них, – фыркнула Роза. – Клиническая социальная патология, так? У вас тут остановился доктор Граб?

– Прошу, уходите, – сказал Финкельштейн.

– Ну же, есть у вас доктор Граб? Нет? Я вам вот что скажу: не сегодня, так на днях он к вам заявится, он уже в пути. Он приезжает изучать объекты исследования. И я – важный объект. Это меня он будет опрашивать, Финкельштейн, а не тебя! Это меня исследуют!

Рыжий парик снова склонил голову.

– Ага! – воскликнула Роза. – Я поняла: у вас есть Граб! У вас их целая куча!

– Мы охраняем частную жизнь наших постояльцев.

– Охраняете колючей проволокой. Это Граб, да? Я вижу, что права! Это Граб! Граб остановился здесь, да? Ну, признайтесь, что Граб у вас! Финкельштейн, ээсовец, признавайся!

Управляющий встал.

– Вон, – сказал он. – Сейчас же убирайтесь вон. Немедленно.

– Не волнуйтесь, все в порядке. Я всегда держусь подальше. Граб мне не нужен. Хватит с меня всяких Грабов, можете не беспокоиться...

– Уходите, – сказал управляющий.

– Стыдно, – сказала Роза. – А еще Финкельштейн.

Просветленная, ликующая, очистившаяся, Роза прошагала мимо изумрудного блеска к освещенному навесу у выхода. «Отель Мари-Луиза» – зеленым неоном. Швейцар как британский адмирал, с золотыми галунами, низвергающимся с плеч. Они загнали ее в ловушку, чуть не поймали, но она сообразила, как вырваться. Надо кричать во весь голос, вопить. Так же она спасла Стеллу, когда ее загоняли на пароход в Палестину. Страха к евреям она не испытывала, иногда – это шло от матери, от отца – некоторое презрение. Тучи людей в Варшаве, отрезанные от величия настоящего мира. Окружение соответствующего рода. Перски и Финкельштейн. «Их» синагоги – с галереями для женщин. Примитив. Ее родной дом, ее воспитание – как она пала! Мерзкая народная сказка – про аристократку, превратившуюся в крохотного серого грызуна. Обломала зубы об отраву английского. Пустышки, вот они кто, ничего не знают. Ни о чем толком не думают. Стелла – та из принципа делает вид, что ни о чем не думает. Синяя полоска, колючая проволока, мужчины в объятиях мужчин... все, что было опасным, омерзительным, они сделали расхожим, пустяковым.

Потерялись. Потерялись. Нигде нету. Во всем Майами-Бич ни следа, на песке ни следа. Во всем диком, жарком, неоновом ночном городе – ни следа. В чьем-нибудь кармане.

Перски ее ждал. Сидел у стойки портье в рваном пластиковом кресле бурого цвета, нога на ногу, читал газету.

Увидел, что она вошла, и вскочил. Был только в рубашке и брюках, без галстука, без пиджака. По-свойски.

– Люблин Роза!

– Как вы здесь оказались? – спросила Роза.

– Где вы были весь вечер? Я уже несколько часов тут сижу.

– Я не говорила вам, где живу, – укорила его Роза.

– Я нашел в телефонной книге.

– У меня телефон отключен, я никого не знаю. Племянница – пишет, экономит на междугородных.

– Ну хорошо. Хотите правду? Я утром пошел за вами, вот и все. Просто прогулялся от своего дома. Крался за вами по улицам. Узнал, где вы живете, и вот я тут.

– Очень мило, – сказала Роза.

– Вам неприятно?

Она хотела сказать ему, что он под подозрением; пусть сначала покажет карманы пиджака. Честный соглядатай, преследующий женщин. Если не в пиджаке, значит, в брюках. Но сказать такое невозможно. Ее трупы у него в брюках. Вместо этого она сказала:

– Чего вы хотите?

– Свидания, – блеснул зубами он.

– Вы женатый человек.

– Женатый, да без жены.

– У вас есть жена.

– В некоторой степени. Она сумасшедшая.

– Я тоже сумасшедшая, – сказала Роза.

– Кто так сказал?

– Моя племянница.

– Откуда это знать чужому человеку?

- Племянница – не чужой человек.
- Мне родной сын чужой. Племянница – тем более. Идемте, у меня машина неподалеку. С кондиционером, прокатимся с ветерком.
- Вы не ребенок, я не ребенок, – сказала Роза.
- Мне вы этого не докажете, – сказал Перски.
- Я серьезный человек, – сказала Роза. – Не в моих правилах ездить куда глаза глядят.
- Кто сказал, куда глаза глядят? У меня есть на примете одно местечко. – Он задумался. – «Престарелые граждане». Отлично играют в безик.
- Меня это не интересует, – ответила Роза. – Мне ни к чему новые знакомства.
- Тогда в кино. Не любите новых фильмов, поищем старье. С Кларком Гейблом, Джин Харлоу^[1].
- Меня это не интересует.
- Поедем на пляж. Как насчет прогулки по берегу?
- Уже погуляла, – сказала Роза.
- Когда же?
- Сегодня вечером. Только что.
- Одна?
- Я кое-что потеряла и ходила искать, – сказала Роза.
- Бедная Люблин, что же вы потеряли?
- Свою жизнь.

Она сказала напрямик – не постеснялась. Раз уж ее трусы пропали, нечего перед ним сдерживаться. Роза представила себе жизнь Перски, до чего же она, должно быть, банальна: пуговицы, всякая мелочь, и сам он такой же. Было ясно, что он принял ее за такую же, как он, пуговицу, уже потрепанную, немодную, закатившуюся во Флориду. Весь Майами-Бич – коробка с никчемными пуговицами.

– Это значит, что вы устали. Я вам вот что скажу, пригласите-ка меня наверх. На чашку чая. Мы с вами побеседуем. У меня в запасе еще несколько идей – завтра мы кое-куда поедем, и вам там понравится.

Чудесным образом ее комната была готова: прибрана, вычищена. Все было разобрано: можно было увидеть, где кончается кровать и начинается стол. Порой бывал такой кавардак – все в кучу. Судьба прибрала ее комнату вовремя – к приходу гостя. Она занялась чаем. Перски положил газету на стол, а сверху поставил промасленный бумажный пакет.

– Крендели! – провозгласил он. – Я купил их, чтобы поесть в машине, но тут очень мило, уютно. У вас уютная комната, Люблин.

– Тесно, – сказала Роза.

– У меня другой подход. Все можно описать как плохое и как хорошее. Выбираешь хорошее – и получается лучше.

– Не люблю себе лгать, – сказала Роза.

– Жизнь коротка, нам всем приходится лгать. Скажите-ка, а у вас есть бумажные салфетки? Впрочем, они ни к чему. Три чашки! Вот удача; обычно у того, кто живет один, столько не бывает. Смотрите: с ванильной глазурью, с шоколадной. И две штуки без глазури. Вам больше нравится с глазурью или без? Какие симпатичные чайные пакетики, в них есть стиль. Ну, Люблин, видите? Все прекрасно.

Он накрыл на стол. И Розе этот угол комнаты показался другим, каким она его еще не видела.

– Не давайте чаю остыть. Помните, я вам утром говорил: чем горячее, тем лучше, – сказал Перски, радостно позвякивая ложечкой. – Так, давайте-ка освободим место на столе...

И положил руку, жирную от кренделей, на Магдину коробку.

– Не трогайте!

– В чем дело? Там кто-то живой? Бомба? Кролик? Что-то хрупкое? А, я догадался – дамская шляпка!

Роза прижала коробку к груди: она чувствовала себя мелкой, незначительной. Здесь все было несущественным, даже глубочайшие тайны бытия. Ей казалось, что ей вырезали самые важные органы и дали ей же в руки. Она дошла до кровати – три шага – и положила коробку на подушку. А когда обернулась, зубы Перски, как обычно, светились независимым блеском.

– Дело в том, – сказал он, – что сегодня вечером я от вас ничего и не ждал. Вам надо все взвесить, это я сразу понял. Вы мне напоминаете сына. Даже чашка чая от вас – это уже что-то, я мог и ее не получить. Завтра у нас будет настоящее свидание. Я ни о чем не расспрашиваю, ничего не требую. Я буду за главного, что скажете?

Роза села.

– Думаю, мне надо убираться отсюда, возвращаться в Нью-Йорк, к племяннице.

– Только не завтра. Меняйте свою жизнь послезавтра, а завтра вы поедете со мной. У нас шесть мероприятий на выбор.

– Что за мероприятия? – с сомнением спросила Роза.

– Доклады. Лекции для тонких натур вроде вашей. Кое-что повозвышеннее безика.

– Я не играю в карты, – признала Роза.

Перски огляделся.

– Книг я тоже не вижу. Хотите, свожу вас в библиотеку?

К горлу комом подкатила благодарность. Он почти понял, какая она, – незаурядная пуговица.

– Я читаю только по-польски, – сказала она. – Не люблю читать по-английски. Литературу нужно читать на родном языке.

– Нет, вы подумайте – литература! Польский – это вам не пяточок за пучок. И на деревьях он не растет. Люблин, вам надо приспособиться. Привыкайте!

– Я ко всему привыкла, – устало сказала она.

– Только не к обычной жизни.

– Моя племянница Стелла, – с расстановкой сказала Роза, – говорит, что у американских кошек девять жизней, а мы – мы даже не кошки, у нас всего три. Жизнь до, жизнь во время и жизнь после. – Она увидела, что Перски не понимает. И сказала: – Жизнь после – это сейчас. Жизнь до – это наша настоящая жизнь, дома, там, где мы родились.

– А во время?

– Когда был Гитлер.

– Бедная Люблин, – сказал Перски.

– Вы там не были. Знаете только по кино. – Она заметила, что ему стало стыдно; она давно обнаружила в себе способность пристыдить. – После, после – Стеллу только это и занимает. Для меня есть лишь одно время, никакого «после» нет.

Перски задумался.

– Вы хотите, чтобы все было как раньше?

– Нет, нет, – сказала Роза. – Этого не может быть. Я не верю в Стеллиных кошек. «До» – это сон. «После» – издевка. Остается только «во время». А называть это жизнью было бы ложью.

– Но ведь это осталось позади, – сказал Перски. – Вы прошли через это, теперь у вас долг перед самой собой.

– Так Стелла и рассуждает. Стелла... – Роза помедлила, подобрала слова. – Стелла потекает себе. Хочет выкинуть все из памяти.

– Иногда необходимо о чем-то забывать, – сказал Перски, – если хочешь хоть.

– Как-то жить? Как?

– Вы не в лагере. Все кончено. Давно кончено. Оглянитесь, вокруг вас люди.

– Кого я вижу, – сказала Роза, – так это кровопийц.

Перски замялся.

– А там... Они убили ваших родных?

Роза растопырила пальцы на обеих руках. Потом сказала:

– Я осталась. Стелла осталась. – Она подумала, может, найдутся силы рассказать ему? Про коробку на кровати. – Из вот стольких трое.

– Трое? – переспросил Перски.

– Есть доказательства, – быстро сказала Роза. – Могу показать.

Она взяла коробку. Чувствовала себя скалолазом на краю пропасти.

– Руки вытрите.

Перски послушался. Вытер руки в крошках от кренделей о рубашку.

– Откройте и посмотрите. Давайте же, возьмите то, что там лежит.

Она не колебалась. То, что мечтала сделать сама, она доверила чужому человеку, человеку с карманами, и знала почему. Чтобы доказать, что она чиста, как Мадонна. Допустим, у него были грязные стариковские мысли: пусть увидит ее истинной. Матерью.

Но Перски сказал:

– Как это вы насчитали три...

– Сами посмотрите.

Он снял крышку, достал из коробки листок бумаги и стал читать.

– Это, должно быть, от Стеллы. Можете выбросить, это все ерунда. Опять ругается, называет меня ненормальной...

– Люблин, вы – настоящая интеллигентка. Вот уж книга так книга. И не на польском. – Зубы у него клацали. – Хоть повод и печальный, но позвольте мне пошутить. Кто приехал в Америку: ваша племянница Стелла – это раз, Люблин Роза – это два, и мозги Люблин – это три!

Роза смотрела на него в упор.

– Я – мать, мистер Перски, – сказала она, – такая же, как ваша жена, в точности. – Она взяла листок, ладони горели. – Имейте хоть немного уважения, – призвала она к порядку его озадаченную пластмассовую улыбку. И прочла:

Уважаемая миссис Люблин!

Я взял на себя смелость послать Вам, в залог своего глубокого уважения, это бесценное исследование Хиджесона (о котором, как Вы можете помнить, я упоминал в первом письме, где объяснял суть вопроса), которое более или менее закладывает этологические основы построений, которыми мы руководствуемся. Уверен, что – в качестве подготовки к нашим беседам – Вы захотите на него взглянуть. Значительная часть нашей работы базируется на этих филогенетических озарениях. Язык может показаться Вам слишком специальным, тем не менее я уверен, что, получив этот том, Вы скорее развеете сомнения касательно профессиональности наших трудов и Вашего возможного вклада.

Особый интерес представляет глава шестая под названием «Образование оборонительной группы: Путь павиана».

Заранее благодарю,

Джеймс У. Граб, доктор философии

Перски сказал:

– Поверьте, я первого взгляда почуял, что это не от Стеллы.

Она увидела, что он держит то, что вынул из коробки.

– Дайте сюда, – приказала она.

Он прочитал:

– Автор – А.Р. Хиджесон. А название – тут черт ногу сломит: «Подавленное оживление: Теория биологической основы выживания». Я же говорил, черт ногу сломит. Это не то, что вы хотели?

– Дайте ее мне.

– Не хотели? Стелла вам послала то, чего вы не хотели?

– Стелла послала! – Она вырвала у него книгу – она и не предполагала, что та такая тяжелая, – и запустила ее в потолок. Книга рухнула в недопитую чашку Перски. Разлетелись осколки, брызги. – Как я разгромила свой магазин, так и Граба разгромлю.

Перски смотрел, как чай капает на пол.

– Граба?

– Доктора Граба! Граба-кровопийцу!

– Вижу, тут какое-то недоразумение, и хоть я тут и ни при чем, в нем участвую, – сказал Перски. – Вот что я вам скажу: доешьте крендели. Вам станет лучше, а я приду завтра, когда недоразумение разъяснится.

– Я не ваша пуговица, Перски! Ничья я не пуговица, даже если у них повсюду колючая проволока.

– Пуговицы пуговицами, а мне, пожалуй, пора пойти вызвать лифт. Завтра я вернусь.

– Колючая проволока! Вы забрали мое белье, думаете, я не заметила? Перски, вы вор, поищите в своих карманах!

Утром, умываясь – лицо опухло, кошмары хуже слез, нос побледнел, – Роза взяла полотенце, и из него вывалились пропавшие трусы.

Она спустилась вниз, к стойке портье, договорилась, чтобы включили телефон. Естественно, за него придется доплачивать, и Стелла начнет вопить. Ну и пусть, ей все равно нужен телефон.

У стойки же ей выдали посылку; на сей раз она исследовала обертку. Посылка была заказная, и пришла она от Стеллы. Вряд ли она и на этот раз попала впросак, но Роза была потрясена, силы ее покинули – будто вчера полыхал не Граб, а коробка с шалью Магды.

Она приподняла крышку, посмотрела на шаль и ничего не испытала. Перски тоже бы остался равнодушен. Бесцветная тряпка – то ли старый бинт, то ли использованная

повязка. Почему-то она не возродила Магду, как это бывало – живо, явственно, резко – как ударом тока. Она хотела дождаться, когда это ощущение придет само. Шаль чуть пахла слюной, но это была скорее игра воображения.

Под кроватью задребезжал телефон: сначала затренькал, а потом разразился настоящим звонком. Роза вытащила аппарат.

Голос кубинки произнес:

– Миссис Люблин, вы подсоединены.

Роза удивлялась, почему Магда так долго не оживает. Иногда Магда налетала вихрем, чуть ли не слишком быстро, и по Розиным ребрам изнутри молотили, звеня, медные молоточки.

Аппарат, который она так и держала в руках, снова зазвонил. Роза вздрогнула – словно запищала в руках резиновая игрушка. Как быстро возвращается к жизни мертвый предмет! Неуверенно, словно пробуя голос, Роза сказала:

– Алло!

Это была женщина, торгующая сковородками.

– Нет, – сказала Роза и набрала номер Стеллы. По голосу поняла, что Стелла спала. Со сна голос звучал не так зло.

– Стелла, – сказала Роза, – я звоню из своей комнаты.

– Кто это?

– Стелла, ты меня не узнаешь?

– Роза! Что-нибудь случилось?

– Может, мне вернуться?

– Г-споди, – сказала Стелла, – неужели это так срочно? Можно все обсудить в письмах.

– Ты писала, что мне следует вернуться.

– Я не миллионерша, – сказала Стелла. – В чем смысл твоего звонка?

– Граб здесь.

– Граб? Это что такое?

– Доктор Граб. Ты мне прислала его письмо, он за мной охотится. Я случайно узнала, где он остановился.

– Никто за тобой не охотится, – отрезала Стелла.

Роза сказала:

– Может, мне стоит вернуться и снова открыть магазин?

– Не говори ерунды. Это невозможно. С магазином покончено. Если ты вернешься, ты должна зажить по-новому, как здоровый человек. Хватит психозов.

– Такой роскошный отель, – сказала Роза. – Они швыряют деньгами как короли.

– Тебя это не касается.

– Граб меня не касается? Он богатеет на нашей крови. Зарабатывает престиж! Люди его уважают! Профессор с объектами! Он меня обозвал павианом!

– Ты вроде как должна выздоравливать, – сказала Стелла; она проснулась окончательно. – Гуляй. Не нарывайся на неприятности. Надень купальник. Общайся. Какая у вас погода?

– Тогда приезжай сюда, – сказала Роза.

– Г-споди! Да я не могу себе этого позволить. Думаешь, я миллионерша? И что бы я там делала?

– Мне не нравится жить одной. Тут мужчина украл мое исподнее.

– Твое что? – завизжала Стелла.

– Мои трусы. На улицах полно извращенцев. Вчера я видела, как двое мужчин голышом лежат на песке.

– Роза, – сказала Стелла, – если хочешь вернуться, возвращайся. Я тебе об этом писала, не отрицаю. Ну почему бы тебе не найти там что-нибудь интересное? Не работу, так, может, клуб какой-нибудь? Если это недорого, я и за клуб могу платить. Можешь найти какую-нибудь группу, можешь гулять, плавать...

– Я уже гуляла.

– Заведи друзей. – Голос Стеллы посуровел. – Роза, это междугородный разговор.

На этой самой фразе про «междугородный разговор» Магда вдруг ожила. Роза взяла шаль и обернула ей трубку – получилась как кукольная головка. Она поцеловала ее, прямо под Стеллины увещевания.

– До свидания, – сказала она Стелле, ей плевать было, сколько это стоит.

Вся комната была полна Магдой: она была как бабочка, сразу и в том углу, и в этом. Роза ждала – в каком возрасте окажется Магда: чудесно, шестнадцатилетней девушкой; расцветающие девушки движутся так быстро, что их блузки и юбки раздуваются воздушными шарами; в шестнадцать они всегда бабочки. Перед ней была Магда – вся в расцвете юности. На ней было платье – Роза носила его в старших классах. Роза обрадовалась: это было платье небесного цвета, умеренно-голубое, с черными пуговицами,

будто сделанными из круглых кусочков угля, они казались погасшими осколками звезд. Перски никогда не видал таких пуговиц, таких черных и таких блестящих, необычных, с неровными гранями – они были как кусочки настоящего угля из пласта с Земли или какой-то другой планеты. Волосы у Магды были по-прежнему желтые, как лютики, и такие тонкие и гладкие, что две заколки в форме фунтиков все время соскальзывали к подбородку, который очень украшал ее лицо, с другим подбородком оно было бы не таким выразительным. Нижняя челюсть была самую чуточку длинновата, овал лица продолговатый, поэтому рот ее и в особенности нижняя губа не теснились, а отлично распределялись на достаточном пространстве. Соответственно, рот выглядел столь же значительно, как небесное тело, застывшее посреди орбиты, и Магдины напоенные небом глаза, чуть ли не прямоугольные в уголках, выглядели как два услужливых спутника. Видела она Магду удивительно отчетливо. Она стала похожа на отца Розы, у него тоже было длинное овальное лицо, на нем первым делом бросался в глаза рот. Розу привели в восторг Магдины крепкие плечи. Она бы все отдала, чтобы поставить ее у мольберта, посмотреть, рисует ли она акварелью, или дать ей в руки скрипку, или шахматную королеву; она плохо себе представляла, каков у Магды ум в этом возрасте или есть ли у нее таланты, не знала даже, к чему ее влечет. К тому же она всегда относилась к Магде с некоторым подозрением – из-за наследственности со второй стороны, какой бы она ни была. На самом деле подозрения были не столько у Розы, сколько у Стеллы, и это приводило Розу в замешательство. От наследственности со второй стороны неизвестно было чего ждать, ее можно было даже опасаться. Угроза словно исходила от Магдиных волос, этих тонких светлых нитей.

Мое божество, мое богатство, мое тайное сокровище, мой рай, мой желтый цветок, моя Магда! Королева цветов и цветения!

Когда у меня был магазин, я обычно «встречала посетителей», и я хотела рассказать всем не только нашу историю, но и другие тоже. Никто ничего не знал. Меня это изумляло: как никто не помнит того, что случилось совсем недавно? Они не помнили, потому что не знали. Я имею в виду некоторые конкретные факты. Например, трамвай в гетто. Знаешь, они выбрали худшее место, жуткие трущобы, обнесли его стеной. Это был обычный жилой район с запущенными домами. Они запихнули туда полмиллиона человек – вдвое больше, чем там жило раньше. По три семьи, со стариками и детьми, в одну квартиру. Можешь представить такую семью, как наша, – моего отца, генерального директора Банка Варшавы, мою не знавшую невзгод мать с ее почти японской учтивостью и утонченностью, моих двух младших братьев, старшего брата и меня – всех нас, живших прежде в четырехэтажном доме с восхитительным чердаком (высунув руку из окна, можно было дотронуться до крыши; это все равно что затащить в дом весь зеленый веночек лета) – представь, нас заточили вместе с бесчисленными Московичами и Рабиновичами, Перски и Финкельштейнами, вместе с их вонючими дедушками и полчищами хилых детишек! Дети были полумертвые, вечно сидели в лохмотьях на коробках, глаза большие, веки гноятся, зрачки дико сверкают. Все эти семейства, не жалея сил, ходили вверх-вниз, кланялись, тряслись и раскачивались над ветхими молитвенниками, а их дети сидели на коробках и тоже выкрикивали молитвы. Они не умеют, так мы думали, противостоять беде, к тому же мы выходили из себя – точно такое же несчастье случилось с нами – мой отец действительно занимал высокое положение, а моя мать вела себя с такой утонченностью и достоинством, что люди кланялись ей машинально, еще не зная, кто она такая. Поэтому мы выходили из себя по всем поводам, но прежде всего потому, что были вынуждены ютиться с такого рода людьми, с этими еврейскими стариками из крестьян, у которых все силы уходило на ритуалы и предрассудки, которые каждое утро водружали на себя тфилин и те торчали на лбах рогом. И к тому же в отвратительной дыре, где сплошь помои и паразиты, с отхожим местом хуже, чем в тюрьме. Разумеется, мы были не того класса людьми, чтобы выходить из себя, но отец сказал братьям и мне, что мама этого не переживет, и оказался прав.

У себя в магазине я не всем про это рассказывала; у кого хватит терпения все это выслушать? Поэтому я обычно рассказывала кое-что отсюда, кое-что оттуда каждому посетителю. И если видела, что они торопятся – большинство торопилось, стоило мне начать, – я рассказывала только про трамвай. Когда я рассказывала про трамвай, никто даже не понимал, что он ездит по рельсам! Все думали, что это такой автобус. Так вот, рельсы-то они не могли выдрать и электрические провода не могли убрать, так ведь? Суть в том, что они не могли изменить маршрут трамвая, поэтому, понимаешь, и не стали этого делать. Трамвай проходил прямо посередине гетто. Они только построили над ним пешеходный мост для евреев, чтобы те не могли подойти к трамваю и укатить на нем в другую часть Варшавы. По ту сторону стены.

И вот что поразительнее всего: самый обыкновенный трамвай, громыхавший по самым обыкновенным трамвайным рельсам и перевозивший самых обыкновенных жителей Варшавы из одного конца города в другой, проходил прямо там, где мы бедовали. Каждый день, по несколько раз на дню у нас были, были свидетели. Каждый день они нас видели – женщины с продуктовыми кошелками; однажды я заметила высовывавшийся из кошелки пучок салата – зеленого салата! Я думала, у меня слюнные железы разорвутся – так мне хотелось этих зеленых листьев. А еще девушки в шляпках. Те, кто ездил в трамваях, были простыми людьми из рабочих, с не слишком грамотной речью, но считалось, что они лучше нас, потому что нас уже никто не считал поляками. А у нас, у отца, у матери, было столько красивых кувшинов на пианино, столько полированных столиков и копии греческих ваз, одна – настоящая археологическая находка, отец выкопал ее, когда подростком ездил в школьные каникулы на Крит, – она была вся склеена, и недостающие части узора, изображавшего воина с копьем, были замазаны красноватой глиной. А по стенам в коридорах и вдоль по лестнице у нас висели замечательные рисунки тушью, такие чудесные черные-пречерные линии, и такие точные, но только намеком. И при этом – особенно при нашем польском, родители говорили по-польски тихо, спокойно и так четко, что каждый звук попадал точно в цель, – людей в трамвае считали поляками – ну да, они и были поляки, этого я у них не отнимаю, хотя это они у нас отняли, – а мы поляками не были! Те, кто не мог прочитать ни строки из Тувима, не говоря уж о Вергилии, а не мой отец, чуть ли не половину «Энеиды» знавший наизусть. А тут я – как та женщина с салатом из трамвая. Все это я рассказывала в своем магазине, разговаривала с глухими. Как я стала как та женщина с салатом.

Роза хотела поподробнее рассказать Магде про кувшины и рисунки на стенах, про старые вещи в магазине, вещи, не нужные никому, поломанные стулья с резными птицами, длинные нити стеклянных бус, перчатки и изъеденные червями муфты, забытые в ящиках. Но она устала столько писать, хотя на этот раз она писала не ручкой как обычно, она писала внутри слепящего струящегося потока, и жуткий луч света выдалбливал словно клювом кровавую клинопись в ее мозгу. Тяжкий труд воспоминаний утомил ее, голова шла кругом, она проваливалась в сон. А Магда! Она уже убежала прочь. Прочь. Ее синее платье обратилось в крохотную точку в глазах Розы. Магда даже не осталась забрать письмо: теперь оно, незаконченное, догорало как зола, и все из-за того, что из-под кровати шел трезвон. Голоса, звуки, эхо, шум – Магда исчезала от любого шороха, была пуглива как привидение. В такие моменты она вела себя так, словно ей стыдно, и пряталась. Магда, любимая, не стыдись! Бабочка моя, я не стыжусь твоего присутствия: ты только приходи ко мне, приходи снова, если не сейчас, так потом, всегда приходи. Это были Розины тайные слова, но она держалась стоически, покорно, она никогда не говорила их Магде вслух. Чистая Магда, с головой, от которой исходит сияние.

Укутанный шалью телефон, молчаливый антрацитовый божок, так долго пребывавший в коме, – теперь, как Магда, оживавший когда ему приспичит, настойчиво

завопил. Роза дала ему пару раз звякнуть и услышала, как кубинка доложила – ишь ты, «доложила»! – о мистере Перски: подняться ли ему наверх или она спустится? Пародия на настоящий отель! – собственно, на «Марию-Луизу» с его фонтанами, золочеными тронами, колючей проволокой, горящим огнем Грабом!

– Он привык к сумасшедшим женщинам, так что пусть поднимется, – сказала Роза кубинке. И сняла с телефона шаль.

Магды там не было. Она застеснялась и убежала от Перски. Магда была далеко.

Í adiañā ñāí æeéñeíā

[1] Кларк Гейбл (1901–1960) и Джин Харлоу (1911–1937) – американские киноактеры, популярные в 1930-х годах.

Г. ЛЕЙВИК

Ààäàèé Áùì øèö

Поэт «не обязан» иметь яркую биографию, но если биография все-таки «случилась», то она обязательно отразится в его творчестве.

Трагическая биография Г. Лейвика (настоящее имя Лейвик Галперн или Гальперин, 1888–1962) «обеспечила» его материалом для творчества, наверное, больше, чем любого другого из поэтов его поколения. Он родился в местечке Игумен (ныне Червень) Минской губернии, в бедной, но родовитой, образованной и очень религиозной семье. С 1901 до 1904 года будущий поэт учился в ешиве в Минске и в том же 1904 году стал активным членом Бунда. Первый раз его арестовали в 1905 году, но как несовершеннолетнего освободили от ответственности. Еще через год молодой бундист был снова арестован и провел два года под следствием. На суде он отказался от адвоката и выступил с пламенной революционной речью. Приговор был очень суров: четыре года каторжной тюрьмы и бессрочная ссылка в Восточную Сибирь. Тюремный срок Лейвик отбыл в Бутырках, затем был препровожден на поселение в Витим (Якутия). В 1913 году он бежал из ссылки, пешком и по рекам добрался до железной дороги, пересек Россию, нелегально заехал проститься с родителями в родное местечко, перешел границу и добрался до Нью-Йорка. Там он провел большую часть жизни. Ссылке и побегу посвящена первая книга стихов поэта, а к теме тюрьмы он возвращался на протяжении всей своей жизни.

Первые стихи (на иврите) Лейвик написал еще в ешиве, затем в минской тюрьме (на идише) – стихи и драматическую поэму «Цепи Мессии». Попав в Нью-Йорк, Лейвик сблизился с кругом «Молодых», среди которых тогда был и Мойше-Лейб Галперн, приехавший в Нью-Йорк пятью годами раньше. «Новому» Галперну пришлось взять псевдоним: сократить фамилию до инициала и сделать из имени фамилию. Так появился поэт Г. Лейвик.

В 1926 году Лейвик посетил СССР. Визиты зарубежных еврейских писателей в Советский Союз не были редкостью в те годы, но мало кого из них встречали с таким почетом, как Лейвика – борца с царизмом и политкаторжанина. В Москве и Киеве вышли сборники его стихов, в Киеве – книга путевых очерков. Лейвик, хотя и публиковал свои стихи в американской коммунистической газете «Фрайхайд», воспринял увиденное в СССР без энтузиазма. Впоследствии, в 1929 году, когда Коминтерн после еврейских погромов в Хевроне занял проарабскую позицию, он, как и многие другие американские еврейские писатели, порвал с коммунистами. Не соблазнившись ролью «лучшего и талантливейшего» советского еврейского поэта, на которую вполне мог бы претендовать, Лейвик вернулся в США к тяжелой, нищей жизни американского еврейского литератора.

Лейвик, как и другие американские еврейские поэты его поколения, не мог зарабатывать литературным трудом, несмотря на то что его стихи охотно печатали, а пьесы широко ставили. Он работал сначала рабочим на фабрике, потом – обойщиком и расклейщиком афиш. В середине 1930-х годов у него произошло обострение старого тюремного туберкулеза. Умиравшего поэта увезли в горный санаторий в Колорадо. Увиденное в туберкулезной больнице стало темой многих пронзительных стихотворений.

В послевоенные годы Лейвик становится фигурой национального масштаба. Он написал поэмы и стихи о Холокосте, дважды посетил Израиль. Его произведения были включены в хрестоматии для еврейских школ. Незадолго до смерти Лейвик пишет воспоминания о царской тюрьме и каторге, в которых показал себя мастером психологической прозы.

Особое место в творчестве Лейвика занимает драматургия. Он автор множества пьес в стихах и прозе. Наиболее известна из них драматическая поэма «Голем» (1921), поставленная в 1925 году в переводе на иврит театром «Габима». Эта вторая постановка «Габимы» прославила ее почти так же, как и первая, «Дибук».

«Голем» Лейвика – типичный пример движения за грань привычного в литературе, за грань нашего читательского опыта. Прежде всего обращает на себя внимание то, как написана поэма. Это вольные белые ямбы, преимущественно длинные и очень длинные (5–7, иногда 8 стоп) и, что удивительно, вовсе лишённые цезуры. Аналогов этим ямба́м в русской поэзии нет. Странный, но всегда точно выверенный ритмический рисунок, построенный на том, что «длинные» ямбы неожиданно перемежаются короткими, или вовсе фрагментами белого амфибрахия или хорей, или, наконец, сложно организованными, строгими рифмованными стихами – понятно, что и через восемьдесят лет после своего появления на свет «Голем» выглядит текстом совершенно ни на что не похожим. В последние годы это важнейшее сочинение Лейвика стало доступно также русскому читателю^[1].

Где-то там вдалеке

**Где-то там вдалеке
Край лежит заповеданный;
В синеве, в серебре
Цепи гор неизведанных;
Где-то там в глубине,
В толщах недр неразведанных
Клад заветный нас ждёт,
Клад, забвению преданный.**

**Где-то там вдалеке
Горе гложет колодника,
Над его головой
Гаснет солнце холодное.
Где-то путник бредет
По снегам неизведанным;
Не найти ему путь
В этот край заповеданный.**

Перевод Александры Глебовской

На дорогах Сибири

**На дорогах Сибири
Найдет кто-нибудь лоскуток от рубашки,
Ботинок разорванный мой,
Обрывок ремня и осколок от глиняной чашки,
Страницу из Книги Святой.**

И на реках Сибири
Найдет кто-нибудь мою вешку, разбитый,
Когда-то затопленный плот,
Кусок заскорузлый бинта, моей кровью
залитый,
И след мой, впечатанный в лед.

Перевод Исроэла Некрасова

Из драматической поэмы «Голем»

Вечность
Старая, не спи.
Покачайся
На цепи.

Звенья, звенья –
И шаги
Превращаются
В круги.

Дни, мгновенья,
Целый век,
Сумрачный
Уймите бег
И сразитесь
Наконец
С цепью
Из моих колец.

Я один.
Мечта, не спи.
Покачайся
На цепи.

Перевод Валентины Федченко

Конец света

Мир кончается здесь, за порогом моим,
Смерть стоит за порогом моим.

Или я, или ты, или солнце сверкнет
На стекле и исчезнет за ним.

Пусть небесный огонь уничтожит весь мир,
Но стоять будет вечно мой дом,
Если я не покину своих верных стен,
До тех пор, пока я буду в нем.

Полыхает огонь, дым клубится вокруг,
Но ему не коснуться меня:
Я по комнате буду спокойно шагать,
Освещенный сверканьем огня.

Только скучно ходить мне туда и сюда

В ярко-красном сверканье огня.
Занавески задернув, улегся я спать
На закате горящего дня.

Всё, когда я проснулся, сгорело дотла,
Люди и города сожжены,
Я остался один, и остались со мной
Моих верных четыре стены.

Я пошире все окна и двери открыл,
Дом надежный покинул я свой:
Никого, ничего, только ветер гудит,
Заметая дорогу золой.

Я иду, но не знаю, зачем я иду,
И тогда я поднял уголек,
И раздул, и поднес его к дому, и сам
Свои верные стены поджег.

Я смотрел, как валилась стена за стеной,
Свет последний погас на земле;
Я не связан ничем, и, свободный совсем,
Я уснул на остывшей золе.

Перевод Исроэла Некрасова

Святая песнь о святом бакалейщике

Святой бакалейщик почил,
И лавка святая закрыта,
Святой прохутился настил,
Святое ржавеет корыто.
Святые селедки навзрыд
В святом маринаде рыдают,
Кран в бочке святой не закрыт,
Святой керосин подтекает.

А весы-то святые
На прилавке святом –
Плачь, плачь, плачь,
Не колышутся ночью,
Не колышутся днем,
Плачь, плачь, плачь.

На полках святых, там, где пыль,
Где миски святые и плошки,
Танцуют святую кадрили
Святые крысиные ножки.
И эхом святая кадрили
В святые укосины бьется;
И вдруг – сквозь святую ту гиль –
Надгробная песнь раздаётся:

Здесь я прежде, бывало,
Скарб святой покупал –
Плачь, плачь, плачь,

Где ж мне нынче потратить
Свой святой капитал –
Плачь, плачь, плачь.

Святой посылает нам свет,
Святая всевышняя сила,
Все скорбно ступают вослед
Святых погребальных носилок,
Святая коробка стучит,
И слышно рыданье святое –
Святой бакалейщик почил,
И тело уносят к покою.

И святую лопату
Крепко держит рука –
Плачь, плачь, плачь,
Рядом с ямой святою
Холм святого песка –
Плачь, плачь, плачь.

Перевод Александры Глебовской

Еще один сосед умер

Над миром зимы пелена,
С самим собою беседа:
Мне смерть своя не страшна,
Куда страшнее мне смерть соседа.

Без дела я маюсь с утра;
За рифмы возьмусь – все не худо.
Я спрашиваю у пера:
Ты знаешь, кто мы и откуда?

Ты знаешь, что рядом, сейчас
Сосед умирает в больнице?
А может, смертный наш час –
Шаг к жизни на новой странице?

Ответа нет у пера,
Бессмысленна наша беседа.
Меж тем – что? когда? где? пора? –
Уносят отсюда соседа.
Раскрытая стынет постель,
Всё, вынесли за переборку:
У нас тут есть длинный туннель,
Ведущий к больничному моргу.

Туда, через черный туннель,
Увозят быстро и споро,
Быстрее, чем вопросов метель
Заносит тропу разговора.

И вот – что? когда? где? пора? –
Сосед уже в морге больничном,
А рифмы все льются с пера:

Больничном – привычном – безличном.

**Рассвет. Зимы пелена.
Все длится с собою беседа:
Мне смерть своя не страшна –
Страшнее холодная койка соседа.**

Перевод Александры Глебовской

Врата, отворитесь

**Врата, отворитесь,
Порог, дай понять:
В узилище узком
Стою я опять.**

**Плоть моя – пламя,
Лоб мой – во льду,
Несу на плечах я
Ношу-беду.**

**«Здесь нечего, нечего
Трогать. Смотреть».
Губам прошептавшим
Сгорать – и сгореть.
Кто в прошлом остался?
Где мера потерь?
Для вечных вопросов
Не время теперь.**

**В пламя и искры
Одетый простор
И льдистые искры
Над пиками гор.
К ногам твоим брошу
Ношу-беду,
Страна Колорадо
В снегах и во льду.**

Перевод Александры Глебовской

Дарвин

Читаю Дарвина, листаю толстый том,
Вокруг от йода воздух ядовит,
И пахнет градусником, хлоркой, молоком,
Так тихо, что от тишины в ушах звенит.

От страха и сомнений – ни следов,
Теперь понятна каждая деталь,
И вот, себя покинув, я готов
Отправиться в неведомую даль.

Сам Дарвин, добрый дедушка, ко мне
Пришел и достает подарки из мешка;
День пролетел. В вечерней тишине
Мне предок лапой по щеке провел слегка.

Приятны мне касание когтей,
Твой мех курчавый, рыжий и густой;
Мой предок, обними меня скорей
И уведи к своей норе, домой.

Далекий предок мой, орангутан!
Я заблудился здесь, в чужом краю.
По джунглям наших милых, дальних стран
Свою тоску всем сердцем я пою.

Как счастливы мы были в те года!
Мой папа, зацепившийся хвостом,
Нам всем орехи с дерева кидал
И весело отплясывал потом.

А я был первенцем, любимцем всей семьи,
Я – самый старший из малюток-обезьян,
Всех восхищали выходки мои,
Когда резвился я среди лиан.

Вот я за ветку ухватился и повис,
Вот с папой я на дереве, а вот
Я неожиданно слетел по веткам вниз
И прыгнул к маме прямо на живот.

Мне так тепло, так сладко, так легко,
Глаза закрою, обниму тебя,
И мама, нежно обхватив рукой,
Укусит меня за ухо любя.

Так тихо в нашей солнечной стране,
И крепче я хочу тебя обнять,
И сколько радости живет сейчас во мне,
Пока моим братишкам не понять.

Спасибо, добрый Дарвин, что принес
Привет от предков с пальмы в наши дни,
Спасибо за банан и за кокос –

Чудесные подарки от родни.

Ты указал из джунглей путь сюда.
Я чувствую твой удивленный взгляд,
Но может, милый, добрый сэр, тогда
Тебе известен также путь назад?

Мне здесь не нравится, мне этот мир не мил,
Я сам себе чужой уже давно,
Иду вперед, но не хватает сил,
И на груди – кровавое пятно.

Мохнатый предок мой, возьми скорей
Меня в свой мир бананов и лиан!
Я бросил царство лестниц и дверей,
И снова я твой сын – орангутан.

Перевод Исроэла Некрасова

Я не скажу

Я не скажу, что жизнь моя пропала,
Но резкий ветер яблоню сломал,
И яблоки, нападавшие с веток,
В корзину сторож подобрал.

Я не скажу, что жизнь моя – ошибка,
Но по канату через пустоту
Канатоходец, песню напевая,
Легко идет вперед, как по мосту.

Я не скажу, что это – сновиденье,
Но всадник, мир объехав на коне,
В конце концов вернется к колыбели
В своей давно покинутой стране.

Я не скажу, что жизнь моя заходит,
Но волны моря пламенем горят,
Когда в них солнце вечером садится
И зажигает огненный закат.

Перевод Исроэла Некрасова

[1] Г. Лейвик. Голем / Пер. с идиша И. Булатовского, В. Дымшица, В. Федченко // Полвека еврейского театра. М., 2003.

ЛАЛА

Д'и а'и Е'а'и о

Как моя любимая собака Лала добралась до нашего дома, и по сей день остается для меня загадкой.

Помню, как мы вместе с братьями и сестрами – а нас было четверо, – не переставая говорили о том, как хорошо было бы иметь свою собаку, но не верили, что это когда-нибудь случится. И вот однажды, в самом начале тридцатых годов, когда мы вернулись домой из школы, нас поджидал сюрприз. Кто-то услышал наши молитвы: мама принесла в дом очаровательный золотистый пушистый комочек. Для нас, детей, это был самый счастливый день. Щенка мы назвали Лалой.

С первой же минуты, как я ее увидел, мое сердце затрепетало от радости. Играть и бегать с ней вокруг дома было райским наслаждением. Однако идиллия продолжалась недолго, а потом мама стала ворчать, что Лала портит ковры. И мама, и все мы как-то упустили из виду, что собак надо учить справлять свои естественные потребности и что обучение это требует времени и усилий...

Каждый раз, возвращаясь домой из школы, я с радостью предвкушал момент, когда в дверях меня встретит Лала, с нетерпением ожидавшая, что я начну с ней играть. Но однажды щенок не выбежал мне навстречу. Я тотчас же отправился на поиски Лалы, решив, что она, вероятно, прячется где-то на фабрике, по другую сторону улицы. Объяснение мамы поразило меня. Мама призналась, что решила отдать щенка прежним хозяевам, поскольку он был необученным.

Мы немедленно разработали план действий. Мы были тогда еще детьми и не вполне понимали значение слова «забастовка». Недолго думая, мы все четверо решили, что, только действуя сообща, сможем вернуть нашу Лалу.

Мы плакали, отказывались от еды, перестали делать уроки, иными словами, испробовали все средства, какие были в нашем распоряжении. В сплоченности была наша единственная надежда вернуть Лалу.

Мама сдалась довольно быстро, да и какая мать выдержит длительное сопротивление своих детей? Через несколько часов она попросила хозяйку вернуть нам собаку... Вот так Лала вернулась к нам в дом и с этого момента окончательно вошла в нашу семью.

Мои родители, особенно мама, не сразу приняли Лалу, но в конце концов и они не смогли устоять перед ее очарованием. Отец обожал ее, она платила ему взаимностью. Удивительно, как такое маленькое существо стало нашим близким другом и изменило нашу жизнь.

Лала всегда стояла на балконе, когда мы возвращались из школы. Она прыгала от радости, когда мы открывали дверь. И тотчас же начинала вилять хвостом, облизывать наши руки и лица. Постепенно мы выдрессировали Лалу, и мама признала ее полноправным членом нашей семьи.

Через год стало очевидно, что не мы одни любили Лалу, обожали ее и соплеменники. Доказательством этому были чудесные маленькие золотистые щенки, которых Лала производила на свет после каждого нашего приезда с летних каникул.

Разумеется, дети хотели, чтобы щенки жили в доме вместе с Лалой. Но здесь мама оказалась непреклонной. Она решила, что, пока Лала выкармливает своих щенков, она должна жить с ними на фабрике по другую сторону улицы. Это было совсем не трудно для умницы Лалы, которая постоянно бегала взад-вперед между нашим домом и фабрикой и таким образом жила на две семьи. В том, какой она была смысленной, мы имели случай убедиться, когда один из ее щенков оказался слабее других и проигрывал в борьбе за молоко с более сильными щенками. Тогда Лала придумала другой способ выкармливания малыша. Чтобы голодному щенку наверняка доставалось молоко, она приносила его в зубах в наш дом и там кормила отдельно. Когда щенок наедался, Лала опять брала его за загривок и переносила обратно на фабрику, к братьям и сестрам. Разумеется, ей не было дела до того, что при переходе улицы она задерживает дорожное движение – в то время основным видом транспорта были конные повозки...

Время летело быстро, и Лала без особого труда приспособилась к городской жизни в Лодзи и к деревенской в Поддембе, куда мы ездили на каникулы. Когда началась война и нас по решению суда выселили из дома, она легко привыкла к жизни в тесных фабричных помещениях. Я думаю, с ее точки зрения, это было гораздо удобнее, ведь теперь ей не надо было перебегать улицу, чтобы заботиться о своем семействе.

Наконец настал день, когда мы должны были покинуть наше маленькое жилище возле фабрики и переселиться в гетто, которое немцы открыли в северной части города. Это время запомнилось мне особыми отношениями между детьми и собакой, которую мы все обожали. Поэтому теперь мне хотелось бы вернуться в те годы, когда у меня самого уже были дети.

С любопытством, присущим их ровесникам, мои дочери в какой-то момент стали расспрашивать меня о том, что мне довелось пережить в страшные годы немецкой оккупации. Из всех историй о моем военном детстве самой любимой, которую дети просили меня повторять снова и снова, была история о нашей собаке Лале. Дочкам она настолько понравилась, что несколько лет тому назад они решили ее записать, чтобы когда-нибудь рассказать своим детям.

Итак, нас было четверо детей, а с Лалой, к которой мы относились как к сестре, – пятеро. Часто собака была для меня даже важнее братьев и сестер. Лала добилась почетного положения в семье благодаря своему терпению, уму и дару выражать сострадание. Она всегда выслушивала мои жалобы и принималась лизать мне руки и лицо и вилять золотистым хвостом.

Чем дальше шла война, тем более жестоко немцы обращались с евреями. Когда мы узнали, что в течение нескольких дней обязаны оставить наше жилище рядом с фабрикой и переехать в гетто, для нас четверых, уже к тому времени подростков, встал вопрос: что делать с Лалой? Наша Лала, как это обычно происходило в конце лета, родила четверых хорошеньких золотистых щенков, похожих на нее как две капли воды. Но как забрать это собачье семейство в гетто? Дети умоляли взять всех с собой, но родители были против. В конце концов мы настояли на своем, и родители придумали, как быть. Лалу вместе с ее потомством взял до времени на попечение фабричный сторож Казимеж и пообещал нам найти способ переправить ее в гетто.

Наконец настал день, когда мы больше не могли откладывать переезд. Мы узнали, что после определенной даты гетто будет закрыто, и если нас схватят за его пределами, то отдадут на милость немцам. Неохотно покинули мы свое уютное жилище рядом с фабрикой и присоединились к исходу в гетто, размышляя о том, что нас ожидает в этом закрытом районе города. На дворе стоял унылый март, обычный для польской весны: все четыре времени года словно слились в одно. Помню, как мы шли пешком несколько километров под ледяным дождем со снегом, помню грязь и слякоть за порогом гетто. Мы все время размышляли о том, что нас тут ожидает и с чем предстоит расстаться. Уставшие, промокшие и испуганные враждебным окружением, втиснутые вшестером в одну комнату, мы старались как-то приспособиться к новой жизни.

В ту ночь мы были слишком возбуждены и не могли заснуть. Пока родители приглушенными голосами разговаривали о чем-то со своими друзьями, мы обсуждали, когда и как тайком переправить Лалу в гетто. В конце концов усталость взяла свое, и мы заснули, так ничего и не придумав.

Поздно ночью, когда воцарилась мертвая тишина и на землю спустилась черная как смоль мгла, нас неожиданно разбудил какой-то шум за дверь. Родители замерли в ожидании наихудшего. Но мы, охваченные добрым предчувствием, вскочили с кровати и закричали: «Лала, тут Лала!»

Нужно было видеть эту сцену: четверо детей, бегущих наперегонки, чтобы открыть двери и впустить Лалу. Ну и видок же у нее был! Ее длинный золотистый мех был весь мокрый, в комьях снега и грязи. Она дрожала, как осенний лист, и выглядела

совершенно изможденной. Однако в тот момент, когда мы отворили дверь, она тут же завиляла хвостом. Не прошло и мгновения, как ее язык уже вылизывал наши лица.

Каким образом собака, которая не имела понятия о том, где мы находимся, смогла преодолеть такое огромное расстояние и найти нас там, где прежде никогда не была? Не иначе как чудом, другого объяснения у нас не было.

Утром Лала от нас ушла, но мы знали, что она отправилась обратно на фабрику, чтобы покормить своих щенков. Целый день я, мои братья и сестры думали только об одном: вернется ли Лала к нам опять сегодня ночью?

Спустя несколько недель мы стали свидетелями необычного явления. Иногда посреди ночи, когда все уже спали, мы слышали, как Лала скребется в дверь, прося, чтобы ее впустили. Утром повторялся тот же ритуал, но только наоборот. Мы выпускали Лалу, чтобы она могла побыть со своими детенышами. Лала жила на две семьи: свою родную, со щенками, и приемную, то есть с нами. Эта маленькая собачка была наглядным свидетельством того, что любовь сильнее ненависти и что никакое оружие, колючая проволока и немецкие патрули не могут помешать выражению этого чувства.

Любовь... Именно Лале я обязан открытием истинного значения этого слова.

Для Лалы не имело значения, жили мы в нашем уютном доме, тесном помещении на фабрике или же в унылой комнате в гетто. Быть вместе со своей приемной семьей – вот единственное, что для нее имело значение. Через несколько месяцев, когда ее щенки были розданы, Лала перебралась в гетто и осталась с нами насовсем.

Она никогда не жаловалась на тесноту и недостаток корма. Мы делились с ней всем, чем могли, а она была счастлива и никогда не роптала. И, как всегда, когда мы уходили из нашей комнаты, а потом возвращались, Лала встречала нас с радостью, постоянно вертелась вокруг нас, облизывала наши лица и виляла хвостом...

Однако рано или поздно этому должен был прийти конец, ибо немцы считали своим долгом проявлять беспощадность не только к евреям, но и ко всему, что имело к ним отношение. Каждый день они придумывали новые способы унижить нас и сделать нашу жизнь еще более невыносимой. Однажды, к нашему огромному огорчению, мы прочитали указ, согласно которому все «жидовские псы» подлежали передаче немецким властям.

Мои братья и сестры, я и наши родители отнеслись к этому указу с недоверием, он вызвал в нас боль и негодование. Мы не хотели верить своим глазам. Как такое возможно? Что они имеют против нашего чудного питомца? Приглушенным голосом мы, наши родители и некоторые из наших друзей стали обсуждать, как спасти Лалу. Все собаки, живущие в гетто, подлежали регистрации, и у немцев не было оснований обвинять нас в нарушении закона. Однако невыполнение немецких распоряжений грозило весьма суровым наказанием. Медленно, но неизбежно приближался день прощания с Лалой, и стало очевидно, что ее заберут от нас навсегда.

Обычно Лала обожала прогулки. Все, что нужно было сделать, так это кликнуть ее по имени и крикнуть: «Пойдем гулять!» В ответ на это она приносила поводок, шла к двери, и мы отправлялись на прогулку. В тот памятный день ничего этого не произошло.

Лала инстинктивно чувствовала, что что-то не так. Она пряталась под кроватью, в самом дальнем углу, и никакие уговоры, никакие просьбы не могли заставить ее выйти из укрытия. Я заглянул под кровать и увидел, что она лежит, свернувшись в клубок, и дрожит, как в ту первую ночь, когда пришла к нам в гетто. Пришлось отодвинуть кровать, чтобы до нее добраться, но и тогда она не захотела встать и выйти на прогулку. Нам ничего не оставалось делать, как поднять ее и на руках отнести в условленное место, и там ее у нас отобрали.

Самые страшные дни, которые мне довелось пережить, были еще впереди, но этот эпизод стал для меня самой большой жизненной утратой. Утрата дома и переезд в гетто были лишениями материальными. Потеря же Лалы была для меня равнозначна расставанию с самым близким членом семьи.

Мы так больше и не увидели нашей любимой Лалы. Однако она навсегда осталась жить в моем сердце, в сердцах моих детей и внуков, и я надеюсь, останется в сердцах всех тех, кто прочитал эту маленькую историю.

Ī āāāā āī īēūēīā Āī ēōōēū Āāēāī īāēīā

ВОСПОМИНАНИЯ

Из маленького Тель-Авива в Москву и обратно

Éäÿ Ööäöòì àí-Í äéöäí

Лея Трахтман-Палхан родилась в 1913 году в городке Соколивка на Украине. В 1922 году она прибыла с семьей в Палестину, но через девять лет была выслана английскими властями за участие в подпольной коммунистической молодежной организации. В Москве работала на ЗИЛе, окончила рабфак, затем поступила на исторический факультет МГПИ. По возвращении из эвакуации работала заведующей детским садом, преподавателем английского языка, переводчиком в патентном бюро. В 1956 году она навестила родных, оставшихся в Тель-Авиве, а в 1971 году репатрировалась с семьей в Израиль, где преподавала иврит новоприбывшим. В 1983 году она вышла на пенсию.

Книга воспоминаний Леи Трахтман-Палхан «Из маленького Тель-Авива в СССР и обратно» готовится к выходу в издательстве «Мосты культуры / Гешарим». «Лехаим» предлагает своим читателям фрагменты «палестинских» глав из этих мемуаров.

Лея Трахтман-Палхан в Израиле. 1956 год

* * *

Мой дедушка Таратута был «митнагедом», то есть противником хасидов. Он считал, что в Стране все некошерное. Он не ел мясо, так как резники были из хасидов. Он не давал нам стирку, так как, по его мнению, нельзя было стирать «некошерным» мылом. Я приносила ему еду, которую готовила мама. Мы жили на Левински, далеко от него. Как-то я увидела, как он кипятит свое белье в маленьком котле на костре во дворе перед баракком, где он жил. Я просила, чтобы он дал мне постирать ему. Он отказался и сказал, что нельзя стирать мылом: «В этой стране все некошерно». Дедушка, которого все смущались, остался одиноким в большом бараке. Никто не смел даже жениться против его воли. Я знаю, что у мамы был любимый человек в местечке. Он был учителем. Но дедушка сказал, что он «эпикойрес», и не дал своего согласия на брак. Юноша оставил местечко и уехал в Америку, а мама вышла замуж за папу через сваху.

* * *

Членов коммунистической партии в народе называли «мопсами» по заглавным буквам названия партии на иврите. Население ненавидело коммунистов: ведь они отрицали сионизм, выступали против напряженной, самоотверженной деятельности

лучших сынов нашего многострадального народа по пути к воссозданию еврейского государства на его исторической родине.

И вот пришел день образования детской коммунистической группы при комсомоле в подполье. Барух и Ривка ввели нас, девочек четырнадцати лет, в коммунистическое подполье. Я по сей день не могу понять, как они могли поступить с нами таким образом: где было их чувство ответственности по отношению к нам, к нашим родителям? По-видимому, они сами были тогда слишком молоды и малоопытны, чтобы осознать, что же они делают. Что означало тогда принадлежать к коммунистическому подполью? Это означало страдать от преследования британских властей, от полиции, еврейского населения и его учреждений, от презрения и ненависти окружающих.

Во время моего визита в 1956 году у меня было большое желание повидаться со всеми старыми знакомыми. Ривка работала тогда не в своем кибуце, а инспектором школ народного образования. Я узнала у ее сестры, когда она бывает в тель-авивском бюро Министерства образования, и пришла повидаться с ней. Ведь она меня когда-то любила и называла ласковым именем Лейчик.

Увидев меня, Ривка онемела от испуга: она подумала, что я пришла «взыскать с нее долг». Я спросила: «Ты меня не узнала?» Она была настолько смущена, что разговор между нами так и не состоялся. В дальнейшем она несколько раз приглашала меня в свой кибуц через свою сестру Юдит (мою одноклассницу), объясняя, что не поняла причину моего визита.

Однажды после моего возвращения в Страну я пришла в ее дом в кибуце Ашдод-Яков. Ривки не было дома, но мы застали дома ее старшего сына, очень похожего на нее, с его детьми. Он знал всю нашу историю: имя мое было ему знакомо по рассказам матери. Я думаю, что Ривка всю жизнь мучилась угрызениями совести: она, выйдя замуж за кибуцника, отошла от коммунистической деятельности, а нас, девочек, оставили в подполье.

* * *

Учителя решили не уступать нас коммунистам. Все видные педагоги, среди которых были не только наши преподаватели, мобилизовались для бесед с нами. Беседы проводились для всего класса, и мы почти не учились. Все уроки были посвящены тому, чтобы вернуть нас на правильный путь. Учителя рассказывали об истории евреев, об их положении в странах диаспоры, об антисемитизме и о том, что единственный путь для разрешения проблем нашего народа – создание суверенного еврейского государства на нашей исторической родине. Они говорили также о том, что мы слишком молоды для формирования своего мировоззрения. Они убеждали нас в том, что прежде всего мы должны приобрести образование, специальность, профессию и тогда только выбрать свою политическую дорогу. Моя душа рвалась на куски: больно и стыдно было, что мы причиняем столько разочарования нашим любимым учителям, которые питали такие надежды относительно нашего будущего. Но я тогда еще была убеждена, что только социалистическая революция разрешит проблему нашего многострадального народа.

Рядом со мной за партой сидела Яэль. Она была старше нас на три года. Она яростно отстаивала коммунистические идеалы и выступала в защиту советского строя, в успехах которого ее убедили в советской школе и в пионерском отряде. Родители вывезли ее в Палестину против ее желания незадолго до того. Симха, жившая в тяжелых бытовых условиях, также была фанатично предана коммунистической идее. Итак, мои ближайшие

подруги Симха и Яэль были убеждены в правильности избранного ими пути. А я приняла коммунистические идеи только умом, но не сердцем. Ни на одну минуту я не могла освободиться от мысли, что причиняю муки своей матери. Когда, бывало, раздавался свист на мотив популярной тогда песни, вызывающий меня на распространение листовок, мама тревожно вскакивала и выходила со мной из дому, умоляя меня не идти, так как меня могут арестовать. После первого моего ареста она рассказала мне, что люди спрашивали ее, сколько денег платит ей Москва за то, что она посылает свою дочь к «мопсам».

По окончании школы администрация наказала нас тем, что нам выдали свидетельства об окончании без подписей преподавателей. Наши учителя, ранее ценившие и любившие нас, теперь отвернулись от нас, убедившись в бесполезности своих слов. В организации говорили, что это противозаконно, и требовали от нас пойти к директору с угрозами опубликовать этот факт в газетах, если учителя не поставят свои подписи в наших свидетельствах. Мы пришли домой к директору школы, старому, седому, уважаемому господину Ехиэли – одному из основателей Тель-Авива. Яэль, крупная девочка с толстыми ногами в коротеньком платьице, стояла перед ним и с дерзостью угрожала. Она, получившая воспитание в советской школе, была настроена против всего, что делалось в Израиле. А мне, пришедшей в школу после погромов и скитаний, жизнь в Стране казалась светлой и радостной, несмотря на жизнь в бараке и нужду. Я любила школу, любила и уважала учителей. Я помню, как трудно было мне переступить порог дома нашего директора. Как тягостно было для меня участвовать в этой миссии! Я помню свое смущение и растерянность, когда Яэль грубо и дерзко, чувствуя себя героиней, произносила приготовленные каким-то руководителем партии слова заявления, якобы от имени всех нас.

Потом мы обошли всех педагогов. После посещения директора мы пошли к своему классному руководителю, господину Бен-Якову. Он был очень строгим учителем. Только нас, отличниц, он называл по имени (Симха, Яэль, Лея), а всех остальных по фамилиям. У себя дома он принял нас очень приветливо. Мы впервые увидели его улыбающимся. Он показал нам альбом со снимками времен его юности, расспрашивал нас о наших дальнейших планах, но, когда мы попросили его поставить подпись в наших свидетельствах, он ответил нам спокойным и решительным отказом, сказав, что не каждой ученице он подписывает свидетельство.

Наш учитель математики, господин Сум, болевший туберкулезом, умер в то лето. А у всех остальных мы были. Но свои подписи поставили нам только учителя второстепенных предметов: физкультуры, английского языка и рисования.

* * *

В нашей подпольной организации занятия проходили по ячейкам за городом или на пустынной горе у берега моря. Доклады проводились на идише. Лозунг еврейского населения: «Еврей, говори на иврите!» игнорировался, так как коммунисты считали, что язык народа – идиш. Среди руководителей коммунистической партии был Эфраим Лещинский родом из Петрограда. Его родным языком был русский, но он выучил идиш и свои доклады произносил с сильным русским акцентом. Это был высокий, стройный, красивый мужчина, погибший потом в сталинском ГУЛАГе. Партия послала его учиться в Москву, где он впоследствии был репрессирован.

Собрания часто заканчивались поздно ночью. Тогда вся компания моих подруг приходила ночевать к нам, так как они боялись своих строгих родителей. Мы

укладывались спать на полу в большой комнате. Однажды рано утром я увидела маму, нагнувшуюся над нами, чтобы посмотреть, кто со мной спит. Я услышала ее слова, сказанные папе: «Слава Б-гу! Они вернулись целыми и невредимыми».

Класс Леи Трахтман-Палхан в женской гимназии (Лея во втором ряду снизу, пятая справа).

Тель-Авив. Конец 1920-х годов

* * *

С переходом в подполье началось мое «хождение по мукам». Начались аресты. В первый раз нас арестовали во время собрания нашей ячейки. Это собрание проводила представительница партии. Звали ее Пнина Красная – из-за ее рыжих волос. Она до сегодняшнего дня является членом партии. Она бывала в санатории в СССР, когда мы жили там. Как-то раз мы с Михаилом навестили ее из чистого любопытства. Интересно было побеседовать с человеком, который остался в партии и ездил отдыхать в советский санаторий, когда ее товарищи по подполью находились в сталинских тюрьмах и лагерях, а некоторые, как Соня Регинская и Яша Розинер, были замучены до смерти во время следствия. Весь ее разговор с нами состоял в том, что она охаивала жизнь в Израиле. О себе она рассказывала, что по-прежнему работает домработницей у богатых. Но в тот злосчастный вечер, когда нас, девочек, арестовали вместе с этой женщиной, она для нас была большим авторитетом.

* * *

Английские власти объявили о выборах в Совет граждан страны (более точного названия не помню), который должен был принимать участие в управлении администрацией на местах и экономикой страны. Каждая группа граждан, которой удавалось собрать установленное властями число подписей людей, поддерживающих ее программу, получала право участия в выборах. Коммунистическая партия, воспользовавшись такой возможностью выступить легально, напечатала и распространяла свои антиимпериалистические воззвания. С этими воззваниями стояли мы у избирательных пунктов и распространяли их среди голосующих вместе со списком кандидатов от партии. Полицейские обошли всех нас и записали наши имена и адреса. Спустя некоторое время все мы были арестованы. Аресты проводились в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе. Состоялся суд, который был связан с неприятными моментами, воспоминания о которых причиняют мне боль до сих пор. Защищал нас юрист, всегда выступавший в судах в защиту коммунистов. Он взял у нас имена директора школы и

классного руководителя в последнем, восьмом, классе, чтобы вызвать их в качестве свидетелей на наш суд.

В обвинительном заключении было написано, что мы с Геней стояли у избирательного пункта у нашей школы в Нве-Цедеке. А в школе избирательного пункта не было. Я умоляла адвоката не вызывать учителей на суд, так как привести наших любимых преподавателей было издевательством над ними и над нами. И это ведь делалось без всякой веской причины. Разве в городском управлении не известно было, что в нашей школе не было избирательного пункта? Такое делается только из желания причинить боль людям. Мне и до сегодняшнего дня кажется, что по вине этого «защитника» меня выслали из страны. Он не доводил до моего сведения вопросы, по которым я сама должна была принимать решение. Он не доложил мне о том, что ответ британского Верховного заместителя на апелляцию моих родителей позволял мне остаться в Стране. Он как приверженец коммунистов был заинтересован в моей высылке, дававшей партии повод для агитации против английских властей! Я сердилась на то, что с моих родителей, материальное положение которых было очень плохим, взяли плату за «услуги» этого юриста. В других случаях партия сама оплачивала расходы на защиту.

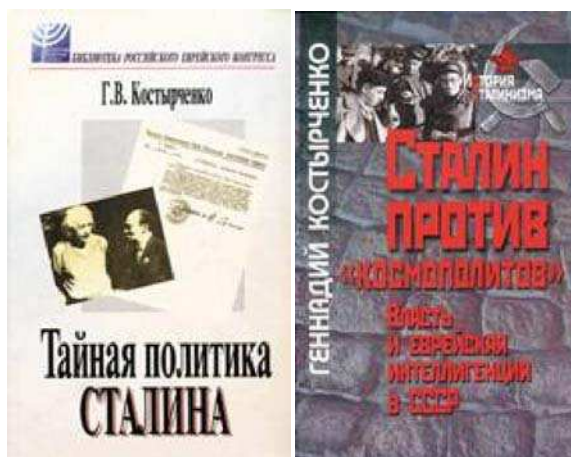
Когда нас вели под охраной по широкой лестнице в здание суда, мы увидели двух наших учителей, стоящих в ожидании открытия судебного процесса по делу их бывших воспитанниц. Какой позор это был для них! Я помню свое чувство боли и стыда, когда меня проводили мимо седого директора школы господина Ехиэли и нашего классного руководителя Бен-Яакова.

На суде адвокату удалось возбудить симпатию арабских судей. Он доказывал, что в воззвании было всего лишь написано, что жители Страны способны сами управлять своей страной и не нуждаются в чужой власти. Но, с другой стороны, эти же судьи хотели, чтобы таких, как мы, евреев, было в стране как можно меньше. Наш приговор гласил: «Трехмесячное тюремное заключение и высылка из страны тех, кто не родился здесь и не имел палестинского гражданства». В других городах обвиненные по этому делу получили и по шесть, и по девять месяцев заключения, но никого не выслали, кроме меня. Возможно, в других городах заседали английские судьи или не такие ловкие адвокаты, как наш, защищали там подсудимых.

ОТ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ – К АНТИСЕМИТИЗМУ ЕВРЕЙСКАЯ КАРТА В АППАРАТНОЙ БОРЬБЕ 1948–1949 ГОДОВ

Àëàë Ýìòðàéí

На протяжении многих лет как о чем-то само собой разумеющемся говорится о сквозной цепи антиеврейских репрессий 1948–1953 годов: кампания против «безродных космополитов»; «дело Еврейского антифашистского комитета»; «дело врачей»; возможная последующая депортация. Оправданно ли это? Действительно ли все эти кампании, жертвами которых были евреи, – звенья одной цепи? Попытке ответить на этот вопрос и посвящена настоящая статья, в центре которой – антикосмополитическая кампания 1948–1949 годов. Как и почему она возникла? Кто был ее инициатором? Какую роль играл в ее развязывании Сталин? И самое главное: насколько кампания, большинство жертв которой были этническими евреями (в этом сомнений нет), была изначально антиеврейской?

Статья эта родилась как результат размышлений над монографиями известного исследователя позднесталинского антисемитизма Геннадия Костырченко^[1] и над архивными и иными документами той эпохи, опубликованными в нескольких сборниках последних лет^[2].

Советские руководители придавали огромное значение пропагандистской роли литературы и искусства, по-разному относясь, однако, к различным жанрам. Широко известна фраза Ленина «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Сталин считал театр по степени воздействия на массы вторым после кино идеологическим инструментом. В свое время он наставлял писателей: «Не пишите длинных романов, рабочий их все равно не одолеет. Пьесы сейчас тот вид искусства, который нам нужнее всего. Пьесу рабочий легко просмотрит. Через пьесы легко сделать наши идеи народными». При этом, как отмечает автор книги «Сталин: власть и искусство» Е. Громов, «Сталина всегда беспокоило и удивляло, что отрицательные персонажи выглядели в советской литературе и кинематографе зачастую интереснее и убедительнее положительных». В контексте постановлений высших партийных органов о литературно-художественных журналах и классической музыке появление подобного документа о драматургии было вполне естественным.

26 августа 1946 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», где констатировалось, что «пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара». Из перечисления следовало, что ни в одном из десяти ведущих театров советские пьесы не составляют и 30% репертуара. Далее от количества обсуждение переходило к качеству: «Среди небольшого количества пьес на современные темы <...> имеются пьесы слабые, безыдейные <...> Советские люди в этих пьесах изображаются в уродливо-карикатурной форме». В соответствии с новой, изоляционистской, линией также отмечалось, что «Комитет по делам искусств ведет неправильную линию, внедряя в репертуар театров пьесы буржуазных зарубежных драматургов».

Ничего антиеврейского в этом постановлении не было. В качестве антихудожественных и идеологически вредных пьес фигурировали произведения Погодина, Водопьянова и Лаптева, Рыбака и Савченко, Касымова, Бурунгулова и других авторов, среди которых был и Сомерсет Моэм. Никакой «космополитизм» в тексте не упоминался.

Как же случилось, что обсуждения, изначально задуманные как отчет о выполнении этого постановления, дали старт мощной антиеврейской и «антикосмополитической» кампании?

Не совсем понятно, почему, как пишет Костырченко, «у истоков новой пропагандистской кампании стоял уже не Агитпроп ЦК ВКП(б) <...> а Союз советских писателей (ССП) во главе с Фадеевым». Зато известно, что на конец 1948 года был назначен XII пленум ССП, на котором планировалось обсуждение выполнения цитированного выше постановления. Доклад о том, что «уроки извлечены» и «ошибки исправлены», должен был делать Фадеев. Однако возглавляемый Шепиловым Отдел пропаганды и агитации ЦК (Агитпроп) планировал провести пленум иначе. Стремясь сместить своенравного и малоподконтрольного Фадеева, бравировавшего тем, что имеет прямой выход на Сталина, аппаратчики ЦК решили обвинить генерального секретаря писательского союза в том, что «уроки извлечены» не должным образом, а «ошибки исправлены» далеко не все. Таким образом, пленум, на котором Фадеев собирался громить своих оппонентов, в Агитпропе хотели использовать для разгрома самого Фадеева (об этом также подробно пишет Костырченко).

А. Фадеев среди писателей на юбилее В.Г. Белинского. Город Белинский

Пензенской области.1948 год

Занимаясь разработкой итогового документа о реализации постановления от 26 августа, Агитпроп поручил литераторам подготовить соответствующие материалы. 27 ноября 1948 года в секторе искусств Отдела пропаганды и агитации прошло рабочее совещание с участием театральных критиков В. Залесского, Я. Варшавского, Г. Бояджиева, И. Альтмана, И. Юзовского, А. Мацкина, А. Борщаговского, Л. Малюгина, редактора журнала «Театр» Г. Калашникова и др. Экспертам сообщили о «серьезном неблагополучии в области современной советской драматургии» и дали задание в недельный срок представить в ЦК предложения по нормализации ситуации. Почувствовав себя обремененными доверием партии и считая свою победу обеспеченной, критики перешли к открытой конфронтации с Фадеевым и опекаемыми им литераторами. Это проявилось уже 29 ноября, когда в Москве открылась творческая конференция, на которой обсуждались спектакли, поставленные к очередной годовщине революции. Выступивший с основным докладом Борщаговский заявил, что пьесы Софронова и Сурова идейно и художественно беспомощны. Несмотря на то что незадолго до этого Софронов стал оргсекретарем ССП, в «Литературной газете» был помещен одобрительный отчет о конференции, а Шепилову представлен проект записки в Секретариат ЦК с обвинением руководства ССП в «провалах» в драматургии.

Одновременно готовилось новое решение, подобное знаменитому постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград». На этот раз на прицеле оказался журнал «Знамя», главным редактором которого был В. Вишневский. Атака на «Знамя» преследовала и более широкие цели: в документе Оргбюро от 4 октября говорилось, что «ошибки» журнала являются следствием «слабого руководства редакцией со стороны секретариата ССП». Подобная формулировка позволяла перейти к выводам персонального характера в отношении не только Вишневского, но и любого из руководителей ССП, в том числе Фадеева. Редакция обвинялась в том, что «вместо активной борьбы за большевистскую партийность в литературе предоставила страницы журнала произведениям, авторы которых, изображая людей отсталых и неполноценных, превозносили и превращали их в героев», а также давала «трибуну для стихов, проникнутых чувствами тоски и скорби». Ни слова о «космополитизме» или тем более о сионизме не было, еврейская тема не упоминалась, критиковались литераторы разных национальностей, хотя в скобках – впервые в советском официозе! – раскрывалась настоящая фамилия одного из поносимых авторов: Н. Мельников (Мельман)^[3]. Тридцатилетний Мельников тогда даже не был членом ССП, и сложно понять, почему именно он подвергся острым нападкам. Очевидно лишь, что в последние месяцы 1948 года в литературно-политических верхах шла острая борьба, исход которой предрешен не был. Литераторы еврейского происхождения были задействованы в ней постольку, поскольку велик был их общий вес в литературно-художественной жизни.

То, что руководителю ССП было чего опасаться, сомнению не подлежит. Одно из первых постановлений Политбюро, принятых в том самом 1948 году, касалось смены руководства Комитета по делам искусств и оргкомитета Союза советских композиторов. У Фадеева не было причин считать себя более защищенным, чем М. Храпченко или Р. Глиэр, тем более, что ему неоднократно предъявлялись идеологические претензии (вспомним хотя бы совсем свежую на тот момент историю с подвергнутой жесткой критике и в итоге переписанной автором «Молодой гвардией»).

Как отмечает Костырченко, «встревоженный нападками, Фадеев стал готовить ответный удар. В результате ему удалось заручиться поддержкой председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Лебедева, секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Попова и, наконец, второго секретаря ЦК Маленкова, давно мечтавшего прибрать к рукам пропагандистское ведомство партии – бывшую вотчину его недавнего соперника в борьбе за власть Жданова. Но главное, Фадеев убедился, что он по-прежнему в фаворе у верховного арбитра аппаратных битв – Сталина, что подтверждалось слухом о том, что, побывав во МХАТе и Малом театре, “хозяин” остался доволен увиденными там спектаклями по пьесам Сулова и Софронова, посетовав при этом на “эстетствующих критиков”, создавших “некое литературное подполье” и “взявших моду охаивать все лучшее, что появляется в советской драматургии”». Однако был ли Сталин на самом деле в Малом и во МХАТе, видел ли он «Зеленую улицу» Сулова (на самом деле написанную его «литературными неграми» К. Рудницким и Н. Оттенем) и «Московский характер» Софронова – этого мы не знаем. Не исключено, что Борщаговский прав, и это был всего лишь блеф, распространявшийся Суловым с подачи московского партийного босса Г. Попова, – блеф, который никто не решился поставить под сомнение.

Карикатура К. Елисеева на обложке журнала «Крокодил» от 20 марта 1949 года

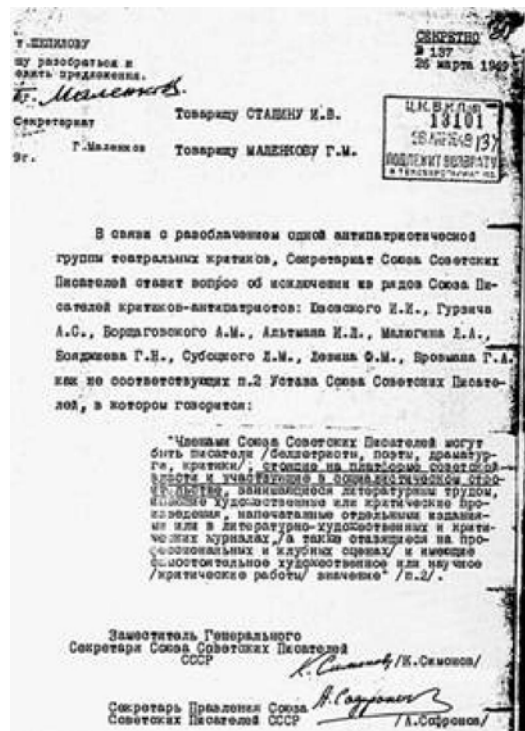
Пленум ССП открылся с трехдневной задержкой, 18 декабря. С основным докладом на нем выступил Софронов. Взявший затем слово Фадеев обвинил театральных критиков не больше и не меньше как в идеологическом вредительстве, которое выразилось в том, что они «стремятся подбить ноги советским драматургам, отражающим новое в советской жизни». Тем самым был задан агрессивный тон последовавшей дискуссии, предопределившей резкое осуждение критиков в итоговой резолюции. 22 декабря пространное изложение выступления Фадеева поместила «Литературка», днем позже объемную статью Софронова напечатала «Правда».

27 декабря Оргбюро принимает постановление о журнале «Знамя» с куда более острыми формулировками, чем предлагалось в начале октября. Вишневецкий был смещен, на его место назначался В. Кожевников. Хотя Вишневецкий не был евреем и его самого никто не причислял к «космополитам» (в 1950 году он был удостоен Сталинской премии

1-й степени за роман «Незабываемый 1919-й»), в постановлении говорилось, что «журнал слабо способствовал разоблачению буржуазного космополитизма, не вел активной борьбы с формализмом в литературе». Обвинения в космополитизме быстро становились частью аппаратной борьбы, их можно было выдвинуть в адрес любого противника.

Противоположный лагерь, однако, не торопился признавать свое поражение. По поручению Симонова Борщаговский подготовил ответный текст, который Шепилов безуспешно пытался вручить Сталину. Глава государства занял в этом конфликте сторону Фадеева, после чего Шепилов, стремясь избежать опалы, перешел в атаку на тех, кого сам же привлек к работе за считанные месяцы до этого. 23 января 1949 года он направил Маленкову проект постановления ЦК «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике». Таким образом, проблемой были объявлены не плохие пьесы советских драматургов, а якобы неправомерные нападки на них: «Особенно неблагоприятно обстоит дело в театральной критике. Здесь сложилась антипатриотическая, буржуазно-эстетская группа, деятельность которой наносит серьезный вред делу развития советского театра и драматургии. Критики, входящие в эту группу, последовательно дискредитировали лучшие произведения советской драматургии, лучшие спектакли советских театров, посвященные важнейшим темам современности» и «распространяли лживый и вредный тезис об “упадке” или “кризисе” советского театра».

Утверждалось, что «основной тон указанной группе задают критики Гурвич и Юзовский», рядом с которыми был неоднократно уничижительно упомянут Борщаговский; все трое – евреи. Особо отмечается, что «национальный состав секции критиков ВТО крайне неудовлетворителен: только 15% членов секции – русские», и что из девяти избранных членов бюро русский – лишь один. Национальность других критиков не обозначалась, но она была очевидна из простого перечисления фамилий. Вместе с тем слово «космополитизм» было упомянуто в письме только один раз и без каких-либо еврейских коннотаций: «Критик Малюгин <...> взял под защиту книгу режиссера Сахновского “Записки режиссера”, проникнутую духом космополитизма и низкопоклонства перед Западом» (и Малюгин, и покойный к тому времени Сахновский были этническими русскими). Идейнными предтечами вредных воззрений были названы почему-то Аполлон Григорьев и академик Алексей Веселовский, оба – этнические русские.

Постановление об исключении критиков-«антипатриотов» из Союза советских писателей от 26 марта 1949 года

То есть никаких обвинений в космополитизме в адрес евреев не выдвигалось, да и сам термин едва ли имел в глазах Шепилова особую значимость. Еще 23 января глава Агитпропа, отмежевываясь от театроведов, к которым недавно благоволил, крайне осторожно разыгрывает национальную карту, причем говорит о низком представительстве русских, а не о засилье евреев. Кампания, имевшая целью сместить Фадеева, заменив его на Симонова или кого-то другого, не была проеврейской или «космополитической» – точно так же и обратный поворот изначально не был ни антисемитским, ни «антикосмополитическим».

Однако дальше ситуация меняется кардинальным образом, что нагляднее всего видно, если сравнить первый меморандум Шепилова Маленкову со вторым, отправленным спустя три недели. В отчете Шепилова от 14 февраля о проведении в ССП партийного собрания слово «космополит» и производные от него встречаются уже пятнадцать раз! Документ в целом носит ярко выраженный антисемитский характер, в нем едва ли не впервые акцентируется факт еврейского происхождения многих клеймимых искусствоведов. Кроме того, массовый характер приобретает практика раскрытия еврейских фамилий авторов, печатавшихся под псевдонимами: «Яковлев (Хольцман), используя свое служебное положение зав. отделом литературной критики журнала “Новый мир”, протаскивал свои антипатриотические писания и привлекал к выступлениям в журнале критиков-космополитов Данина, Лейтеса, Ленобля, Костелянец, Фейгельман и т. п. <...> Хольцман (упоминается уже одна еврейская фамилия, псевдоним отброшен. – А. Э.) пытался протащить <...> статью к 25-летию со дня смерти Ленина, в которой грубо извращены положения Ленина о литературе и облыжно охаяны лучшие произведения советской литературы <...> В докладе и в ряде выступлений на партийном собрании указывалось на наличие среди еврейских писателей националистических, сионистских настроений <...> Космополит Альтман <...> с лакейской услужливостью занимался распространением абонементов Еврейского театра среди писателей Москвы, Киева и других городов <...> В <...> “Словнике” нового издания “Большой Советской Энциклопедии” самым тщательным образом собраны все даже десятистепенные

еврейские писатели, сюда включены многие буржуазные еврейские писатели США, Англии и других стран». Так в устах руководителя агитационно-пропагандистского аппарата партии сложилась логически необъяснимая связка между космополитизмом и еврейским национализмом.

Что же произошло между 23 января и 14 февраля? Почему межклановая борьба в среде партийно-писательской элиты превратилась в антисемитскую кампанию?

24 января Оргбюро приняло решение о выступлении «Правды» с редакционной статьей. Статья тщательно готовилась несколько дней, в ее написании принимали участие не только сотрудники газеты, но и руководители ССП, в частности Фадеев, Симонов и Софронов. Одним из основных авторов стал публицист еврейского происхождения Д. Заславский, в молодости печатавшийся в еврейских изданиях. Статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» вышла в «Правде» 28 января, на следующий день аналогичный материал появился в «Литгазете», а 30 января – в органе Агитпропа «Культура и жизнь».

29 января Сталин принял (насколько известно, в последний раз в жизни) в Кремле Фадеева – своего старого знакомого, впервые переступившего порог кабинета вождя еще в 1928 году. С ним к Сталину зашел замруководителя Агитпропа Федосеев; до них в кабинете уже находился Попов. По свидетельству Борщаговского, источник которого неясен, Попов обмолвился, что Фадеева-де при попустительстве Агитпропа затравили критики-космополиты, а тот из скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за защитой. Однако в это время в защите нуждался уже не Фадеев, а те, кто ему противостоял. Было очевидно, что Фадеев этот раунд противостояния выиграл. Симонов всячески отмежевывался от тех, кого недавно поддерживал.

12 февраля главный редактор газеты «Советское искусство» Вдовиченко отправил Маленкову пространную записку, содержащую обвинения Симонова в покровительстве «космополитам»: «На XII пленуме ССП Симонов по совершенно непонятным причинам не выразил своего отношения к обсуждаемым вопросам <...> и не поддержал Фадеева. Во время ответственного партийного собрания <...> созванного с целью разгрома антипатриотической группы критиков и ее охвостья, Симонов не нашел ничего лучшего, как уехать в Ленинград <...> Следует обратить внимание на состав редколлегии и аппарат редакции “Нового мира” (Симонов был главным редактором журнала. – А. Э.). Вопросы советского искусства решал Борщаговский, заместителем Симонова является Кривицкий, в редакции работают на ответственных участках Лейтес, Хольцман, Кедрина и ряд других людей без роду и племени. Личные друзья Симонова Эренбург (юбилей которого устроил Симонов, протасив этот вопрос контрабандным способом через президиум ССП), Дыховичный, Раскин, Ласкин, Слободской и др.».

14 февраля Симонов обратился к Шепилову с письмом, уверяя, будто эти обвинения «являются от начала до конца лживыми». Чтобы развеять сомнения властей на его счет, он выступил 18 февраля с погромным докладом на собрании драматургов и критиков Москвы. Еще недавно опекаемых им литераторов он назвал «ядром» сил, занимающихся «преступной работой», «враждебной советской драматургии». Желая, видимо, перешагнуть в интеллектуальном плане своих конкурентов в руководстве ССП, Симонов стал обличать космополитизм как глобальное политическое явление: «Нельзя, говоря о космополитизме, ограничить его вредоносную деятельность только сферой искусства или науки, нужно прежде всего рассмотреть, что такое космополитизм политически... Космополитизм в политике империалистов – это стремление ослабить патриотическое чувство независимости сразу во многих странах, обессилить, связать

народы этих стран и выдать их с головой американским монополиям. Космополитизм в искусстве – это стремление подорвать национальные корни <...> потому что людей с подрезанными корнями легче <...> продать в рабство американскому империализму.

Продолжая борьбу с теми, кто хочет не очень понятно кого «продать в рабство», 26 марта Симонов совместно с Софроновым подал Сталину и Маленкову предложение об исключении из рядов ССП «критиков-антипатриотов» Юзовского, Гурвича, Борщаговского, Альтмана, Малюгина, Бояджиева, Субоцкого, Левина, Бровмана. Антисемитский облик кампании сомнению уже не подлежал.

Имеется несколько мемуарных свидетельств о роли, которую якобы сыграл Сталин в появлении «правдинской» статьи, придавшей кампании антиеврейскую направленность. «Фадеев говорил мне, что кампания против “группы антипатриотических критиков” была начата по указанию Сталина», – вспоминал Эренбург. Об этом же свидетельствовал и Симонов. Так ли это на самом деле или же видным писателям много лет спустя было удобно свалить всю вину на Сталина – этого мы не знаем. Вполне возможен и другой вариант: Фадееву и его приближенным удалось «накрутить» подозрительного Сталина, а дальше уже действовать, прикрываясь его именем. Не исключено, что Фадеев инициировал кампанию, над которой быстро потерял контроль. В пользу этой версии свидетельствуют слова, вроде бы сказанные им главному режиссеру Театра Красной Армии А. Попову: «Они не приняли моей отеческой критики, теперь пусть потерпят два-три года, теперь и я, захоти, не смог бы ничего изменить».

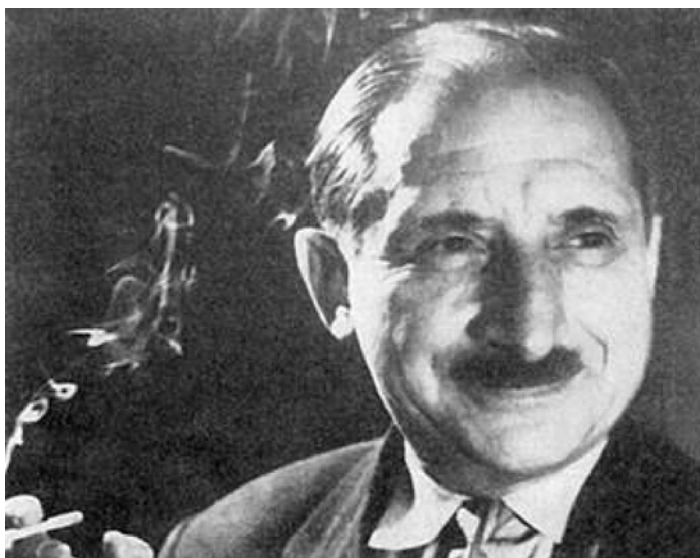
Впрочем, ни в одной из трех январских статей не упоминалось слово «евреи» или производное от него. Основной их пафос состоял в борьбе с «гнездами буржуазного эстетства, прикрывающего антипатриотическое, космополитическое, гнилое отношение к советскому искусству». В газетах перечислялись имена «космополитов» – все перечисленные были евреями, но факт этот никак не акцентировался, а настоящая фамилия писавшего под псевдонимом «Холодов» Ефима Мееровича не раскрывалась.

В «Литературке» искусствоведов-«космополитов» даже обвинили в том, что они «продолжали и развивали дореволюционную черносотенную (! – А. Э.) и буржуазно-декадентскую “критику” Горького». Абрама Гурвича «Литгазета» сравнила с Зинаидой Гиппиус, а про пьесу Бояджиева «После грозы» говорилось, что в ней автор «оболгал и быт, и чувства советских людей, создав эпигонское произведение в духе Арцыбашева и Вербицкой». Ни «Правда», ни «Литературная газета» не объяснили, как у советских театроведов сформировалось столь ужасное мировоззрение, а «Культура и жизнь» возвела его истоки аж к Лессингу: «Не случайно Альтман в своей книжке о Лессинге называет в качестве одного из важных достоинств этого деятеля его космополитизм».

Как видим, хулители «космополитов» упоминали в качестве предшественников хулимых самые разные имена, но никто не назвал в этом ряду ни одного философа или литератора еврейского происхождения. Это отчетливо демонстрирует, что изначально кампания не рассматривалась теми, кто ее проводил, как антиеврейская; речь шла об отстаивании утрированной формы антизападного советского патриотизма, с одной стороны, и внутрикастовой мести тем, кто посягал на стабильность в ССП, – с другой. Как справедливо отмечал спустя полвека Борщаговский, «борьба с так называемым “буржуазным космополитизмом” обрушила на общество силу государственного принуждения и всю добровольную бесовщину – но и эта борьба велась под громкие клятвы верности пролетарскому интернационализму». Кампания превратилась в антиеврейскую преимущественно потому, что большинство прозападно и антируссофильски настроенных критиков, поддерживавших тех, кто стремился к

смещению Фадеева, были евреями. В той ситуации у генсека ССП оказался большой административный ресурс, который сработал во многом благодаря тому, что позиция Фадеева, Софронова и других соответствовала мировоззрению, складывавшемуся у Сталина после начала «холодной войны».

Костырченко верно отмечает: «Под сурдинку пропагандистских стенаний об угрозе, исходящей от космополитизма, сталинский режим противопоставил значительно усилившемуся в мире после войны объективному процессу глобальной интернационализации курс на дальнейшую изоляцию страны. Эти попытки еще больше отгородиться от внешнего мира были в какой-то мере закономерным ответом СССР, его, так сказать, защитной реакцией на жесткий вызов, брошенный ему в ходе начавшейся “холодной войны” Западом и прежде всего США, с их претензией на гегемонию в мире. Вместе с тем такой ответ, давший мощный импульс нагнетанию в стране политической ксенофобии, был продиктован и стремлением сталинского единовластия к самовыживанию. В результате сталинизм, прибегший ранее к великодержавному шовинизму и латентному антисемитизму, включил теперь в свой политико-идеологический инструментарий и антизападничество, причем в варианте, созвучном традиционному российскому почвенничеству».

Иосиф Ильич Юзовский

Усиление идеологического контроля в связи с изменившейся международной обстановкой, вызвавшей изоляцию Советского Союза, и максимальная политизация всех сфер общественной жизни затронули не только еврейский национализм, реальный или мнимый. Так, в сентябре 1951 года Уполномоченным Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати Омельченко был издан секретный циркуляр «Об усилении политико-идеологического контроля произведений печати», где громилось стихотворение В. Сосюры «Люби Украину», «являющееся идейно порочным произведением, под которым бы подписался любой недруг украинского народа из националистического лагеря». В том, что это «вредное» стихотворение появилось на страницах «Звезды», обвинялись работники цензуры, не сделавшие «необходимых выводов из решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам». В таких же грехах обвинялись сотрудники азербайджанского Главлита, допустившие публикацию произведений, «идеализировавших феодально-патриархальный уклад». Досталось также казахским и узбекским цензорам, особому осуждению был подвергнут цензор Главлита УССР, который «не предотвратил грубую ошибку Украинского радиокomiteта»,

включившего в передачу стихотворение Мамеда Рагима «Бессмертный герой», «несмотря на совершенно очевидные мотивы, по которым была упразднена Чечено-Ингушская АССР, о чем было опубликовано». Права на проявления национальной гордости были лишены практически все национальные меньшинства.

Вопреки расхожему мнению, кампания против «космополитов» была сравнительно короткой (она продолжалась несколько первых месяцев 1949 года, после чего сошла на нет), хотя и масштабной. От театральных критиков перешли к художникам, поэтам, кинематографистам, философам... 10 февраля 1949 года в «Правде» появилась статья «За советский патриотизм в искусстве», подписанная именем президента Академии Художеств А. Герасимова; 16 февраля там же вышла статья секретаря партбюро ССП Н. Грибачева «Против космополитизма и формализма в поэзии», а 3 марта главная газета страны поместила статью министра кинематографии СССР И. Большакова «Разгромить буржуазный космополитизм в искусстве». Погромные собрания прошли в Академии общественных наук, в Институте философии. В качестве «космополитов» были заклеены искусствоведы А. Эфрос («этот пошлый буржуазный эстет оплевывал величайших гениев русской живописи – Сурикова, Репина») и О. Бескин («также специализировавшийся на борьбе с художниками-реалистами»), поэты П. Антокольский и М. Алигер, режиссер и киносценарист Л. Трауберг, который «давно занял антинародные, чуждые традициям великой русской культуры позиции» («первые же его работы ознаменовались надругательством над творчеством великого русского писателя Гоголя: в театре он искажил пьесу “Женитьба”, а в кино – повесть “Шинель”») и многие другие. Большинство из них были евреями, хотя среди тех, по кому велся прицельный огонь, были и этнические русские: например, искусствовед Н. Пунин или киносценарист и критик В. Сутырин.

Однако факт еврейского происхождения не всегда препятствовал успешной карьере даже в органах власти и сфере идеологии. Самый высокопоставленный еврей в стране – Л. Каганович до смерти Сталина, а также четыре последующих года сохранял статус члена Политбюро и заместителя председателя Совета Министров СССР; Л. Мехлис, в 1930-х годах главный редактор «Правды», оставался членом Оргбюро и министром госконтроля; Л. Шварцман до 1951 года был заместителем руководителя следственной части по особо важным делам МГБ. Пьеса А. Штейна «Закон чести» дважды упоминалась «Литературкой» в статье против «космополитов» как пример правильного советского произведения. В составленный в мае 1949 года рекомендательный список «произведений, разоблачающих антинародную, лживую политику американских деятелей», разосланный во все концертные организации, вошли интермедии и фельетоны Рыклина, Ласкина, Германа, Зискинда, Ленча, Эрдмана и других литераторов отнюдь не «славянской» национальности, и факт этот ни у Лебедева, ни у Маленкова возражений не вызвал.

Представляется, что для Сталина, Фадеева и прочих Гурвич, Эфрос или Бояджиев если и были евреями, то евреями, так сказать, «ситуативными». Тем более не интересовало партийно-писательских руководителей еврейство Заславского, Штейна и других активных участников борьбы за насаждение гротескного советского патриотизма. «Полноформатными» евреями в их глазах были не лица еврейского происхождения, а люди, существовавшие в мире еврейской культуры, основным языком общения которых был идиш. Отношение к ним Сталина в конце 1940-х – начале 1950-х годов стало совершенно непримиримым. И если из всех критиков-«космополитов» арестован был лишь один Альтман (на следующий день после смерти Сталина – он был освобожден менее чем через три месяца), то судьба ведущих деятелей идишской культуры была

намного более трагичной: почти все они были расстреляны, а организации, в которых они работали, – ликвидированы.

Не подлежит сомнению, что антисемитская кампания выросла из кампании антикосмополитической, в результате чего они слились в сознании современников и потомков практически воедино. Однако важно понимать, что механизмы их возникновения и динамика изначального развития все же были весьма различными.

О религиозной и этнической легитимности сионизма

Приятно, что внимание, уделяемое моей книге журналом «Лехаим», связано, видимо, не только с тем, что она вышла в престижной «Чейсовской коллекции» под грифом «Книжники» и при поддержке Фонда Ави Хай (Яков Рабкин. Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму. М.: Текст, 2009). Оно свидетельствует и о том, что многих книга задевает за живое.

Действительно, речь в ней идет о месте современного Государства Израиль и основавшего его сионистского движения в преемственности иудаизма и в еврейской истории. Вопрос этот столь важен, что вполне понятен накал страстей, им вызываемый. Если нас, евреев, в прошлом часто упрекали в излишней рассудочности, сегодня наше восприятие нередко ослепляют чрезмерные эмоции.

Книга моя научно-популярная и рассчитана не столько на специалистов, сколько на массового читателя. В ней используются данные, почерпнутые как в первоисточниках, так и в работах израильских и западных коллег. Задумана книга была в Иерусалиме, в Институте Бет-Мораша, где мне довелось изучать антисионистскую мысль в кругу убежденных сионистов, со многими из которых я дружу до сих пор.

В предисловии к моей книге видный израильский философ Йосеф Агасси пишет: «Как патриот Израиля и как философ, я убежден в том, что иудейское сопротивление сионизму – это важнейший элемент столь недостающего нам ныне честного обсуждения прошлого, настоящего и будущего Израиля». По мнению израильского социолога Йосефа Ходары, «эта книга показывает и объясняет основные течения еврейского религиозного антисионизма, который с точки зрения демографии и идеологии представляет собой бо́льшую опасность для Израиля как государства и как общности, чем вражда со стороны палестинцев и всех остальных арабов». (Удивительно, что Леонид Кацис, профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ и, стало быть, человек, способный на конструктивную критику, признается на страницах «Лехаима» [2010. № 3], что мою книгу он не стал бы даже читать).

Так что направленность моей книги никак не идеологическая, а просветительская: познакомить читателя с традиционной и, в некоторой степени, с современной либеральной еврейской мыслью по вопросам сионизма. Поскольку моя книга, написанная по-французски, переведена на двенадцать языков, ее содержанием, по-видимому, интересуется довольно широкий круг читателей.

Помнится, один знакомый позвонил из Торонто и спросил, к чему призывает моя книга: «Я уже две недели об этом думаю и никак не могу понять». «Именно в этом и цель книги, – ответил я, – дать читателю пищу для размышлений». Этому же принципу я стараюсь придерживаться в своей преподавательской деятельности. Но могу понять и тех сионистов, кого тема эта волнует настолько, что они, как и профессор Кацис, воспринимают ее с позиции «кто не с нами, тот против нас». Мне ближе отношение, которое выражено выбранными мною для эпиграфа словами Александра Твардовского: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу».

Спустя несколько месяцев после моей вышла по-русски книга израильского историка Шломо Санда, в которой идет речь о еврействе как этносе (см.: Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2010). В то время как моя книга поднимает вопрос о взаимоотношениях между иудаизмом и сионизмом, т. е. о религиозной легитимности сионистского движения, работа проф.

Санда посвящена вопросу этно-национальной легитимности сионизма. Он считает, что евреи родом из Польши, Эфиопии, Дагестана, Марокко, Грузии, Бухары и Йемена не имеют между собой ничего общего, кроме религии. Не будучи человеком религиозным, он, однако, признает лишь в иудейской традиции основу еврейской общности.

Еще более недвусмысленно пишет об этом ничуть не более религиозный израильский публицист Боаз Эврон: «Все государства в мире, в том числе и Государство Израиль, появляются и исчезают. Государство Израиль тоже, конечно, исчезнет через сто, триста или пятьсот лет. Однако еврейский народ будет существовать, коль скоро существует иудейская религия, быть может, еще тысячи лет. Существование этого государства не имеет никакого значения для существования евреев... Евреи мира могут прекрасно жить без него».

Поэтому, даже с точки зрения далеких от иудейства израильских интеллектуалов, нет оснований беспокоиться о будущем евреев, коль скоро они будут придерживаться Торы и ее заповедей.

Но для многих слова Эврона – святотатство, ибо без Государства Израиль они не мыслят будущее еврейства. Отбрасывая Тору и соблюдение заповедей как основу еврейского самосознания себя изжившую (но используя при этом ее переосмысленную атрибутику), они вынужденно опираются на самосознание этно-национальное, укрепляемое конфликтом с палестинцами. Таким образом, выживание «светского еврейского народа» оказывается напрямую зависимым от увековечивания сионистского государства с его извечным противостоянием арабскому и мусульманскому миру.

В то же самое время доказательства существования такого народа вызывают сомнения у ряда израильских ученых. Санд отнюдь не одинок, заявляя, что этому изобретению, столь важному для теории и практики сионизма, чуть больше века. Более того, он утверждает, что истинными потомками древних иудеев являются не основавшие сионистское государство восточноевропейские евреи (которых он считает отдельно сложившимся этносом), а живущие на Святой земле палестинские арабы. При этом Санд опирается на то, что этот тезис в свое время выдвигали такие видные сионисты, как Давид Бен-Гурион и Ицхак Бен-Цви.

Полон сарказма риторический вопрос, который задает в этой связи Санд (в переводе с французского издания): «Поскольку у различных религиозных общин нет общей светской культуры, означает ли это, что евреев объединяют и выделяют узы крови? Представляют ли евреи “инородную расу-народ”, как начиная с XIX века это пытались доказать антисемиты? Если это так, то одержит ли в конце концов потерпевший в 1945 году военное поражение Гитлер концептуальную и интеллектуальную победу в “еврейском” государстве? Каковы шансы нанести поражение его теории, согласно которой евреям присущи определенные биологические признаки, если в Израиле есть немало людей, которые вчера говорили о “еврейской крови”, а сегодня верят в существование особого “гена еврейства”?»

В то же время Санд признает, что в течение прошлого века сложился новый, израильский народ, включающий в себя неевреев, число которых в стране продолжает неуклонно расти (почти треть населения Израиля). В таком случае Израиль должен прекратить считать себя государством евреев всего мира – народа, который, по его мнению, был «изобретен» в угоду сионистской идеологии, – и стать просто государством живущих в нем людей, то есть выражать национальные устремления всех его граждан.

Поскольку таким образом угасает мирская, этно-национальная мотивация сохранения именно еврейского государства, все большее значение приобретает мотивация религиозная, что делает национально-религиозный лагерь основным идеологическим оплотом сионизма. Именно в этом лагере многие верят, что создание сионистского государства – предвещающая окончательное Избавление (Геула) кульминация еврейской истории. Неудивительно поэтому, что понимание антисионистских взглядов крупнейших мыслителей иудейства становится сегодня все более

актуальным. Понимание это столь же важно как для сторонников сионизма, так и для его хулителей, как для неевреев, так и для евреев.

Βεῖα Διαεί, ἰδιόαιμδ εἰοῖδεῖ Ἰ ἱ ἰδιόαιμδ εἰοῖδεῖ (Εἰάää)

[1] Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001; Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009.

[2] История советской политической цензуры / Под ред. Т.М. Горяевой. М.: РОССПЭН, 1997; Власть и художественная интеллигенция: 1917–1953 / Под ред. А.Н. Артизова и О.В. Наумова. М.: МФ «Демократия», 1999; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации: 1938–1953 / Под ред. Г.В. Костырченко. М.: МФ «Демократия»,

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ КАК КИТЧ

Àéáí à Dèi íí

Одна из идеологических линий романа Йохи Брандес «Третья книга Царей» (см. Лехаим. 2010. № 4) – протест против абстрактного монотеизма, который, как настойчиво подчеркивается в книге, насаждается грубой силой, исходящей из Иерусалима. С самого начала свободолюбивый мальчик Шлом-Ам возмущается попыткой царей из колена Йеуды установить религиозную гегемонию над северным коленом Эфраима – потомками Йосефа.

Йохи Брандес

Когда я достаточно подрос для того, чтобы позволить себе поспорить с мамой, я сказал, что почитаю только предводителей колен Рахели (имеются в виду сыновья Рахели Биньямин и Йосеф; сыновья Йосефа Эфраим и Менаше считались родоначальниками северных колен. – Е. Р.). В ответ я выслушал от мамы целую лекцию о любви между коленом Леви и коленами Йосефа. Для подтверждения своих слов она напомнила, что из колена Леви происходил Моше, который назначил после себя предводителем народа Йеошуа из колена Эфраима, и напомнила, что брат Моше, первый священник Всевышнего Аарон, избрал из символов всех колен Израиля символом переносного храма именно символ Йосефа, праотца нашего.

– *У входа в переносной храм в пустыне был поставлен бык? – разволновался я. Я понял, что удостоился услышать из ее уст слова, которые запрещено произносить, и был горд, что мама надеется на меня и говорит мне это.*

– *Не просто бык, а телец из чистого золота, всенародно подтверждавший избранность Йосефа среди сыновей Израиля.*

Хорошенько обдумав это, я сказал маме, что не понимаю, почему царь приказал разрушить статую быка в храме Цреды (центрального города Эфраима. – Е. Р.), если сам первосвященник Аарон установил этот наш символ в переносном храме – скинии.

Вопросы такого рода приводили к тому, что папа в страхе бросался к окну, но в данный момент он был в виноградниках, и мама могла говорить со мной без всяких помех. Она рассказала мне о противостоянии между Йеудой и Йосефом: оно началось еще с древних времен и продолжается у их потомков. Сыновья Йеуды не соглашались с избранностью колена Йосефа. Иногда они действуют силой, как Калев, сын Йефуне, который пытался восстать против Йошуа, а иногда пользуются всякими измышлениями...

– Сыны Йеуды рассказывают, что Аарон предал Б-га Израиля, – сказала мама с отвращением. – Чтобы опозорить наш символ, они возводят страшные наветы на великого коена Израиля. Я не в силах повторить их слова.

Я знал, что маме нужно, чтобы я ее упрасивал, и тут же принялся настаивать и умолять. Она согласилась и с содроганием прошептала, что сыны Йеуды утверждают, будто Аарон сказал про золотого тельца: «Это бог твой, Израиль, который поднял тебя из земли Египетской» – и повелел народу принести ему жертвы.

– Но как же мы можем присоединиться к армии того, кто разрушил наш храм и прогнал его служителей? – возмутился я. – Как могут юноши Эфраима почитать того, кто растоптал символ Йосефа и разбил статую нашего быка? [II](#)

Подтекст этого диалога совершенно понятен: религиозная независимость тесно связана с независимостью политической. С самого начала Шлом-Ам недоумевает, какое отношение к Эфраиму имеют Иерусалим и тамошний Храм единого Б-га. Зачем он нужен, когда у них в Цреде было вполне уютное святилище со статуей местного божка? Тем более Иерусалимский Храм так дорого стоит... Если же Храм необязателен, то и политическое единство еврейского народа – ненужная роскошь. В конце романа новоизбранный царь произносит речь:

Братья мои, любимые мои, сыны Израиля! Сегодня, спустя тридцать три года после того, как взвод иерусалимских солдат омрачил наш праздник дождя в Цреде, я заявляю о возобновлении древних праздников всех колен Израиля. Всевышний любит все наши праздники: праздник дождя Эфраима, и праздник огня Менаше, и праздник удоя Биньямина, и праздник солнца Дана, и праздник радуги Нафтали, и праздник стрижки овец Шимона, и праздник плодовитости Реувена, и праздник улова Звулуна, и праздник оливкового масла Ашера, и праздник луны Иссахара, и праздник вина Гада. И праздник сбора урожая Йеуды Всевышний любит в точности так же, как праздники всех остальных колен, не меньше, но и не больше. Мы все продолжим праздновать праздник свободы, праздник жатвы и праздник Суккот, три центральных праздника еврейского народа, а остальные праздники каждое колено будет праздновать отдельно, как поступали наши праотцы...

Надо же, древний библейский царь излагает постмодернистскую идею плюрализма, выражает, так сказать, протест маргинальных окраин против гегемонии центра. Он провозглашает мультикультурализм, культурную и религиозную автономию различных групп народа. Тогда конечно: возобновление языческих культов в Израильском царстве, последовавшее за распадом единого государства, – замечательное достижение.

Правда, в Библии написано иначе. Библейские пророки гневно осуждали идолопоклонство Эфраима и видели в нем причину военной слабости, полной утраты национальной независимости и изгнания, из которого сыны Эфраима так и не вернулись.

Но ведь то были иерусалимские пророки. А из Эфраима эта история видится совершенно по-другому.

Так создается альтернативная история, которая читается с большим интересом. Но где-то к середине романа в душу читателя закрадывается неприятное ощущение, что ему... как бы это сказать... дурят голову. Где гарантия, что эта новая интерпретация правильнее, чем старая? Гарантий, отвечает постмодернистский автор, не даем, и вообще, правильно или неправильно – устаревшие категории. О'кей, отвечает читатель, но почему же тогда автор продает мне именно эту версию? Чем она... ну, не то что правильнее или неправильнее, я понял, это вообще неподходящие слова... ну ладно, так чем же она его привлекла? А тем же самым, чем привлекала авторов многих ивритских исторических романов. Пряным вкусом запретного плода – язычества. Монотеизм – это как-то пресно, это устарело, а вот золотой телец – это ново и занятно...

Любопытно, что по-русски и на иврите одновременно вышли и стали бестселлерами две совершенно разные книги совершенно разных авторов: «t» Виктора Пелевина и «Третья книга Царств». Оба романа деконструируют мифологизированных персонажей национальных культур (Пелевин – Толстого и Победоносцева, Брандес – Давида и Шауля) и представляют текст как арену столкновения политических и литературных интересов. «Летописцы царя сидят себе спокойно во дворце и понятия не имеют, что прямо среди них, подобно кроту, роющему изнутри землю, я посадила своих летописцев. Им удастся внести в летописи элементы, заставляющие усомниться в написанном и раскрывающие истину будущим поколениям», – замечает Михаль. Ведь историю, как принято считать последние двадцать лет, пишут победители. Значит, официально принятая версия – вранье и фальсификация, а восстановить правду – «как оно было на самом деле» – можно только с маргинальной точки зрения. В библейском первоисточнике история изложена с позиции потомков Йеуды, – значит, в романе она должна быть представлена с позиции Биньямина и Эфраима. Такова главная идея «Третьей книги Царств».

Получается, однако, не очень хорошо. При всех постмодернистских ухищрениях персонажи Брандес выглядят схематичными и плоскими. Основная композиционная идея – разделить текст на три части от лица двух рассказчиков – совершенно не играет. Можно было бы сделать роман более объемным, бросив хотя бы тень сомнения на версии повествователей. Ну, например: то ли вся семья Шауля, включая самого царя, действительно рехнулась из-за Давида, все влюблены и все интригуют, то ли смертельно оскорбленная Михаль так это видит. Но версии, которые излагают престарелая принцесса Михаль, деревенский юноша Шлом-Ам и зрелый государственный муж Иеровоам, совершенно совпадают. Их точки зрения на историю маргинальны, но при этом абсолютно одинаковы и – в отличие от библейских пророков – чрезвычайно политкорректны. Правда, про страдания палестинского народа в романе ничего не говорится, зато есть страдающий народ Эдома, который получает от Иеровоама независимость, так что в итоге возникают три государства для двух народов. Присутствует также весь остальной постмодернистский набор, строго по списку: феминизм (бойкие дочери Шауля сами выбирают себе мужей и сурово отчитывают отца, который задумал их сватать; Шлом-Ам, став наместником в Эфраиме, наказывает мужа, совершившего насилие над женой), права сексуальных меньшинств (любовь Йонатана к Давиду и Эйтиэля к Шлом-Аму), поддержка социально незащищенных слоев населения (налоговая реформа Шлом-Ама).

Чтобы как-то оживить своих бледных и однообразных героев, Брандес нагнетает страсти: «“Чего ты от меня хочешь?” – вырвавшийся из моей груди крик был

слышен во всех соседних комнатах... “Мы будем любить друг друга до самой смерти”. “До самой смерти?” – задохнулась она, и через мгновение ее хрип превратился в рев: “Мы так молоды, зачем ты говоришь о смерти?”» Как вы думаете, что это такое? А это две очаровательные юные принцессы беседуют о любви. Герои «Третьей книги Царств» не разговаривают, а сдавленно бормочут, вопят, одновременно загораясь гневом и покрываясь холодным потом, режут и хрипят, иногда в процессе беседы даже катаются по полу в конвульсиях, а затем неделями лежат неподвижно, но увы – это не делает их более живыми и убедительными.

В общем, роман Брандес – это то, что называется «китч». Качественный литературный китч, по-моему, замечательная вещь, совершенно необходимая в быту. Что может быть лучше, чем вечером, после тяжелого трудового дня, свернуться калачиком под теплым одеялом и раскрыть детектив в бумажной обложке? Знакомая продавщица в книжном магазине спросила меня как-то раз: «Вы Устинову... употребляете?» Употребляю с удовольствием. Но для такого потребления подходит не всякий материал. Библию, например, не очень-то потребишь. Какова бы ни была альтернативная история, ее источник – библейский текст – все равно никуда не денется, а на фоне его бездонной сложности герои «Третьей книги Царств» выглядят очень уж убого. Все сложное, многомерное, загадочное, трагическое оказывается простым, плоским, понятным и в лучшем случае драматичным.

Когда машинистка сказала Томасу Манну: «Теперь я знаю, как все это было на самом деле», это был замечательный комплимент. Но надо учесть, что Томас Манн был немец, и его машинистка была немка, и роман, который она перепечатывала, был написан по-немецки. Исторический роман на библейские темы на иврите – это совсем другой уровень «фамильярного контакта» с предметом. Фамильярность на грани нахальства: ведь мы носим имена этих героев, живем в тех же местах, говорим на том же языке и к тому же учим эти истории в школе. Поэтому велика вероятность, что, прочитав «Третью книгу Царств», читатель захочет перечитать Первую и Вторую. А прочитав, вздохнет: нет, на самом деле все было не так. Все было гораздо непонятнее и гораздо интереснее.

[1] Здесь и далее роман цитируется в переводе Т. Белицки

МУШКЕТЕРЫ ВСПОМИНАЮТ

יְהוּדֵי יְהוּדֵי

В Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) при большом стечении еврейских общественных деятелей и рядовой публики прошел вечер, давший старт проекту под несколько громоздким названием «Двадцатилетие возвращения еврейской книги на русском языке в Россию». Откуда такая дата? Дело в том, что чуть больше 20 лет назад в той же Иностранке открылась первая за долгие годы выставка еврейской книги. Это-то событие и было взято за точку отсчета.

Михаил Членов и Роман Спектор вручают Михаилу Гринбергу медаль Евроазиатского еврейского конгресса

Екатерина Гениева рассказывает о фотографиях двадцатилетней давности

Выступает Велвл Чернин

Николай Александров передает слово Аркадию Ковельману

Выступает Псой Короленко

Инициатор той выставки, директор ассоциации «Гишрей Тарбут» и глава издательства «Гешарим / Мосты культуры» Михаил Гринберг вспомнил по ходу вечера о своем разговоре с тогдашним директором библиотеки Вяч. Вс. Ивановым и его заместителем Е.Ю. Гениевой: «Я спросил их: “Будем делать?” Они ответили: “Будем!” Я спросил: “Не бойтесь?” Екатерина Юрьевна промолчала, а Иванов ответил, что боится, но делать все равно будет». Сидевшая в первом ряду Екатерина Гениева, давно уже директор ВГБИЛ, кивала в такт воспоминаниям Гринберга, как бы подтверждая: да-да, все именно так и было.

Дальнейшая часть мероприятия носила тостово-мемуарный характер. Здравницы в честь виновников торжества перемежались воспоминаниями участников. Выступающие словно бы соревновались, кто из них придумает наиболее эффектное сравнение для Гринберга. Директор Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ Михаил Мейер сравнил его с большой толстой книгой, генеральный секретарь Евроазиатского еврейского конгресса Михаил Членов, вручая Гринбергу медаль «За заслуги», повысил орденосца до книжного шкафа, а ведущий вечера, литературный критик Николай Александров, видимо, желая несколько разредить букинистический пафос, напомнил, что Гринберг является кладезем анекдотов – и не только еврейских.

Главный редактор Издательского дома «Новое литературное обозрение» и одноименного журнала Ирина Прохорова напомнила, что 20 лет назад началась не только новая жизнь еврейской книги на российской земле, но и великий исход с этой самой земли еврейского народа. В итоге оба эти события оказались в равной степени благотворны для русской культуры – ведь литераторы-эмигранты привнесли в нее новую ноту и новый язык, констатировала Прохорова на правах владелицы издательства, выпускающего серию «Поэзия русской диаспоры».

Поэт, переводчик, литературовед, а с недавних пор еще и исполнительный вице-президент Российского еврейского конгресса Велвл Чернин предложил вниманию собравшихся краткий исторический обзор еврейской литературы в России последних десятилетий – в диапазоне от недоброй памяти журнала Арона Вергелиса «Советиш геймланд» (о котором оратор, впрочем, отзывался с известной теплотой) до сам- и тамиздата. Свое выступление Чернин построил на образе еврейского книгоноши, наследника легендарных книгонош Менделе Мойхер-Сфорима. Он же задал и одну из главных тем вечера – тему еврейского читателя, находить которого еврейским издателям становится все сложнее и сложнее.

Тему эту изящным парадоксом развил генеральный директор Издательского дома «Коммерсантъ», поэт и прозаик Демьян Кудрявцев, заключивший, что типичный

читатель еврейской книги работает сегодня в гойской прессе. А директор Института изучения Израиля и Ближнего Востока Евгений Сатановский подхватил другой мотив выступления Чернина и вспомнил о своем участии в выпуске и распространении еврейского самиздата.

Впрочем, самую точную метафору происходящего предложил завкафедрой иудаики ИСАА Аркадий Ковельман, заметивший, что мы живем, как отошедшие от дел Атос с Портосом, в жанре «двадцать лет спустя»: «История уже состоялась, а мы еще живы». Он вспомнил, как два десятилетия назад вместе с Гринбергом основывал Еврейский университет в Москве, и пояснил, что при чтении появляющихся теперь статей об истории этого заведения испытывает те чувства, которые, вероятно, могли бы испытать танаи и амораи, прочти они его, Ковельмана, работы о них...

На вечере также выступали советник-посланник израильского посольства Рои Розенблит, глава Департамента общественных связей Евроазиатского еврейского конгресса Роман Спектор и другие. Псой Короленко исполнил микс из советской классики в переводе на идиш, русских и английских песен, а директор Пушкинского дома в Лондоне, пианист и дирижер Джулиан Галант представил приглашенных им музыкантов, которые сыграли «Кол нидрей» и Брамса.

Вечер закончился, но в Овальном зале осталась выставка еврейской книги. Кроме того, в течение месяца во ВГБИЛ пройдут несколько вполне любопытных мероприятий. Например, Аркадий Ковельман прочтет под аккомпанемент саксофона Александра Соколова цикл эссе о греках, евреях и философии, публикуемый в журнале «Лехаим» (это называется «Джаз-мидраш»). Владимир Петрухин и Ольга Белова поспорят о первом томе «Истории еврейского народа в России», вышедшем в «Мостах культуры». Состоятся презентации двух других книг того же издательства: «Каббала: современные перспективы» Моше Иделя и «Черчилль и евреи» Мартина Гилберта. Пройдет также круглый стол «Холокост на территории СССР», а Михаил Вогман выступит с «лекцией-сюрпризом»...

Спускавшихся после вечера в метро гостей встречал большой плакат с анонсом фильма «Гринберг» – с Беном Стиллером в главной роли. Голливуд тоже не смог остаться в стороне от торжеств по поводу двадцатилетия возвращения еврейской книги в Россию. Правда, на афише было отчего-то написано «комедия». Впрочем, если вдуматься, как еще определить новейшие приключения еврейской литературы на российской земле – не хоррор же?

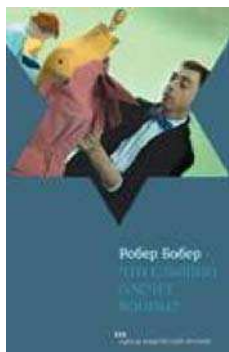
Записки на подкладке

Робер Бобер

Что слышно насчет войны?

Пер. с фр. Н. Мавлевич.

М.: Текст; Книжники, 2010. – 190 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Вопреки сочетанию имени и фамилии, сообщающему нам определенные ожидания, ничего комического в творчестве Робера Бобера, французского прозаика и режиссера документального кино, не наблюдается. «Что слышно насчет войны?» («Quoi de neuf sur la guerre?») – его дебютный роман, вышедший в 1993 году и посвященный событиям полувековой давности – еврейской жизни в Париже второй половины 40-х годов (см. интервью с автором: Лехаим. 2009. № 12). Роман во многом автобиографичен или, как выразился сам прозаик, «документален»: подобно своим героям, Бобер родился в польско-еврейской семье, перед войной эмигрировал во Францию, чудом пережил Катастрофу, а после войны работал портным и закройщиком в небольшом еврейском ателье.

Истории, разворачивающиеся вокруг швейной мастерской мсье Альбера на улице Тюренн в Париже, – это мирный сиквел к трагедии войны и геноцида. Сквозь них иногда просвечивает не менее мирный приквел – в виде воспоминаний героев о своем польском довоенном детстве. Повествование устроено мозаично: рассказы разных персонажей (а иногда – их письма) не всегда связаны между собой, солидной протяженности во времени не имеют, сюжетной завершенностью не обременены. Соответствие жанру обеспечивает единство системы персонажей и общего настроения – удаляющегося шума времени или истончающегося запаха послевоенной гари и слез.

Хозяин ателье мсье Альбер – образцовый семьянин, он мечтает о том, чтобы его сын выбился в люди, а не слепил глаза за швейной машинкой, но при этом не хочет, чтобы тот стал художником – ведь все художники прозябают в нищете, а слава наступает их лишь после смерти. Однажды, когда жена уехала погостить к брату, мсье Альбер зачем-то приглашает в ресторан миловидную мастерицу-отделочницу. Отделочница пытается устроить на работу свою младшую сестру, которая во время войны, будучи еще подростком, родила ребенка от немецкого солдата и теперь в родном городе подвергается бойкоту и оскорблениям. При этом на саму отделочницу имеет серьезные виды портной Абрамович по прозвищу Абрамаушвиц. Покамест же он пользуется услугами

проституток. Одна из них покупает лотерейный билет с номером, вытатуированным на руке Абрамовича – ее любимого клиента, но номер оказывается несчастливым. Другая отделочница – мадам Полетта – скрывает свое еврейство и, купив пакет с мацой, заворачивает его в несколько журнальных листов, чтобы никто не догадался. На обед портные ходят в кафе по соседству, и там же, бывает, пьют пиво фашисты – те, кто уже после окончания войны устроил еврейский погром под лозунгом «Франция для французов!». А полицейский комиссар 18-го округа Парижа так и вообще остался на своей должности с вишистских времен – во время войны он арестовывал евреев и отправлял их по этапу, а теперь, не стесняясь, открыто мешает их сыновьям получать гражданство. Старьевщик Изя зовет своего пса Лейбеле – в честь Троцкого, а также потому, что тот лает с еврейским акцентом. А сын мсье Альбера так и не станет художником, зато из него вырастет отличный фотограф...

Скромный мир маленьких людей с нехитрыми заботами и негромкими радостями, сквозь череду которых иногда простреливает пережитый ужас и унижение и сквозит чужим одиночеством.

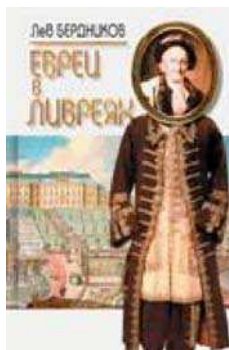
Айя Адааеиі іаі

Салат из евреев и ливрей

Лев Бердников

Евреи в ливреях. Литературные портреты

М.: Человек, 2009. – 352 с.

Бывают книги, способные поставить рецензента в тупик, – ибо не вполне ясен их жанр, а стало быть, критерии оценки. Так и в данном случае: книга Льва Бердникова вроде бы представляет собой сборник исторических биографий, воплощенную мечту советского еврея, весомый довод в пользу того, что и наш брат в России отметился с пользой для страны. Понятно, что подобное важно для человека закомплексованного, в глубине души не уверенного в том, что он в России свой, и нуждающегося в неких внешних аргументах.

Но времена изменились, и те, кто живет в России и считает себя евреями, уже не озабочены обоснованностью своего права говорить про эту страну «наша». Одни и вовсе не считают ее своей, другие же считают без каких-либо в том сомнений и потребности в доказательствах. А посему сборники биографий исторических деятелей, имевших то или иное отношение к еврейству, могут быть сегодня интересны, если исследуют какие-либо иные, специальные, вопросы, – например, проблему смены

вероисповедания или, допустим, влияние на карьеру знания языков. Но для подобной цели едва ли подходят собранные под единой обложкой жизнеописания столь разнесенных во времени людей, как Леон Жидовин – придворный врач Ивана Великого – и барон Гораций Осипович Гинзбург. Ибо про первого наука знает чуть меньше, чем изложено у Бердникова, тогда как про последнего материалов и без того достаточно.

В итоге получается что-то странное. Скажем, в сборнике есть очерк о первом учителе Петра Никите Зотове. При этом доказательства его еврейского происхождения сводятся к случайному указанию на то, что его предки – выходцы не то из Грузии, не то из Польши, да к неким «семитским чертам» на портрете. Эдак у нас вообще все евреями окажутся!

Столь же натянуто причисление к евреям действительно выдающегося деятеля русского XVII века – дьяка Алмаза Иванова. Да, кто-то когда-то делал такие предположения – но сегодня достоверно известно, что это не так. (Хотя происхождение Алмаза – открытая научная проблема, в частности, дискутируется его связь с обширным дьяческим кланом Чистых.)

Кроме того, в книжке Бердникова миллион неточностей и ошибок самого разного рода. Ордынский хан Ахмат назван почему-то казанским, хотя это две большие разницы. Иван III и его сын Иван Молодой упорно называются царем и царевичем, хотя этих титулов не носили и ими не пользовались. Второй Новгородский поход Ивана III относится к 1479 году, хотя в реальности имел место двумя годами ранее. Олеарий назван секретарем посольства при Алексее Михайловиче, хотя в царствование этого монарха пределов России не пересекал. Меншиков традиционно поименован сыном пирожника, хотя этот вымысел Куракина давно уже не считается в науке правдой (см., например, работы Юрия Беспахтых); впрочем, в другом месте автор говорит о нем как о сыне конюха, что несколько ближе к истине. Борис Шереметев просился в монастырь, а потом женился на молодухе – не в 1714-м, а в 1712 году, в 1713-м в этом браке уже родился сын Петр. Шафиров был сослан в Новгород Великий, а не в Нижний Новгород.

Дабы не продолжать этот нудный список, сошлюсь лишь на один эксперимент. Крупнейший на сегодня специалист по Великому посольству Петра Первого Дмитрий Гузевич прокомментировал по моей просьбе «профильный» двухстраничный отрывок из книги, касающийся принятия на русскую службу Антона Дивьера.

Итак:

«Амстердамские власти, зная о пристрастии царя к Нептуновым потехам, устроили тогда маневры, в ходе которых разыгралась нешуточная морская баталия. Десятки парусных кораблей выстроились в две линии в заливе Эй, вблизи мыса Схелингвуд. Петр, как истый морской волк, в разгар военной забавы перебрался со своей яхты на один из кораблей и принял командование им. Здесь-то его внимание и привлек красивый исполнительный юнга», – пишет Бердников.

«Это была бутафорская баталия 22 августа – 1 сентября 1697 года, где не участвовало ни одного корабля, но 40 яхт, частные мелкие суда и 27 береговых орудий. Петр командовал одной из яхт. Анекдот о его переходе с яхты на корабль взят из другой совсем оперы – дорога из Голландии в Англию в начале 1698 года, когда Петр действительно отказался ехать на удобной яхте и перешел на корабль. Так что “юнга на корабле” никак не мог попасться на глаза царю во время указанных маневров. При том, что нанят Дивьер был и в самом деле в Голландии», – комментирует Гузевич.

«Видимо, проницательный венценосец угадал в зеленом салажонке его более высокое предназначение, а потому сразу же определил Антона в придворные пажи», – утверждает Бердников.

«Дивиер стал денщиком Петра, а не придворным пажом – это принципиально разные вещи. Достаточно сказать, что для наличия придворных пажей должен иметься сам двор, которого у Петра в то время просто не было», – отвечает Гузевич.

«Будучи христианином (как и его покойный отец), Дивиер мог беспрепятственно жить в России и продвигаться по служебной лестнице и не приняв греческого вероисповедания (ведь стал же полным адмиралом друг царя кальвинист Ф.Я. Лефорт!). Тем не менее сразу же по приезде в Москву Антон обращается в православие», – продолжает Бердников.

«Во-первых, он был не просто христианином, а марраном, а это не вполне одно и то же. Крестился в католичество он вместе со своим отцом еще в Португалии, а по прибытии в Голландию прибился к сефардской общине Амстердама. Сравнение с кальвинистом Лефортом некорректно: в Лефорте никто не подозревал скрытого еврея, а протестантские течения были в Московии много более в фаворе, нежели католицизм. Дивиер же в качестве маррана должен был прикрываться личиной католика, что создавало много больше неудобств, в том числе и благодаря усилиям Лефорта, старавшегося вытеснить католиков из окружения царя. А посему вполне логично и не слишком травматично для Дивиера было принять в России православие: какая, в сущности, для скрытого еврея разница!» – поясняет Гузевич.

В общем, для обретения представления о владении автором материалом примеров достаточно. И это тем печальнее, что Лев Бердников обладает опытом исследовательской деятельности, работы в архивах и т. п. Но, видно, не было охоты утруждаться...

Евѣ Ошѣевѣ

ЗАМЕТКИ НЕПОСТОРОННЕГО

Манес Шпербер

Хурбан, або незбагненна певність (Хурбан, или Непостижимая уверенность)

Черновцы: Книги-XXI, 2009. – 268 с.

«Манес Шпербер принадлежал к той породе нарушителей спокойствия, которым Германия многим обязана», – такая оценка из уст ведущего критика ФРГ, прозванного Папой Римским немецкой литературы, Марселя Райх-Раницкого, дорогого стоит. В Германии, где писатель и социальный психолог Шпербер прожил всего шесть лет, он действительно удостоился признания, в частности, получил главную литературную премию страны – имени Бюхнера.

Русско- и украинскоязычному читателю этот уроженец Галиции, в юности – активист «А-шомер а-цаир», позднее – член Германской компартии, из которой вышел в 1937-м после московских процессов, напротив, почти не известен, а с еврейской стороны – не известен вовсе. Правда, «к корням» Шпербер, рожденный в хасидской семье, обратился довольно поздно – в начале 1950-х. И его эссе на эту тему, как заметил переводчик сборника Петр Рыхло, – это наблюдения не еврея, а, скорее, европейского интеллектуала, который хочет сделать еврейские проблемы достоянием широкой аудитории. Свои религиозные убеждения этот европейский интеллектуал сформулировал просто: «Мой иудаизм – солидарность со всеми, по отношению к кому совершена несправедливость. Издавна это было и моим социализмом...»

К избраннычеству относился с известным скепсисом: «Я довольно рано открыл для себя, что Б-жья милость сопровождает нас. Как горб спине... Цена, нами уплаченная, кажется мне слишком высокой за такое пребывание во времени и везде и всюду в пространстве. И тем не менее, мое еврейское бытие для меня столь же естественно, как, например, убежденность тирольского крестьянина в том, что он принадлежит земле, где стоит его село».

Между тем, для самого писателя Земля – та самая, обетованная, – и даже Стена весят немного. Меньше, чем, например, Акрополь. Более того, по Шперберу, именно утрата Храма обусловила не только существование еврейского народа, но и его веру и все то, что в нем стоило бы сохранить.

В известном смысле его можно было бы назвать идеологом галута, что, впрочем, не означает равнодушия к Израилю. Одно из эссе, написанное за день до Шестидневной войны, так и называется – «В глубокой тревоге». В «Израильском дневнике», перечисляя задачи, стоящие перед молодым государством, он признает, что «пытаться решить их все одновременно – неразумно». И тут же усмехается: мол, если бы этот народ всегда поступал разумно, то давно перестал бы существовать.

Другое дело, что идея «нового еврея», родства не помнящего, Шперберу чужда: «Если Израиль не вберет в себя все культурное наследие еврейства, то он рискует стать левантской провинцией еврейства, вместо того, чтобы подняться к его центру. Израиль <...> должен быть столь же универсалистским, сколь и национальным, чтобы иудаизм нашел в нем свою родину».

Самое объемное эссе, давшее название сборнику, не случайно посвящено Холокосту (хотя автор предпочитает традиционный термин «Хурбан» – «Разрушение»). Чувство ли вины за собственное спасение в нейтральной Швейцарии тому причиной или «солидарность со всеми, по отношению к кому совершена несправедливость», но главным объектом его критики становится Ханна Арендт, применяющая к Хурбану «полицейское понимание истории»: «Книга Арендт свидетельствует, насколько далеко отошла она от своего народа. Иначе не говорила бы о страданиях, которые должна бы ощущать и сама, так, словно хочет сыграть роль злодея из Пасхальной агады, вопрошающего: “Что с вами случилось?” С вами, а не с нами».

От рефлексий по поводу антисемитизма он, напротив, отстраняется, считая его нееврейской проблемой и резюмируя совсем уж не в духе европейского левого: «Б-г справедлив – из нас он делает жертвы, а из вас – палачей». В то же время Шперберу претит и вульгарный христианский филосемитизм, «унижающий, как комплимент, основанный на абсурдном недоразумении».

Последняя часть сборника – признание в любви к литературе на идише, одной из первых светских литератур, возникших в Европе, и к еврейским писателям, чье соседство в книге обусловлено лишь авторскими пристрастиями. Корни этой литературы Шпербер находит не в гетто, а штетле, что выходцу из Заблотова особенно льстит. Это, вероятно, наиболее пронзительно-личный раздел книги: «Белые голуби на крыше синагоги и светлые глаза Шолом-Алейхема, которые казаки во время <...> вторжения в наш дом выкололи штыками... С тех пор я видел много портретов великого еврейского юмориста, и каждый раз его выколотые глаза смотрят на меня... Эти глаза не смеются. Тем не менее Шолом-Алейхем – юморист горя – настаивает на том, чтобы мы смеялись. И его самобытный язык заставляет нас делать это. Будучи свидетелем <...> преследований царского режима, Шолом-Алейхем оставался полон надежд. Сегодня он, вероятно, думал бы иначе, несмотря на выпущенную в Советской России марку к столетию со дня его рождения. Тогда было трудно быть евреем; сегодня в России невозможно быть Шолом-Алейхемом».

И кто он после этого – Манес Шпербер? Разочаровавшийся в коммунизме европейский либерал? «Еврей не по вере, а по своему наследию», как характеризовал его Андре Мальро? А может, и тот и другой. Уж очень это по-еврейски.

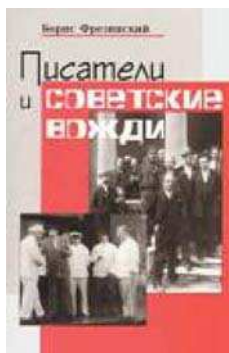
יִשְׂרָאֵל אֵינִי

Писатели и вожди. Продолжение следует...

Борис Фрезинский

Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов

М.: Эллис Лак, 2008. – 672 с.

История взаимодействия советской художественной интеллигенции и власти давно привлекала внимание исследователей. За последние два десятилетия опубликовано множество неизвестных ранее документов, так или иначе касающихся этой темы. Однако работ, авторы которых сумели бы обобщить эти материалы и выстроить связную картину взаимоотношений писателей и советского руководства, появилось совсем немного. И если то, как выстраивали свои отношения с властью отдельные писатели, постепенно

становится все более понятным (образец для подобного рода штудий – монография Лазаря Флейшмана «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов»), то взгляды большевистских вождей на литературу или механизмы функционирования таких важных инстанций, как Союз писателей, до сих пор еще детально не описаны.

Новая книга Бориса Фрезинского своим заглавием и компетенцией автора давала надежду на заполнение одной из многочисленных лакун. Надежда эта оправдалась – но лишь частично. В полном соответствии с подзаголовком автор не ставил себе цель написать связную и концептуально выдержанную книгу, а ограничился тем, что механически поместил под одну обложку разномасштабные сюжеты разной степени проработки.

Книга открывается россыпью архивных находок – письмами-просьбами советских литераторов (среди которых Горький, Куприн, Сологуб, Вяч. Иванов, Ремизов и Волошин) к Каменеву. Однако сами по себе эти письма ни в какой цельный сюжет не складываются, и, чтобы повествование не стояло на месте, автору приходится прибегать к многозначительным многоточиям или публицистическим эпилогам. Примерно так же обстоит дело и с разделами, посвященными контактам писателей с Троцким и Радеком. Здесь самая интересная главка – та, что описывает соперничество Троцкого и Сталина за право управлять литературой еще в 1922 году. Борьба эта, что неудивительно, окончилась победой Сталина, грамотно использовавшего административный ресурс.

Изложение приобретает стройность, как только доходит до наиболее волнующих автора тем – судеб Ильи Эренбурга и «Серапионовых братьев». Самые удачные разделы книги посвящены истории отношений Эренбурга с Бухариным и занимающей 200 страниц хронографии международных писательских конгрессов 1930-х годов. Пожалуй, никто кроме Фрезинского так пристально не занимался этими важнейшими для советской культурной политики мероприятиями. Спустя десять лет после публикации известной статьи о Парижском конгрессе 1935 года в альманахе «Минувшее» Фрезинский, опираясь на новые архивные материалы, написал и о том, как эта сталинская инициатива выдыхалась по мере отказа вождя от борьбы с фашизмом как идеологического приоритета. Своеобразным дополнением к истории конгрессов служит описание насыщенной интригами и выяснением отношений поездки комсомольских поэтов в Париж в 1936 году.

Весьма увлекательна и глава, анализирующая позицию Эренбурга в годы государственного антисемитизма. В ней продолжается многолетняя полемика с Геннадием Костырченко, пытающимся доказать, что Сталин никогда не планировал депортацию евреев. В «Писателях и советских вождях» Фрезинский спорит с книгой Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» – но совсем недавно вышла в свет новая работа историка «Сталин против “космополитов”. Власть и художественная интеллигенция в СССР», где, проигнорировав критику Фрезинского, он повторяет все ранее написанное и еще более заостряет свою позицию (о последних работах Костырченко см. статью Алека Эпштейна в настоящем номере «Лехаима»).

Полемика разворачивается в двух измерениях: во-первых, Фрезинский вполне убедительно указывает на логические несоответствия в построениях Костырченко – однако у историка по-прежнему остаются сильные аргументы в защиту своей версии, так что окончательное решение вопроса о том, планировалась депортация или нет, по-видимому, придется в очередной раз отложить. Во-вторых, Костырченко очевидным образом недолгоблудит Эренбурга и видит в нем всего лишь послушного исполнителя воли Сталина. И здесь позиция Фрезинского представляется более фундированной – он в

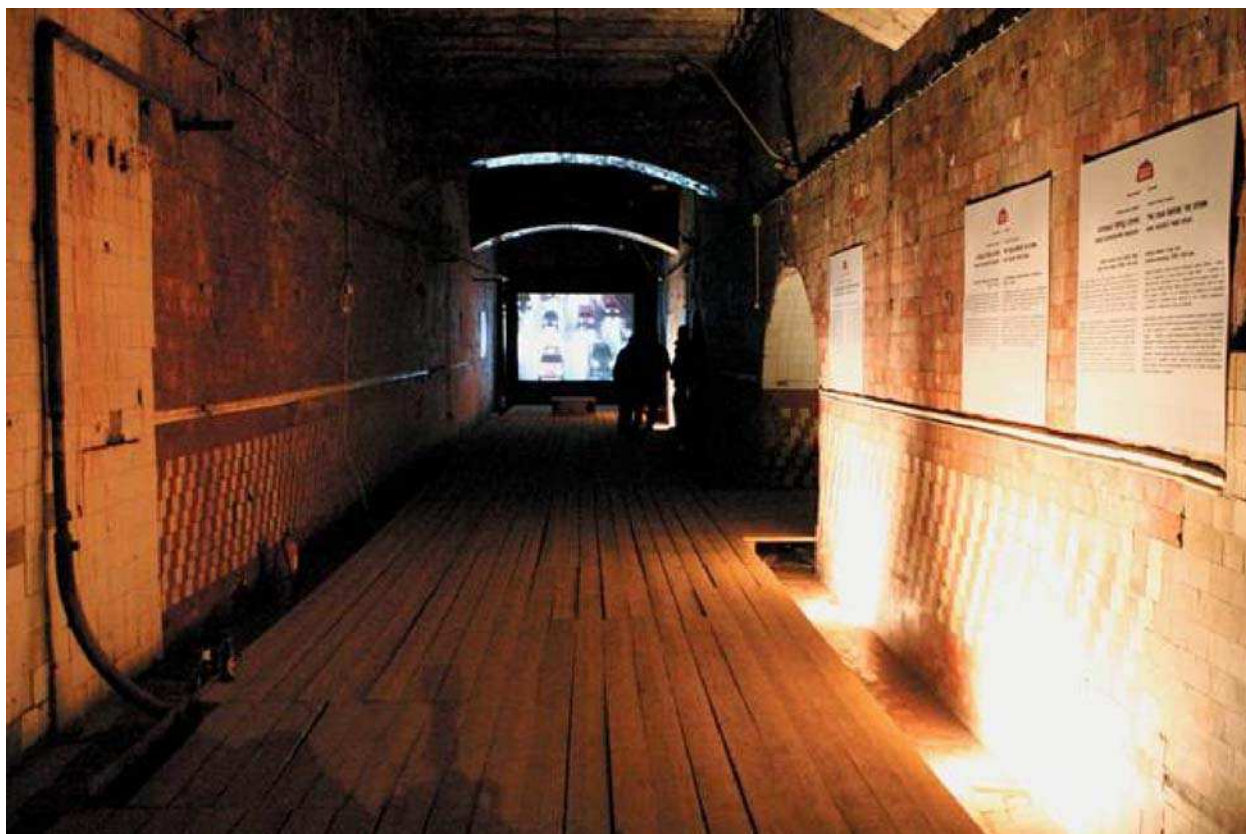
мельчайших подробностях показывает, как Эренбург изо всех сил сопротивлялся оказываемому на него давлению и использовал свой авторитет, чтобы скорректировать государственный курс в отношении евреев. Этот сюжет прочитывается с тем большим вниманием, что после отказа Пастернака подписать требование о расстреле военачальников в 1937 году, протест Эренбурга был чуть ли не единственной попыткой советского писателя лично противостоять каннибальским инициативам Сталина на столь высоком уровне.

Èëÿ Ááíÿàèí

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ УСЛЫШАННЫМИ

Ėĕçà Ĩ ėààĕĭ ĩĕāÿ

В Москве, на «Винзаводе» прошла выставка израильского видеоарта «Затишье перед бурей», идея которой привезена из Нью-Йорка Федором Павловым-Андриевичем, русским юношей, никогда не бывавшим в Израиле и совсем недавно соприкоснувшимся с современным искусством.

На выставке «Затишье перед бурей».

В такие моменты мир становится маленьким, как страна Израиль, а чувства обостряются. Идея израильского куратора выставки Вардит Гросс, собственно, отражена в названии. Жизнь молодого героического государства уподобляется разбушевавшейся стихии, если здесь и есть минуты тишины, то это затишье перед бурей, когда лишь опытный глаз может определить: этот мир – не мир, а начало неизбежной катастрофы. Израиль в своем видеоарте, по мысли куратора, должен представлять страной с обостренными политическими чувствами, размышления и действия жителей которой всегда максимально собраны и напряжены.

Центр современного искусства «Винзавод»

Сложно реконструировать, как этот феномен выглядит из Нью-Йорка, откуда приехала к нам идея выставки, но в Москве он точно воспринимается несколько иным образом. Для нас Израиль – это страна, где много, очень много наших, страна древней культуры, и только потом воюющая страна. Израиль древний как мир и Израиль современный, молодой и активный живут параллельно, иногда даже враждуя между собой, и в искусстве это очень заметно.

Древний народ, известный своей мудростью и говорящий на суперсовременном языке, – такая точка зрения на выставку «Затишье перед бурей» неизбежно формируется в России, не столь древней, но тоже старой цивилизации, с трудом осваивающей новые языки. Да, из Москвы на видеоарт смотреть сложнее, так как здесь еще нет привычки к нему и нет свободы общения, которая в современном искусстве очень важна, так как это говорение на современных, а значит, быстрых и понятных языках.

Но посмотрим на израильский видеоарт из Нью-Йорка. В знаменитом нью-йоркском выставочном зале актуальных проектов PS1 (Пи Эс Уан) Федор Павлов-Андриевич увидел видео, поражающее своей красотой. В водах Мертвого моря, в бесконечной улитке из арбузов, обнаженное тело художницы Сигалит Ландау дрейфует вместе с движением арбузной системы, в которую оно оказалось поймано. Голубое, зеленое, сияюще-красное, обнаженное женское. Цветовой набор этого видео ассоциируется с раем земным, смысл его трагичен и горестен: «Ее обнаженное тело указывает на раненые плоды, сладкая мякоть которых смешана с соленой водой <...> эта бесконечная петля – спокойствие, буря и последующее затишье – аллегория израильской жизни и израильского искусства». Останавливаешься, привлеченный невероятно красивой картинкой, и обнаруживаешь, что от тебя ждут понимания и знаний.

Видео «Понимание скоро придет».

Рои Розен

В израильском видеоарте, как бы разнообразен он ни был, требование знания – общая черта. В видео художника Рои Розена девятилетний мальчик говорит о самом этом видео, частью которого он является, на четырех языках, один из которых – язык жестов. Он говорит, преувеличенно жестикулируя, стараясь, как ребенок, быть понятым, преодолевая сложности и не особо доверяя тому, что его действительно слышат и понимают. Естественно, это проецируется на восприятие Израиля извне. Все вроде бы знают о проблемах этой страны, но слышат ли? Понимают ли? Стараются ли понять? Или только делают вид? Европейское изобразительное искусство христианских времен называли «Библией для неграмотных». Израильское современное искусство сродни «книге для неслышащих». Надежда быть услышанными, а значит, понятыми и глубокое, горькое недоверие сквозят во многих из этих произведений.

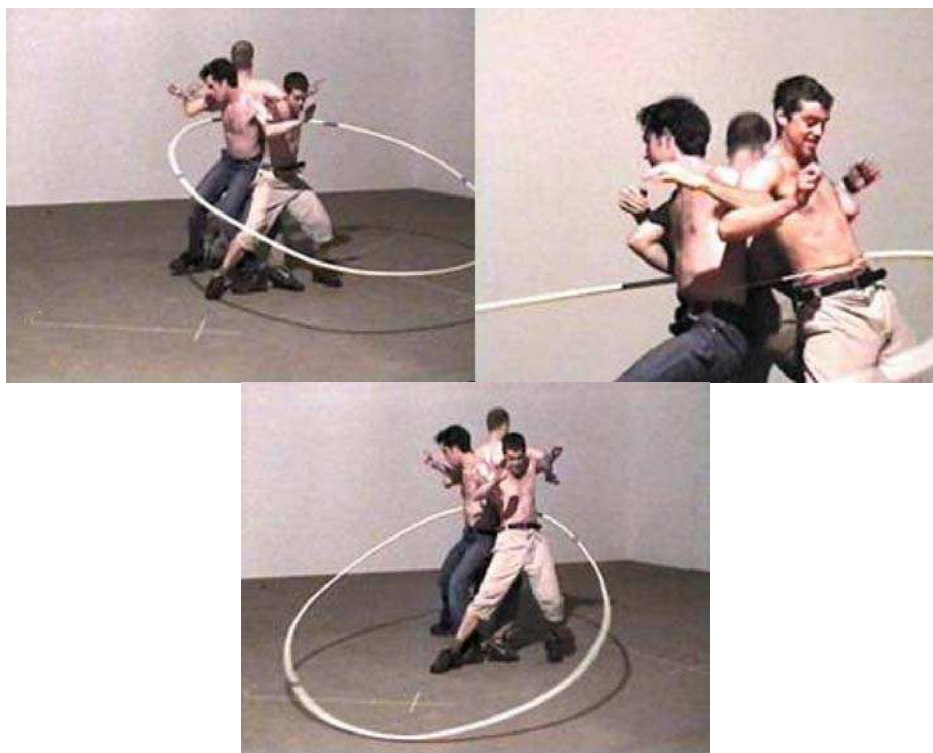
Но есть и другой израильский видеоарт. Надо сказать, кураторы, даже максимально сократив свою коллекцию, все же представили в Москве основные тенденции в возможной полноте. Другой израильский видеоарт – это видеоарт для своих, для самих себя. Видеоарт, подразумевающий, что зритель и художник находятся в одном месте и силою неотвратимости обстоятельств говорят на одном языке. Соответственно, проблема понимания здесь снимается. Достаточно символов, легких и лаконичных, – и острые, сложные и пока не разрешимые обстоятельства встают впечатляющей панорамой. Язык искусства, избавленный от обязанности быть доступным и от прикладной функции переводчика, удивляет и радует красотой, разнообразием и сложностью. Вспоминаешь и то, что визуальный язык и даже искусство как таковое – это занятие новое (не более ста лет) для еврейского народа, культура которого по определению книжная, словесная и письменная, но не изобразительная. И вот уже перед нами неожиданно возникает образ молодого народа, использующего для передачи своих ощущений опыт и символический язык других народов, более привычных к изобразительным формам общения. Израильские видеоартисты, разговаривая между собой и о своем, черпают из сокровищниц старой Европы лучшее, что там было собрано, и результат впечатляет.

Видео Ори Гершта «Гранат». Испанский натюрморт, в который влетает пуля, и зерна граната постепенно становятся кровавыми звездами. Испанский натюрморт не

случаен: это опыт страны, столетиями раздираемой войнами, одной из родных европейских стран для евреев. Но особенный фокус этого видео в том, что оно только прикидывается простой и старой европейской вещью. На самом деле это сложный компьютерный продукт, где 45 секунд реальной съемки превращены в бесконечные минуты преобразующейся реальности.

Другое видео – уже упоминавшейся Сигалит Ландау – ассоциирующееся с ренессансной, а в проекции и с этрусской, и с древнегреческой культурами. «Трое и обруч»: трое мужчин, сцепившись спина к спине, руками пытаются крутить обруч. У них получается – но какой ценой?.. Одно из замечательных свойств видеоарта – возможность передавать события такими, какими они были, без работы камеры и без монтажа. И это чистое действие дает паузу, способную предоставить время для того, чтобы погрузиться в раздумья.

Сложнее всего в Москве воспринимаются, как ни странно, не философские вопросы, волнующие израильских художников, а технический язык их видеоработ. Этот аспект выставки доступен лишь посвященным, а жаль: находясь на территории современного искусства, эти произведения, при всей своей сложности, хотят быть понимаемыми с полуслова.

Видео «Трое и обруч». Сигалит Ландау

Видео Яэль Бартана «Ночные кошмары» (название на польском) на самом деле представляет собой лайф-перформанс, то есть действие подстроенное, но развивающееся в реальной жизни и потому непредсказуемое. Эта работа, пожалуй, единственная в своем роде, где сдержанный крик прорывается сквозь шепот полупонамеков и говорение для непосвященных, единственное произведение, в котором чистая эмоция бьет сильно и откровенно.

Особенность видеоарта в том, что это жанр комбинированный: кроме приемов собственно видеоартистских, в нем активно задействованы возможности других языков

современного искусства – перформанса, лендарта, редимейда и новых технологий, а также репортажа, бытовых камер слежения, хоумвидео и прямой трансляции. Немаловажную роль здесь играет и то, что старший брат видеоарта – кинематограф – переживает сейчас в Израиле свой расцвет. Как это связано? Современное искусство по роду своему и племени явление философское и экспериментаторское, таким оно сформировалось когда-то в богемных парижских ателье и кафе, таким и остается. А это значит, что оно не развлекает и не обслуживает. Как бы красиво и привлекательно современное искусство ни становилось, как бы ни усложнялись его методы и ни росли гонорары, все равно это занятие ученых и революционеров. Видеоарту недосуг гоняться за большим кино, все равно не догонит. Но если большое кино на подъеме, если его произведения хороши, привлекательны и остры, то видеоарт может спокойно заниматься своим сложным делом – искать неактивные области современного самосознания и активировать их, разрабатывать новые языки, а не учиться говорить на уже существующих, открывать скрытые функции таких вещей, как красота, любовь, а не рассказывать вновь и вновь о том, что они есть.

Видео «Гранат». Ори Гершт

Израильский видеоарт – часть изобразительного искусства всех евреев, и это относительно новый для евреев язык. Этот видеоарт оставляет впечатление первых больших достижений детей, в которых узнаешь и не узнаешь самого себя, радуешься достижениям и умиляешься неизбежной юношеской наивности и порывистости. Может быть, искусство израильского видеоарта не так глубоко и спокойно, как искусство классиков этого жанра, но оно искренне и живо, что является достижением само по себе. Искусство, основная мысль которого – быть понятным, скорее становится любимым, а желание быть услышанным превращается в немое, но теплое узнавание и доверие. Современное искусство на то и есть современное искусство, чтобы браться за задачи, которые невозможно решить здесь и сейчас.

Видео «Ночные кошмары». Яэль Бартана

ЕЩЕ ПОСМОТРИМ

«Парижачьи»

Москва (пос. Борки), галерея «Наши художники», до 20 мая

Роберт Фальк. На бульваре. Париж. Середина 1930-х годов. Из коллекции галереи «Наши художники»

«Итак, мы встретили не то, что ждали: никакой торжественности, натянутости и парадной пышности; ни особого блеска, ни громадных зданий. Старинный, плохо расположенный город; рядом с просторными блестящими бульварами – узкие улочки, тупики, беспорядочное и громовое движение, – описывал Исаак Бабель свои впечатления от французской столицы. – Но вот мы пожили в Париже некоторое время... и все более становятся вам понятны художники разных стран, приехавшие в Париж на неделю или на месяц и оставшиеся на всю жизнь в этом городе, созданном, как произведение искусства».

Париж долгое время был художественным центром мира, «городом-светочем», куда стекались художники со всего света. Шестьдесят созданных в прошлом столетии на берегах Сены картин показывает сейчас галерея на 19-м км Рублево-Успенского шоссе. Среди авторов – Хаим Сутин, Борис Григорьев, Марк Шагал, Мстислав Добужинский и, конечно же, Роберт Фальк. Тот самый, о котором Александр Бахрах заметил: «Ему нравилась не столько французская столица в целом, сколько каждый парижский округ, взятый “сам по себе”, и он настаивал на том, что ни один из них не похож на соседний, что в каждом своя особенная душа и своя жизнь. Этим и объясняется, что за время своего пребывания в Париже он переменял чуть ли не полтора десятка обиталищ, причем каждое из них находилось в другой части города». Повторить такой опыт хронического переселения сегодня труднее, чем раньше, но спасают картины, из которых также состоит парижский миф: пейзажи, открывающиеся из окон мастерских, сцены в кафе, портреты русских парижан...

«Художники, которые жили и работали в Париже»

Москва, галерея «Школа» (ЦДХ), до 30 мая

Марк Шагал. Улица в Витебске. 1914 год

За тяжеловатым названием скрываются два десятка полотен первоклассных авторов начала века. Как и многие их современники, Надежда Удальцова, Марк Шагал, Давид Штеренберг и голландец Кес ван Донген изучать современное искусство поехали в Париж (исключение – Морис Вламинк, он-то был коренной парижанин). Их творчество начала века и показывают теперь в «Школе», включая никогда не привозившиеся в Россию работы дореволюционного Шагала (например, его «Парикмахерская» 1914 года прежде вообще никогда не покидала дом Валентины Бродской, второй жены художника). Судьба этих авторов сложилась по-разному: так, ван Донген окончательно переселился в Париж и стал салонным портретистом, а гениальный Штеренберг, проработавший в Париже целое десятилетие, попытался завязать роман с советской властью и был даже одно время комиссаром по делам искусств, Удальцова же после ареста мужа, художника А. Древина, на многие годы оказалась вычеркнутой из «текущего процесса», получив статус классика уже после смерти.

Всегда другое искусство

Москва, Музей современного искусства РАХ, Гоголевский бульвар, 10, до 23 мая

Виктор Бондаренко коллекционирует русское искусство всех эпох. Иконы из его собрания выставляли в Третьяковке (сейчас их показывают в столичном Музее имени Андрея Рублева), а вот подборку принадлежащего ему искусства последнего полувека публика увидит впервые. Фотореализм и соц-арт, московский концептуализм и постмодернизм, Михаил Шварцман и Оскар Рабин, Эдуард Гороховский и Эрнст Неизвестный, Олег Кулик и Эрик Булатов... Сто работ позволяют совместить ленивым поход в музей с кратким курсом отечественной арт-истории. Для людей с углубленным интересом к миру – обширный каталог с подробными текстами.

Современное искусство, священное пространство

Нью-Йорк, Еврейский музей, до 1 августа

Герберт Фербер. «И куст не горит». 1951 год. Фасад синагоги общества «Бней-Израэль», Мильбурн, Нью-Джерси

После войны, когда еврейское население американских метрополий начало переезжать в пригороды, там стали активно строиться новые синагоги. С архитектурной точки зрения многие из них выглядели образцами нового стиля (что, впрочем, не отменяло их связей с традицией). Новый стиль требовал нового оформления – и Персиваль Гудман, архитектор синагоги общества «Бней-Израэль» в Мильбурне, штат Нью-Джерси, пригласил для оформления крупнейших авторов абстрактного экспрессионизма Роберта Мазервелла, Герберта Фербера и Адольфа Готтлиба. Фербер оформил фасад синагоги (огромный рельеф был назван «И куст не горит»), Мазервелл – ее внутреннее убранство, а Готтлиб – вельветовый парохет. В итоге получился без преувеличения шедевр, синтезирующий в себе архитектуру и убранство, веру и искусство.

Выставка в Нью-Йорке впервые документирует историю создания этого по-своему хрестоматийного здания. В экспозиции представлены не только авторские эскизы и фотографии, но и макет синагоги, созданный в свое время Гудманом.

Августин I гедоня

СВОИ ВЕЩИ

Àdèãdèé Dáàpèí

Есть ли что-то еврейское в работах Александра Бродского? Ну, кроме того, что по всем его офортам, рисункам и инсталляциям летают люди с меланхолическим выражением лица и большими носами? В принципе, ничего специального. Это общечеловеческое искусство, в нем нет специальных еврейских тем, еврейских мест. Но есть специальное отношение к вещам.

А. Бродский на фоне инсталляции «Окна».

Здесь и далее фотографии с выставки А. Бродского в Музее современного искусства в Перми. Апрель 2010 года

Вообще-то, евреям, по-моему, свойственна некоторая безбытность, вещи у них не очень задерживаются, скорее, проплывают мимо. Но если задерживаются, с ними происходят метаморфозы. Они как-то одушевляются, обретают если не большой нос, то меланхолию. Они начинают размышлять о смысле Бытия или, по крайней мере, стремятся пристроиться к этому смыслу.

Александр Бродский любим людьми. Я не помню ни одной работы Бродского, от офортов «бумажной архитектуры» 1980-х годов (сделанных вместе с Ильей Уткиным) до его инсталляций на выставке «Русское бедное» в Перми в 2008-м, которая воспринималась бы критикой, коллегами и публикой иначе, кроме как с восхищением. Он выигрывал международные конкурсы в Японии в 1980-х, украшал Питтсбург и метро в

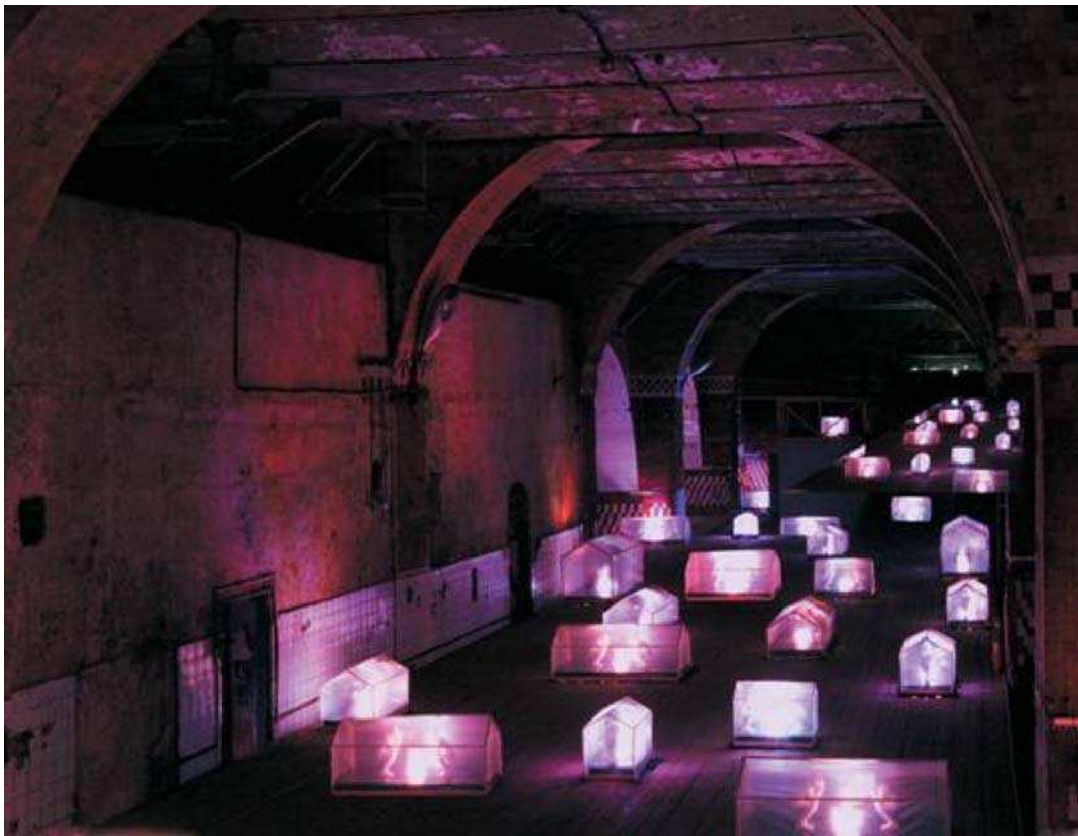
Нью-Йорке в 1990-х, в 2001 году на Миланской триеннале был назван «лучшим художником Европы», в 2006-м представлял Россию на Венецианской биеннале. Он, несомненно, будет представлять наше время в будущем, в историях искусства. Но ему не завидуют, а если завидуют, то скрывают это. Он пробуждает в людях спящие лучшие чувства, и говорят о нем легко и приятно.

Любовь – чувство банальное потому, что не в состоянии объяснить свой предмет. В 2004 году Бродский выставил «Павильон для водочных церемоний» на выставке «Арх-Москва». Это был сарай, сколоченный из старых окон фабрики Бутикова на Остоженке. Фабрику сломали, Бродский собрал свой павильон в Пирогово для фестиваля «Арт-Клязьма». Я был членом жюри фестиваля, помню, как мы, не сговариваясь, решили присудить этой работе премию за лучший интерьер. Выбор не вызывал сомнений, они возникли, когда надо было его обосновать. Выставка «Арх-Москва» собирала тогда самое лучшее, модное и дорогое, что было в нашей архитектуре и дизайне, и все это Бродский победил. Павильон его рассказывал, как 20-летием раньше, забравшись с друзьями в щель в промзоне, можно было выпить пол-литра водки. Постоянство, с которым люди прибегали к этой процедуре для достижения умиротворенной гармонии, наводило на аналогии с буддийским духом чайных церемоний Китая и Японии.

И что, вот эти церемонии, эти слепые белые окна, быстрое сладковатое сокращение горла с мгновенным ощущением: «опять хорошо!» – это действительно самое лучшее, что у нас было? Все, что вокруг: модные здания, интерьеры и мебель – это действительно чепуха по сравнению с тем чувством бесприютной гармонии вечности, которое создавала водочная церемония?

В рецензии на выставку Бродского в российском павильоне в Венеции в 2006 году я повторил слова, которыми Дмитрий Быков определил стихи Пастернака: вещи Бродского – «мгновенный укол счастья». Последней инсталляцией Бродского, которую я видел, была «Ночь перед наступлением» на реконструированном им «Винзаводе» в Москве. В сводчатых залах в полной темноте вокруг огоньков, обозначавших костры, сидели сотни гипсовых фигур. Это было так красиво и грустно! Вот они сидят в этом бесконечном пространстве, люди с большими грустными носами, и смотрят на огонь, а утром бой и они умрут. Ну и в чем «мгновенный укол счастья»?..

Он рассказывает все больше про смерть. То у него большой колумбарий из спитых чайных пакетиков, выглядящий как брошенное еврейское кладбище в Украине, где-нибудь в Сатанове. То дом сломали, а остались окна с ровными разводами серой грязи, рисунками и надписями, процарапанными давно выросшими, а то и ушедшими подростками. Грустное рукоделие. И вот спрашивается: откуда счастье-то? В чем радость? За что любовь?

Инсталляция «Ночь перед наступлением»

В 2000 году в галерее Марата Гельмана прошла выставка под названием «Кома». Борис Орлов назвал эту инсталляцию Бродского «лучшим произведением 1990-х годов». Там стоял хирургический стол, на котором Бродский поставил макет города, вылепленный вручную из белой глины, со следами пальцев. Над городом висело восемь больших бутылей-капельниц с машинным маслом. Эта жирная черная дрянь медленно сочилась из капельниц и заливала город. К концу выставки она залила его целиком. Бродский – это такой Моцарт нашего искусства – счастливый, любимый, гениальный. Моцарт сочинил «Реквием». Можно представить себе Моцарта, сочиняющего Апокалипсис?..

В 1990-х годах у нас возникла новая архитектура. После советского быта она была гедонистической оттепелью. Модной, богатой, очень зарубежной. Частные дома стали фейерверками хай-тека посреди соснового бора, все было гладкое, блестящее, все ликовало: «Радуйтесь!» В 2000-х эта архитектура проникла в города, появилась Остоженка, счастливая выставка достижений архитектурного хозяйства, и изогнутые небоскребы Сити, и уже в Петербурге замаячила башня Газпрома, и Олимпиада идет в Сочи. И чем этого больше, тем меньше это понятно.

Все же архитектура, если она искусство – это осознание своего места и времени. Граф Александр Бенкендорф говорил: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение», но позднее выяснилось, что прошедшее кошмарно, настоящее оставляет желать лучшего, а будущее сомнительно. Все рушилось, из Третьего Рима мы шагали в третий мир, и откуда, спрашивается, такой беспросветный оптимизм? Нельзя ли как-то архитектурно выразить, что на деле наше пространство наполнено тревожной меланхолией, зябким оцепенением, одиночеством забытых и выброшенных вещей?

Бродский – про это, про то, что в стороне. Мы живем будто чем-то не бывающим, периодически прорываясь к ощущению: то коснемся тач-пада, то ай-фона, а все остальное время трогаем серую периферию, которая остается в стороне от прав на реальность, и не осознаем касания. У Бродского эта периферия является центром. Он, как всякий большой художник, открыл мир, но совсем недалеко, буквально под ногами. Открыв, начал методически исследовать.

Две его масштабные инсталляции, в Нью-Йорке, в галерее Рональда Фельдмана, и в Москве, в галерее Марата Гельмана, по сути представляли собой «каталоги забытых вещей». Бесконечные столы, уставленные вылепленными из глины вещами. Детские машинки, книги, бюстик Ленина, ботинок, очки, пистолетик, электробритва «Харьков», старый телевизор, телефон, окурки, презерватив, стаканы, карандаши, ручки, подставки, солдатики – все, что окружало нас в жизни когда-то и даже еще теперь окружает, если ему удалось спрятаться за границы поля зрения, так, чтобы не заметили и не выбросили. Отчасти это напоминает буквари, где на каждую букву рисовали отдельный предмет, – он их вылепливал. Это был поэлементный анализ мира, исследование его элементарных частиц.

В чем-то это напоминает логику архитектурного анализа: буквари легко оборачивались каталогом строительных материалов. Те же окна, из которых был сложен его «Павильон для водочных церемоний», или интерьер клуба «Апшу» в Москве, тоже созданный из этих старых окон, по сути являлись такими же инсталляциями, как те, которые он показывал в Нью-Йорке и в Москве. Такой же была его «Ротонда» на фестивале «Арх-стояние» в деревне Николо-Ленивец – мавзоль, построенный из старых, выброшенных дверей. Архитекторы часто озабочены проблемой, как построить новый мир, – Бродский придумал, как с нуля строить старый. Для этого мира понадобился новый словарь – не по составу, а по природе составляющих его слов.

На периферии зрения вещи, оказывается, изменили статус своей материальности. Все это наблюдали, никто, кроме Бродского, не заметил, а вышло вот что. Ампирная мебель горела в печках блокадного Ленинграда – она простояла в квартирах сто лет. Сегодняшние столы и стулья живут десять. На дореволюционных пишущих машинках еще перепечатывали самиздат в 1970-х годах. Срок жизни компьютера – пять. Счеты щелкали десятилетиями – калькуляторы живут год.

Когда вещь живет столетие, она не воспринимается как временная, она как бы есть всегда, как камень на дороге или вода в озере. Если вещь сломалась, это кажется досадным отклонением от нормы, ее чинят. Но когда она живет год, у нее появляется

судьба. Она становится смертной. Ей можно ставить памятник. Все эти вылепленные из глины предметы на столах – это и были бесконечные памятники конькам, линейкам, кастрюлькам. А памятник – о, это такая тема! Тут так много всего, от надгробия на кладбище до монумента на Капитолии, от Медного всадника до Каменного гостя, тут такая мифология! И все это теперь относится к осмыслению шнурков, пылесосов, ластиков...

Бродский изначально архитектор, а не художник. Из художников его не с кем сопоставить, в своей поэтике и стилистике он ни на кого не похож. Но, разумеется, мир исполненной меланхолии повседневности лишь для архитектуры был чем-то недостижимым и закрытым, художники открыли его давно. Хотя не так.

Архитектура – искусство наивно-позитивное. Невозможно представить себе здание, которое своими формами, фактурой, композицией выражало бы, насколько отвратительно место, где его поставили, как мерзки люди, которые в нем живут, и как предосудительно то, чем они занимаются. Современное искусство совсем не таково. Как раз выразить чувство глубокого несогласия или даже омерзения в отношении изображаемого жизненного явления – будь то человек, пейзаж или натюрморт – для искусства совершенно естественное дело, и время от времени возникает ощущение, что этим оно в первую очередь и занято.

Бродский, конечно, не создает архитектуру; точнее, архитектура, которую он создает, не научилась – еще? – вбирать в себя всю полноту тех образов, которые он находит в искусстве. Пожалуй, только «Винзавод», галерея «ОГИ», клуб «Апшу» и ресторан «95 градусов» раскрываются к тому, чтобы вобрать в себя эту интонацию, и то только раскрываются, но еще не вобрали. По-моему, это проблема заказчиков: они любят Бродского, с удовольствием заказывают ему квартиры, частные дома и бани, но при этом не могут отделаться от желания жить как-то погламурнее. Мир же периферийного бытового хаоса, который он создает в своих инсталляциях, готов к переходу в архитектуру, ибо по-архитектурному позитивен. Там, может быть, не все благополучно, но никого не разоблачают. Ластик – не сексуальный извращенец, что трется обо что ни попадя, шнурки – не аморальные пресмыкающиеся перед тиранией. Нет. Бродский ищет, что хорошего в этих вещах, за что их можно любить. Ответ оказывается до такой степени очевиден, что незаметен, ведь то, что всегда перед глазами, не замечаешь вовсе. Раз вещи умирают, значит, они живут. У них есть судьба – юность, старость, смерть. Они не вещество, а существо. Существа любят.

Инсталляция «ЦПКиО»

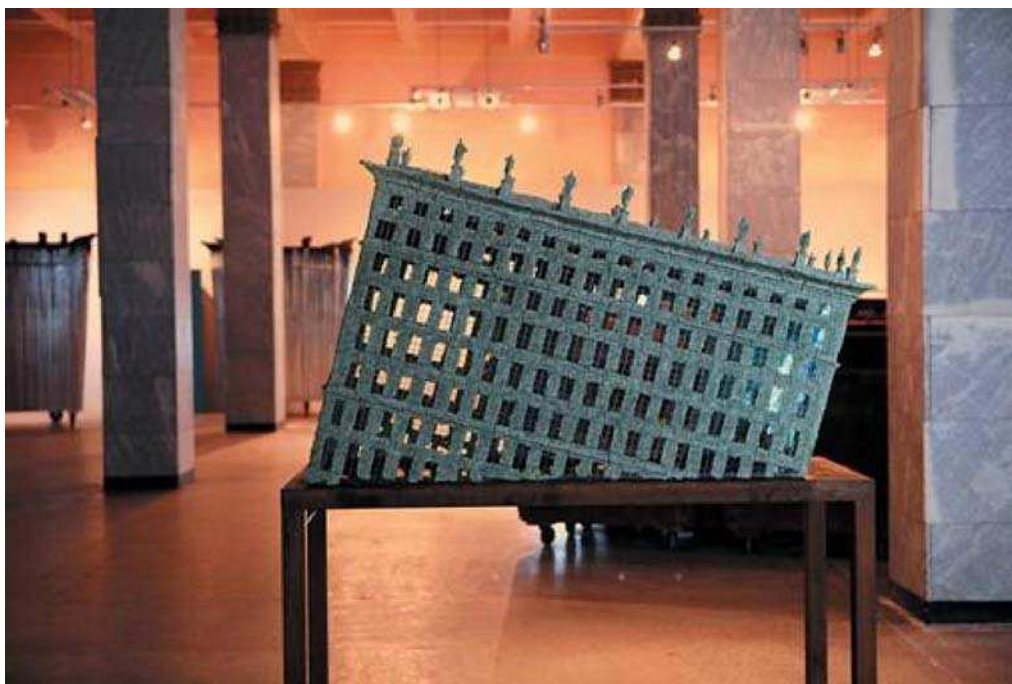
В принципе, мир Бродского можно было бы назвать «миром волшебной сказки». Особенностью сказки (в отличие от легенд, былин и прочих героических жанров) является то, что происходит она в повседневном мире – на кухне, в комнатах, в сараях, на птичьем дворе – здесь, в обычной реальности. Но все, что в ней есть, это не «что», а «кто», все вещи – субъекты. Стол, тарелка, вилка, ложка, сушка, пышка и картошка в любой момент способны заговорить, помочь, разбидеться и отвернуться, они все время как-то себя ведут, а если не ведут никак, значит, не хотят участвовать в этой сказке и ждут следующей. У Бродского все именно так и происходит, и архитектура, которую он бы строил, в идеале должна была бы быть такой, чтобы в ней разговаривали окна, двери, стены, полы и потолки. Причем говорили бы что-то серьезное, не пустое, про жизнь. Собственно, та «бумажная архитектура», которую они с Уткиным рисовали в 1980-х годах, такой и была.

Иногда вещи Бродского подчеркнута, нарочито сказочные, как, скажем, инсталляция на биеннале в 2006 году, где был показан горящий огоньками город, а если покрутить ручку, то шел густой снег и оставались только огоньки. Но при этом я бы все же не назвал Бродского сказочником. В его отношении к вещам, которым он ставит памятники, есть много сочувствия к их брэнной судьбе, но сочувствия свысока.

Замечательный эссеист Александр Можаяев в 2005 году в журнале «Большой город» опубликовал рассказ о своей прогулке с Бродским по Замоскворечью. Бродский вдруг вспомнил: «Как-то раз после школы я переходил на Новокузнецкой улице через трамвайные пути, а рядом улицу переходил настоящий рак: он удрал с рынка и переполз через всю площадь!» В 1998 году в подвале гостиницы «Метрополь» он оформил интерьер ресторана «Teatro». Там был аквариум в форме модели разрушенного ренессансного палаццо, и в нем сидел омар, ожидая, пока кто-нибудь из посетителей ресторана его закажет и съест. В каком-то смысле это была история большого жизненного

успеха – рак таки убежал, форсировал реку, заматерел, стал настоящим омаром, поселился в «Метрополе» в своем собственном палаццо – канва напоминала интервью для журналов типа «Карьера» или «Успех», которые раздавали в 1990-х первые крупные бизнесмены. Но все это было омрачено перспективой неминуемой гибели. Кстати, с тех пор не только рака съели, но и интерьер разрушили, и у Бродского даже есть инсталляция «Предпоследний день Помпеи», где то же ренессансное палаццо проваливается в темную жижу и исчезает, а внутри еще слышны голоса какого-то кино...

Однажды я присутствовал при разговоре пожилого религиозного человека с внучкой, смысленной девочкой со щенком. «А зря мы отказываем животным в том, что у них есть душа», – произнесла она в детской задумчивости. «Это не мы, это Он», – ответил дедушка, выразительно показав глазами вверх.

Инсталляция «Предпоследний день Помпеи»

Рак с религиозной точки зрения существо бездушное, хотя это как-то странно – ведь он живет, пусть и не вполне праведно. У меня такое ощущение, что Бродский относится к вещам, пространству и времени своего мира не как сказочник к своим героям, а как человек к своим домашним животным. У них есть судьба, они живут и умрут, он знает их по именам и характерам, но души Он им не дал, какие-то они ограниченные... Тем больше они нуждаются в нашем присутствии.

Ресторан Бродского «95 градусов» построен в Бухте радости, на Клязьминском водохранилище. Из воды торчат сваи, на них в три уровня висят открытые навесы-этажи. На последнем располагается остекленная железная кабинка. Все сваи забиты в землю под углом в 95 градусов, откуда название ресторана. Больше всего это похоже на офорты Бродского, где все вертикали как бы чуть-чуть под углом, а след чуть рвущей край офортной игры создает ощущение органической фактуры – то ли неструганых досок, то ли ивовых прутьев, то ли ржавой металлической арматуры. Так и сделан этот ресторан.

Здание что-то отдаленно напоминает, но «что-то» и «отдаленно». Кажется, постройка слегка покосилась, что бывает с деревянными домами и сараями, стоящими в России у воды. Отдаленно она напоминает модернистское сооружение из стоек и балок с

открытыми террасами, галереями, лестницами. Отдаленно напоминает окруженный колоннами греческий храм. И так далее. Всё – воспоминания, прообразы которых читаются неясно. Балки и сваи, из которых все это создано, трачены временем, у них такой вид, будто их уже где-то использовали, выкинули, и они приплыли по воде.

Человек сидит на берегу реки, к берегу прибывает разные вещи. Все они когда-то чем-то были – храмом, домом, – а теперь это уже ничто, просто кусок вещества, но вещество помнит, чем было.

Искусство Бродского можно назвать посткатастрофическим или даже искусством причалившего Ковчега. Был некогда мир – мир родителей, советский, досоветский, мир искусства итальянского Ренессанса – и его больше нет. Мир нашего детства, исчезнувшего Замоскворечья, Москвы, страны. А мы почему-то спаслись, и теперь прибой выбрасывает к берегу останки. Специфика положения причалившего в том, что вещи вокруг меняют свое значение – они помнят ушедшее. То, что была катастрофа, открыл не Бродский – это опыт каждого человека, прожившего в России последние двадцать лет. Но Бродский открыл особую интонацию этого состояния. В собирании останков былой катастрофы возможно найти гармонию и свет. За что мы его и любим.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ЕВРЕИ

Ī àéŷ Āîē÷âē

Режиссер Ноах Баумбах

Гринберг

США, 2010

При просмотре американских фильмов последних лет, посвященных проблемам «маленького человека», нет-нет да и вспомнится анекдот. Женились два еврея: один на еврейке, другой на русской. Встречаются через какое-то время, и тот, который женат на еврейке, жалуется: «Ох уж эти еврейские жены, все время они болеют!» Второму неловко: «Слушай, русские тоже болеют». – «Да, но их не так жалко».

Главный герой в картине у 40-летнего Ноаха Баумбаха – 40-летний Роджер Гринберг, вернувшийся из Нью-Йорка, в котором прожил больше десяти лет, в родной Лос-Анджелес. Несколько недель Гринбергу предстоит прожить в доме своего брата, пока тот с семьей путешествует по Вьетнаму. В недалеком прошлом у экс-музыканта Гринберга – работа плотником, нервный срыв и лечение в психушке. В неопределенном будущем – туман без проблесков оптимизма. Фильм же посвящен как раз неделям,

проведенным Роджером в доме брата, его отношениям с друзьями юности, с собакой и с помощницей по хозяйству по имени Флоранс.

Так уж повелось, что со времен Вуди Аллена у рефлектирующего неудачника наблюдается ярко выраженный семитский профиль. Но если для Аллена национальная самоидентификация – это способ существования героя внутри всех задаваемых рамок и контекстов, будь то время и место действия, характер персонажа и т. д., то с наследниками его режиссерской традиции дело обстоит сложнее. Например, братьям Коэн в «Серьезном человеке» еврейство героя было необходимо главным образом для того, чтобы представить свою историю вариацией на тему библейской притчи. Еврейство Роджера Гринберга (сам Гринберг, кстати, утверждает, что еврей он только наполовину, но, учитывая многочисленные тараканы в его голове, это, скорее всего, полуправда) – чистой воды вариация на тему анекдота.

Для режиссера это и неважно: в картине Баумбаха национальность героя определяет сварливый нрав, пол – инфантильность, возраст – кризис 40-летия. Все внешние события – музыкальный полууспех, Нью-Йорк, психиатрическая клиника – вынесены за рамки повествования, зрителям предлагается проследить за переменами в душевном состоянии Роджера, сумевшего к середине фильма полюбить собаку, а позже и девушку. Ларри Гопник у Коэнов хотел стать серьезным человеком и ради своей цели был готов сделать что угодно. Цель Роджера Гринберга – ничегонеделание, о чем он с нескрываемым удовольствием всем сообщает: «Я хочу ничего не делать. Я занимаюсь этим намеренно». Интересно показать, как человек меняется изнутри, когда событий в его жизни почти не происходит, – задача крайне сложная. Что Баумбах, наверное, вполне ощутил: к середине фильма сюжет провисает, а концовка и вовсе заслуживает приза в номинации «Ну очень открытый финал». Тем не менее интересующимся современным авторским кино посмотреть «Гринберга», безусловно, стоит. Во-первых, из-за Баумбаха, который как-никак оскаровский номинант и вообще подает большие надежды. А во-вторых, из-за Бена Стиллера – оказывается, он отличный актер. Причем, чтобы это доказать, ему понадобилось всего-то перейти от ролей комических придурков к роли придурка трагикомического. Стиллер играет точно, тонко, без нажима, но абсолютно. Такое впечатление, что для этой роли он не только похудел на 15 кг (как говорит актер, чтобы выглядеть моложе), но и реально вычеркнул из жизни последние 15 лет со всеми бесконечными «ночами в музее» и «мадагаскарами». За Стиллера отдельное спасибо режиссеру и сценаристу Баумбаху: не случись его «Гринберга», оставаться бы Стиллеру музейным горе-смотрителем, одним из последышей прежнего «главного по придуркам» Стива Мартина.

Ну и возвращаясь к «еврейской теме». Кажется, Алек Болдуин на последней оскаровской церемонии пошутил, обведя глазами зал: «Мерзкий нацист (Кристоф Вальц, “Бесславные ублюдки”) все время искал евреев. Ну так здесь для него “золотая жила”!» Очевидно, эта острота будет еще долго актуальна не только для киноакадемиков, но и по отношению к киногероям.

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ЧЕЧЕВИЦЫ

Ī eřāī à Āēāēřāāā

Чечевицу надо приготовить и попробовать хотя бы из любопытства: в судьбоносный день Яков накормил супом из нее Эсава, об обеде с чечевицей написала стихи Марина Цветаева, чечевица сыграла важную роль и в жизни Золушки. Ну как же после всего этого не приготовить чечевичный суп!

Готовить суп из чечевицы очень просто, притом он полезный, питательный и вкусный. Этот суп – одно из древнейших блюд человечества, его приготовление упоминается еще в Торе. Так что чечевичная похлебка давно уже вошла в историю и стала ее неотъемлемой частью, сыграв свою, особую роль. Причем очень важную в истории нашего народа...

Горошины чечевицы, зеленые, желтые, красные, коричневые, черные, рассыпались по всему миру, став незаменимой частью многих азиатских, североафриканских, европейских, американских блюд. Скромная и незаметная, она везде стала своей. Причем в разные века и времена с чечевицей были связаны по-настоящему счастливые моменты в жизни человека – она, доступная и сытная, спасала от голода и возможного отчаяния. Это гораздо ценнее и весомее, чем быть еще одним украшением пиршественного застолья.

Не становясь главным героем стихотворных произведений и полотен, не собирая восторженных эпитетов, чечевица, чечевичные похлебка и каша присутствуют в мировой классике, герои которой во все времена ее выращивают, хранят, едят, выменивают, готовят. Она – часть жизни с самых незапамятных времен.

И не только в древние времена чечевица была заметным персонажем. В XX веке о ней тоже вспоминали, и неоднократно.

В статье Велимира Хлебникова «Художники мира!», написанной в 1919 году, говорится о необходимости создания единого мирового языка и в качестве примера того, что способно объединить все и всех, называется чечевица: «Мы долго искали такую, подобную чечевице, задачу, чтобы направленные ею к общей точке соединенные лучи труда художников и труда мыслителей встретились бы в общей работе и смогли бы зажечь, обратить в костер даже холодное вещество льда. Теперь такая задача – чечевица, направляющая вместе вашу бурную отвагу и холодный разум мыслителей, – найдена. Эта цель – создать общий письменный язык, общий для всех народов...»

Велимир Хлебников, похоже, испытывал к чечевице особые чувства, у него есть пьеса «Шекспир под стеклянной чечевицей», где действие происходит в неожиданном пространстве и чечевице отводится своеобразная роль.

В это же время Марина Цветаева пишет дерзкие строки:

Òú ò îããà äúøàë è áðããëë Èáí ò îí .

В ò îããà òíãëëà ñ èðãíí ùí ááí ò îí .

Áðëëëëáí ò îá í á áúëí è òðáí ò îá

Áëë í ù ãðíð è ÷á:ááëóá

Òú îáí áæáú ñ òëëòú í ááëóó

- Ì îéðòð è çáííéòð, èàë í òèöà, -

Á áíí í òëááë. Î ááããëë áòðíáí .

А в 1965 году уже Иосиф Бродский, и тоже о чечевице:

Á äãðááí á Á-ãæëáíò í á íí óëëáí ,

èàë äóí àðò í áúñ áóíéëë, à áíðáó

Îí îñúúááò èðíãëð è ííñúó

è ÷áíðíí äááðë äáëëò ííííëáí .

Á äãðááí á Îí - á èçáúòéá Á ÷óáí á

Îí ááðëò íí ñúáííòáí ÷á:ááëóó

íðeíëýñíááàò ñííí íá íáá

ííáí èãááàò ì íá èàé í-áàèööá

Но вернемся к прозе и немного расскажем о том, что такое чечевица. На иврите она называется «адашим». Из нее варят суп, делают гарниры, из чечевичной муки можно печь лепешки. Она не только самый легендарный представитель бобовых, но и самый быстрый в приготовлении, особенно красные сорта. Поэтому ее необязательно предварительно замачивать. Если красную чечевицу немного недоварить, то ее можно использовать в салатах, а если доварить, она – вкусный гарнир.

Замачивать горошины или нет, решать вам, но варить чечевицу следует бережно, на медленном огне. Обязательно налейте холодной воды так, чтобы она покрывала чечевицу сантиметра на 2–3, не меньше и не больше. Солить можно сразу или потом, в зависимости от целей варки, последующих возможных этапов готовки. Чтобы чечевица была вкуснее, добавьте в воду следующие травы: шалфей, лавровый лист, розмарин и листья или стебли сельдерея.

И все же лучше приготовьте из чечевицы суп. Тем более что о пользе и важности «жидкого» каждому из нас в детстве неоднократно говорила бабушка. Суп вообще, наряду, наверное, с гефилте фиш, – это «еда от бабушки».

Такой суп должен получиться не слишком наваристым, очень ароматным и аппетитным: он должен своими ароматами, пока «доходит», самостоятельно, без дополнительного оповещения, собрать всю семью за обеденным столом.

Рецептов супа существует, естественно, множество, предлагаем несколько.

Для супа лучше взять красную или коричневую чечевицу.

Ее надо перебрать (да, как Золушке) и промыть. Варить суп можно на предварительно приготовленном курином бульоне или на овощном отваре.

НА КУРИНОМ БУЛЬОНЕ

Необходимо: 2 л бульона; 400 г чечевицы; 2–3 луковицы, в зависимости от размера; 2–3 помидора, также в зависимости от размера; 3 зубчика чеснока; кумин (или зира), соль, черный перец.

Одну-две луковицы (смотря сколько используете) разрезать на четвертинки, оставшуюся – мелкими кубиками. Очистить помидоры от кожицы и разрезать их на четыре части. Нарезать чеснок. Чечевицу вместе с луком, помидорами и чесноком варить на медленном огне, пока чечевица не станет мягкой (40–50 мин). И добавить обжаренный на сковороде лук.

Можно, все измельчив, сделать суп-пюре, а можно подавать и так – как вам больше нравится.

НА ОВОЩНОМ БУЛЬОНЕ

Необходимо: 1 л овощного бульона; 250 г красной чечевицы; 3 ст. л. оливкового масла; 1 луковица; 2 стебля сельдерея; 1–2 моркови; 6–8 зубчиков чеснока; 1 картофелина; 2 лавровых листа; 1–2 лимона; кумин, соль, черный перец.

Нарезанные овощи вместе с частью чеснока положите в сотейник или большую кастрюлю к пассированному луку. Добавьте в кастрюлю бульон, положите чечевицу и картофель, добавьте чеснок, лавровый лист и сок одного лимона. Когда суп будет почти готов, положите кумин, соль, перец. В готовый суп можно добавить оставшийся сок лимона.

Можете также взбить его в пюре или подавать так. В летний жаркий день суп можно подавать и холодным, и он будет особенно хорош, если добавить в него чуть больше лимонного сока.

МОЛОЧНЫЙ СУП ИЗ ЧЕЧЕВИЦЫ

Необходимо: 2 стакана чечевицы; 2 ст. л. сливочного масла; 2 л воды; 1 ч. л. куркумы; 1 ч. л. молотой горчицы; 1 ч. л. молотого тмина; 1 луковица; соль. Можно добавить в суп шпинат.

Чечевицу, 1 столовую ложку масла, соль, куркуму залить холодной водой, довести до кипения. Накрыть крышкой и варить до готовности чечевицы. На сковороде потушить лук, тмин и горчицу на сливочном масле. Когда будет готово, все вместе перемешать в блендере. Если добавляете шпинат, тогда пюре нагрейте, положите в него измельченный шпинат и варите еще пару минут.

ПРЕЗИДЕНТ ФФИ ПРЕДПОЧЕЛ ФРАНЦУЗА

Î àdê Çàé:èé

Главный тренер сборной Израиля по футболу Дрор Каштан, практически всеми признанный виновником очередного ее провала – команда не пробилась в финальный турнир ЧМ, – покинул занимаемый пост, хотя его тренерский контракт истекал лишь после ЧМ 2010 года в ЮАР. Тут-то и разгорелась дискуссия вокруг назначения нового тренера национальной сборной, оказавшаяся и продолжительной, и, не будет преувеличением сказать, яростной.

Луис Фернандес во время своего юбилейного матча. Стадион Кубертена в Каннах. 28 февраля 2010 года

В разыгравшейся баталии несколько человек стали центральными фигурами и среди них президент ФФИ Ави Лузон, неожиданно заявивший, что следующим тренером сборной непременно должен быть иностранный специалист. «А потом, – философски добавил Лузон, – может быть, и настанет черед израильскому наставнику». Он же и назначил спешно комиссию по поискам нового тренера-иностранца, во главе которой утвердил Мордехая Шпиглера, в прошлом звезду сборной, талантливого форварда, в свое время игравшего вместе с незабвенным Пеле в нью-йоркском «Космосе».

Шпиглер, и поныне пользующийся огромным авторитетом в спортивных кругах страны, провел несколько встреч со специалистами в Европе. Среди них были такие известные люди, как итальянец Донадони, голландцы Куман и Райкард.

Израильские СМИ не преминули сообщить, что на контракт с тренером-легионером из Европы ФФИ выделила 10 млн шекелей в год – сумма беспрецедентная в национальном футболе. По словам Лузона, деньги эти должны были поступить в кассу ФФИ от потенциальных спонсоров, которых могла бы привлечь фигура знаменитого тренера сборной.

Естественно, не обошлось без громких протестующих голосов, среди которых особенно выделялись голоса некоторых депутатов кнессета. Аргументы представлялись весомыми: Израиль не может позволить себе такие траты на иностранного специалиста, было бы лучше заняться детским и юношеским футболом, на пост же главного тренера назначить израильского специалиста с «вменяемой» зарплатой.

В ответ на депутатские заявления тут же появились новые кандидаты на желанный пост, среди которых заметно выделялся Эйяль Беркович, в недавнем прошлом ведущий игрок сборной, отработавший девять сезонов в командах английской Премьер-лиги. Беркович заявил, что в деньгах вообще не заинтересован, может работать бесплатно, за идею, как говорится, и начал рекламную кампанию по продвижению своей кандидатуры. Несколько его высказываний выглядели, мягко говоря, странновато, и, кажется, сам Беркович виновен в провале своих немалых тренерских и человеческих амбиций.

Назывались имена и других израильских специалистов, но все это выглядело неубедительно. Сборной Израиля требовался тренер, который сумел бы сплотить спортсменов, поднять их футбольный уровень, придать им необходимый победный импульс для спортивной борьбы.

Тут-то и всплыло неожиданно имя французского специалиста Луиса Фернандеса, который не так давно уже работал в Израиле с командой «Бейтар» (Иерусалим).

Фернандес, сыгравший за сборную Франции 60 раз, тренер высокой квалификации, ко всему прочему был привязан к Израилю крепкими семейными узами: жена его, соблюдающая еврейка, воспитывает детей в иудейской традиции.

Кандидатура Фернандеса встретила одобрение как в среде руководства ФФИ, так и в среде футбольных болельщиков Израиля, несмотря на взрывной и независимый характер Фернандеса: еще не забылась пари-сен-жерменская история с участием бразильца Роналдиньо и с его скандальным отчислением из французского клуба.

«Мне нравится темперамент, дарование и атакующий напор израильских футболистов, кроме того, я... просто люблю евреев, я – филосемит», – во всеуслышание заявил уроженец Андалузии.

Следует заметить, что Фернандес давно дружит с некоторыми ведущими израильскими игроками и тренерами, прошедшими в своей карьере через французские профессиональные клубы. Это все тот же Мордехай Шпиглер, Гиора Шпигель и бывший капитан сборной Израиля Таль Банин, игравший под руководством Фернандеса в клубе французской Высшей лиги «Канн».

С Фернандесом встретился президент ФФИ Ави Лузон и договорился об условиях полугодового контракта, оказавшихся на самом деле не столь уж выгодными, в отличие от ранее прогнозируемых. В контракте оговорена возможность дальнейшего сотрудничества в случае успеха команды в отборочных соревнованиях. Годовая зарплата тренера в размере 500 тыс. евро и 250 тыс. евро премиальных в случае выхода израильской сборной в финальный турнир ЧЕ 2012 года – суммы вполне сопоставимые с теми, что получают специалисты в национальных командах большинства других стран того же футбольного уровня. Итальянец Роберто Донадони, к примеру, требовал от ФФИ зарплату в 2,5 раза большую, чем Фернандес.

Новый тренер сборной, согласно условиям контракта, обязан проводить в Израиле 20 дней в месяц, получая двухдневный домашний отпуск каждые две недели.

Представленный журналистам на пресс-конференции в Тель-Авиве, 51-летний наставник израильской сборной рассказал о том, каким видится ему будущее команды, какие пути ее развития он намечает и что радикально нового намерен предпринять на своем посту.

Помощником главного тренера сборной стал Таль Банин, на назначении которого жестко настаивал Фернандес. До этого Банин тренировал юношескую сборную страны.

Тренерская группа сборной будет усилена и другими специалистами, о которых объявят позже. Наставником по физподготовке сборной станет опытный французский тренер Деро, уже работавший в Израиле.

Как сказал один из комментаторов, «средиземноморский характер Фернандеса поможет ему быстро акклиматизироваться в Израиле, понять местный менталитет». И еще одна важная деталь в характере Фернандеса: при всей своей театральности он не хочет никому понравиться, произвести впечатление – он достаточно откровенен и честен в отношениях с людьми.

Луис Фернандес перед своим юбилейным матчем. Стадион Кубертена в Каннах. 2010 год

Президент ФФИ Ави Лузон не скрывал удовлетворения новым назначением: «Этот тренер нам подходит и даровитостью, и запросами». А Президент ФФИ человек тоже непростой: банкир и профессиональный упрямец.

Фернандеса ожидает в Израиле сложная работа на посту тренера сборной, от которой все ждут выхода в финал большого турнира после столь долгого перерыва, начавшегося в 1970 году в дни участия в мексиканском ЧМ.

Первое испытание сборной Израиля с тренером Фернандесом во главе ожидается в мае, в товарищеском матче против сборной Уругвая.

Француз уже продемонстрировал списки игроков, за которыми намерен пристально следить в играх национального первенства. И судя по этим спискам, он хорошо подготовился к новой должности: почти всех кандидатов в национальную сборную не только знает поименно, но с некоторыми уже провел предварительные беседы.

«Просмотрю всех, достойных футболки национальной команды, двери в сборную открыты для каждого», – сказал Фернандес журналистам. А те, в силу особенностей своей профессии люди недоверчивые, а иногда просто ядовитые, встретили слова темпераментного француза жиденькими аплодисментами, перемежающимися поощрительными улыбками сугубо кулуарного пользования: мол, посмотрим, как все пойдет. Оно, конечно, правда, и понять скепсис журналистов можно, но с таким настроением в финальный турнир ЧЕ 2012 года не проходят. А ведь хотелось бы.

ЕЛЕНА ШВАРЦ. РЫЦАРЬ-ПОЭТ ПЕТЕРБУРГА

11 марта в Петербурге после тяжелой болезни на 62-м году умерла Елена Шварц, большой русский поэт, прозаик и переводчик.

Елена Шварц родилась в семье театроведа, заведующей литературной частью Большого драматического театра Дины Шварц и окончила театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кино. С конца 1960-х ее стихи начали появляться в самиздате. В 1979 году Елена Шварц стала вторым лауреатом премии Андрея Белого, учрежденной самиздатским литературным журналом «Часы». В начале 1980-х ее первые публикации стали выходить за рубежом, а в 1985 году в Нью-Йорке был опубликован первый сборник стихов Елены Шварц «Танцующий Давид».

Книги: «Танцующий Давид» (Нью-Йорк, 1985), «Стихи» (Ленинград–Париж–Мюнхен, 1987), «Труды и дни Лавинии, монахини из Ордена Обрезания Сердца» (Анн Арбор, 1988), «Стороны света» (Ленинград, 1989), «Стихи» (Ленинград, 1990), «Лощия ночи» (Петербург, 1993), «Песня птицы на дне морском» (Петербург, 1995), «Mundus imaginalis» (Петербург, 1996), «Западно-восточный ветер» (Петербург, 1997), «Соло на раскаленной трубе» (Петербург, 1998), «Стихотворения и поэмы» (Петербург, 1999), «Дикопись последнего времени» (Петербург, 2001), «Сочинения в двух томах» (Петербург, 2002). Стихи переводились на основные европейские языки, выходили книгами по-английски, по-немецки (дважды) и по-сербски.

В русской поэзии имя Елены Шварц четко ассоциировалось с петербургским поэтическим мифом-текстом. Она была абсолютно питерским поэтическим рыцарем, отстаивавшим последний оплот Серебряного века русской поэзии. Ее поэзия прочерчивала долгую линию наследования от одической поэтики Ломоносова к Хлебникову и обэриутам: к Хармсу и Введенскому, а затем к Леониду Аронзону. При всей своей охранительной, сохраняющей функции (поэтическая личность ее была совершенно непримиримой и дерзкой), Елена Шварц была новатором в поэзии. Новатором, нашедшим новое мощное русло просодии.

Ее трагическая метафизическая лирика, отчетливо карнавальным эпос ушли от традиционной силлабо-тоники, – ее стихи пронизаны ритмическими переборами, ломаным

дыханием, неожиданными музыкальными диссонансами. При этом дыхательный напор ее стихов наполнен виртуозной оркестровкой, яростным смыслом.

Àìò àíí àè ì àðàíé ì áá

Ààãñî àí á àè í í

À ñáñí áú àí çèè ààÿ,

× ò í áú í í : ò è ò ù í ç á è ò Í ó;

È àè è è á ñ ò è ò è

Í à ñá : é á ì æ è ààÿ,

В Ñì àð ò è ñ á ñ ò ð:

Í : àè í é á ò ááÿ àí í ù ñ ù

Светлана Иванова, зная Елену Шварц лично, говорит о ней как о человеке редчайшего ума, пронзительности, дикой внутренней мощи, которая контрастировала с ее хрупким, подростковым обликом: «Она любила народовольцев, героев Французской революции, полководцев Российской империи. При этом Лена была очень ранимой. Всю жизнь она выхаживала больных животных и пыталась, как могла, искренне понять любого человека, кто оказывался с ней рядом».

Поэтическая слава Елены Шварц уникальна для русской, и особенно петербургской, поэзии. Телесно небольшая, хрупкая, она обладала репутацией непримиримого к фальши, отрешенного от каких-либо карьерных помыслов отшельника. Мне лишь однажды довелось слышать ее в Москве – в 2002 году в Музее имени Маяковского – поэта, чьи ранние стихи очень любила Елена Шварц. Чтение произвело оглушительное впечатление. Изящная, невысокая женщина победно читала свои стихи. Первый поэт Петербурга стоял перед нами на сцене посреди Москвы – отрешенный, находящийся сейчас в совершенно иной, не географической точке...

Àéàçñí áð Èèèè : àáñèé

АВТОРЫ НОМЕРА

Оксана Алексеева журналист, ведущий редактор журнала «Shape-Меню». Работала редактором журнала «Natural Health». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2002».

Илья Баркуцкий (р. 1972) специалист по истории восточноевропейского еврейства XIX века. Преподаватель Академии им. Маймонида и кафедры иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ.

Олег Будницкий (р. 1954) историк, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор монографий «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1917–1957», «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» и др.

Илья Венявкин (р. 1981) историк, филолог, исследователь советской культуры 1930-х годов.

Майя Волчек журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд», премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Михаил Гольд (р. 1972) журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Сергей Дашков (р. 1968) писатель-историк, журналист, автор книг «Императоры Византии», «Цари царей – Сасаниды».

Валерий Дымшиц (р. 1959) антрополог, этнограф, литературовед, переводчик («Тяжба с ветром» [Антология еврейской литературной сказки]; «Книга рая» Ицика Мангера). Директор центра «Петербургская иудаика».

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Исроэль-Иеошуа Зингер (1893–1944) еврейский прозаик и журналист. Писал на идише. Автор романов «Сталь и железо», «Йоше Калб», «Братья Ашкенази», «Семья Карновских» и других, книги очерков «Новая Россия», воспоминаний «О мире, которого больше нет» и двух сборников рассказов.

Александр Иличевский (р. 1970) прозаик, поэт: «Случай», «Не-зрение», «Волга меда и стекла», «Нефть», «Ай-Петри», «Гуш-мулла». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

Роман Кент (р. 1929) автор книги воспоминаний «Мужество было моим единственным выбором». Рассказ «Лала» впервые опубликован в сборнике воспоминаний

«Еврейские судьбы. Свидетельства выживших». В США вышел отдельной книгой «My Dog Lala».

Борис Кли́н (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Афанасий Мамедов (р. 1960) автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Лауреат премии им. Казакова (2007).

Алексей Мокроусов (р. 1965) литературный и художественный критик, печатается в «Коммерсанте» и «Ведомостях».

Синтия Озик американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда.

Арье Ольман (р. 1969) гебраист, библеист, переводчик еврейских классических текстов. Доктор философии, сотрудник педагогической ассоциации «Новая еврейская школа», Института Штейнзальца, Центра Чейза.

Лиза Плавинская искусствовед, автор статей о русских художниках и архитекторах, куратор, арт-критик, художник. Публикуется в изданиях: «Проект Россия», «World Paper».

Григорий Ревзин (р. 1964) историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века», «Очерки по философии архитектурной формы»). Архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика». Публикуется в журналах «AD», «GQ» и др.

Елена Римон литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль».

Даниил Романовский (р. 1952) специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

Лев Усы́кин (р. 1965) прозаик, эссеист, автор сборников рассказов «Медицинская сестра Анжела» и «Русские истории», а также биографии адмирала Василия Чичагова. Ведет историческую колонку на Полит.Ру.

Михаил Шнейдер (р. 1957) доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Перевел на русский сидур «Теилат Ашем», «Законы основ Торы» и «Законы раскаяния» Рамбама.

Алек Эпштейн (р. 1975) историк, социолог и востоковед, доктор философских наук. Автор монографий, научных и публицистических работ.